

Ф. В. Баллодъ.

НѢКОТОРЫЕ МАТЕРІАЛЫ

ПО ИСТОРИИ

ЛАТЫШСКАГО ПЛЕМЕНИ

съ IX по XIII столѣтіе.

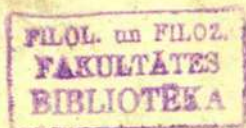
Inv. 23360.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКОЙ ПЕР., СЪБ. Д.

1910.

Изъ VIII тома Записокъ Московскаго Археологическаго Института.

Печатано по постановленію Совѣта Московскаго Археологическаго Института. 28 марта 1910 года.

Директоръ Института *Александръ Успенскій*.

Гарсет мѣсет несакетт мѣла
Дауде лѣмѣнѣгу лавдеем
Francis.

Маскава, 10. X. 1910.

„Laudis manu mužu lema,
„Škeet laimiū nelemam“...
(tautas dzeesma).

Люди вершили мою судьбу,
Счастье чуждалось меня...

Исторію латышскаго народа до конца XII столѣтія нельзя сравнивать съ объемистою книгою, которую достаточно перелистать, чтобы найти подробное описаніе жизни народа; имѣются лишь жалкіе отрывки, которые тщательно должны быть собираемы. Исторія древнихъ латышей напоминаетъ старую книгу съ вырванными и изорванными листами... „И кто“, говоритъ И. Д. Кродзпѣксъ въ своей статьѣ „Kas ir latveešu vesture?“¹⁾, „задумалъ посвятить свои силы изученію ея, тотъ взялъ на себя тяжелую задачу“.

„Kur preedite tavi zari, celmi veen ir lidumâ...“; „гдѣ, со-снущка, твои сучья, одни пни остались на расчищенномъ подѣ пашню холмѣ“,—говорится въ латышской народной пѣснѣ, да и пни эти настолько уже сгнили, что только съ трудомъ можно отыскать то мѣсто, гдѣ они стояли. Древнія городища, могильники, святые рощи и дубы намъ о многомъ сумѣли бы рассказать, если бы могли говорить; но и они съ каждымъ годомъ все больше исчезаютъ,—и мы видимъ лишь разрушающіеся пни, обросшіе мхомъ валы и камни, свалившіеся стволы святыхъ дубовъ и—сгнившія кости предковъ, по которымъ ходимъ, ни о чемъ не думая. „Ubi sunt, qui ante nos in mundo fuere...“, которые такъ же, какъ и мы, веселились и плакали, въ радости или въ горѣ довершали свой вѣкъ, чтобы потомъ превратиться въ прахъ?

Покопаемся же въ этомъ прахѣ, осмотримъ старинные могильники, дубовыя и березовыя рощи, не забудемъ и лѣтописи древнихъ народовъ,—можетъ быть все это поможетъ намъ воскре-

силь древняго латыша, его жизнь, культуру, борьбу за нее, и смерть, и можетъ быть пополнить вмѣстѣ съ тѣмъ страницы науки о жизни, ибо согласно пословицѣ: „ragatni petit, tagadni vetit — ig nakotni svetit“, — изучать старину, критиковать современность значить благословлять будущность.

Я приравнивалъ извѣстное намъ о древнемъ латышѣ жалкимъ отрывкамъ, которые должны быть тщательно собираемы; въ виду этого я прошу не предъявлять къ моей работѣ чрезмѣрныхъ требованій и не вмѣнять мнѣ въ вину, если я гдѣ-нибудь пришелъ къ субъективному выводу.

Съ своей стороны, я всегда старался слѣдовать девизу: „Vitam, salutem, veritatem!“ — но какъ это удалось, не знаю.

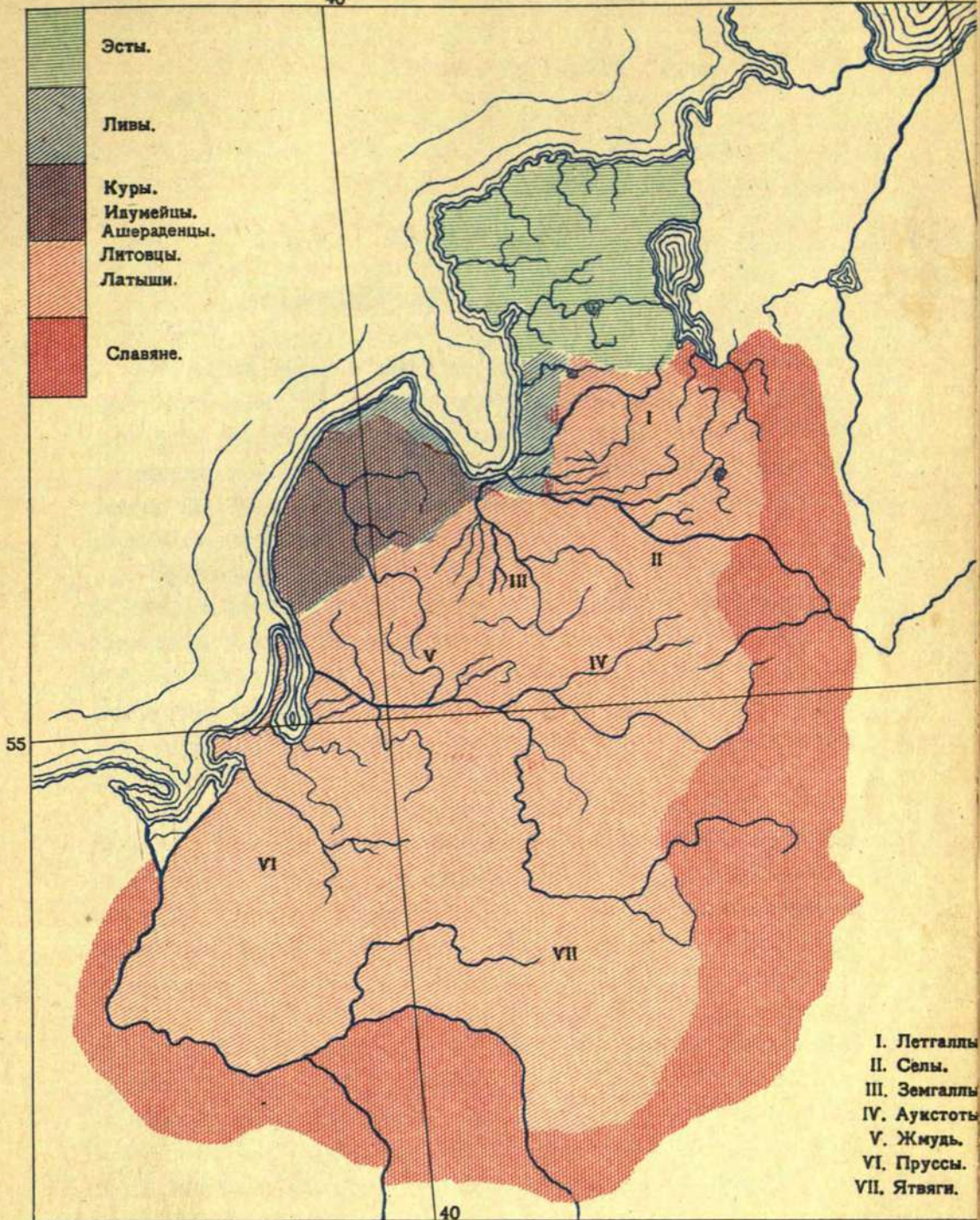
Москва, 1909.

Ф. В. Баллодь.

Латышско-литовскія племена.

40

50

- Эсты.
- Ливы.
- Куры.
Идумейцы.
Ашераденцы.
- Литовцы.
Латыши.
- Славяне.

- I. Летгаллы
- II. Селы.
- III. Земгаллы
- IV. Аукстоты
- V. Жмудь.
- VI. Пруссы.
- VII. Ятвяги.

40

Г Л А В А I.

Латышско-литовскія племена.

Къ самой молодой вѣтви сѣверно-европейскихъ арійцевъ, къ „летто-славянамъ“²⁾ принадлежатъ латыши, которые въ древнѣйшее время вмѣстѣ съ пруссами и литовцами составляли одно племя, съ однимъ общимъ языкомъ и общими обычаями. У древнихъ писателей (Тацитъ) это племя было извѣстно подъ названіемъ „эстійцевъ на Янтарномъ берегу“³⁾.

Въ настоящее время литовцы отгѣснены отъ моря; въ XII столѣтіи и латышей отдѣляли отъ моря ливы, но въ древнѣйшія времена⁴⁾, 5000 лѣтъ тому назадъ, они имѣли одну общую родину съ пруссами около Куришь-гафа, въ областяхъ тѣсно прилегающихъ къ Балтійскому морю⁵⁾, и большимъ числомъ находокъ представленъ здѣсь ихъ неолитическій и древнѣйшій металлическій вѣкъ⁶⁾.

Съ увеличеніемъ населенія „эстійцы“, т. е. летто-пруссолитовцы, занимали все большее количество областей и распались на отдѣльныя племена. На сѣверѣ ихъ земли простирались до владѣній туранскихъ племенъ⁷⁾; на юго-востокѣ въ описываемую мною время ихъ ближайшими сосѣдями были кривичи и дреговичи, на юго-западѣ—мазовичи и поморяне⁸⁾.

Matheus Miechow въ своемъ „Tractatus de duabus Sarmatiis“⁹⁾ о народѣ эстійцевъ и его племенахъ говоритъ слѣдующее: „Praeterea linguagium Lithuanicum est quadripartitum, primum linguagium est Jaczuingorum ut horum circa castrum Drahicin inhabitavunt et pauci supersunt. Alterum est lithuanorum et Samogittarum. Tertium Prutenicum. Quartum in Lothwa seu le-

thihola in Livonia, circa fluvium Dzuina et Rigam ciuitatem. Et horum quamquam eadem sit lingua, unus tamen non plene alterum intellegit, nisi cursinus et qui vagatus est per illas terras“.

По Брянцеву ¹⁰⁾, Антоновичу ¹¹⁾ и Олаву ¹²⁾ къ эстійцамъ принадлежали слѣдующія племена:

А. Литовцы.

1. *Аукстоты* или литовцы, самое большое племя эстійцевъ, жили около Виліи и по среднему теченію Нѣмана. Земли ихъ лежали въ центрѣ латышско-литовской земли, почему аукстоты въ послѣдствіи сыграли роль вождя другихъ племенъ, и основали литовское великокняжество—Литву.

Въ виду того, что въ дальнѣйшемъ изложеніи я литовцевъ касаться не буду—ибо цѣль моей работы собирать матеріалы по исторіи только латышей,—я считаю нужнымъ вкратцѣ напомнить читателю судьбу первыхъ. Только тогда у насъ получится полная картина жизни латышей, только тогда читатель уяснитъ себѣ нѣкоторые изъ моихъ выводовъ.

Какъ извѣстно, имѣется весьма немного данныхъ о началѣ Литвы ¹³⁾; да и то, что извѣстно, отчасти основывается на народныхъ преданіяхъ.

По народному сказанію ¹⁴⁾ всѣ латышско-литовскія племена объединилъ въ одно цѣлое маститый старецъ Видевуть. Онъ же имъ далъ законы, онъ основалъ религію Перкона, Потримпа и Пикола, поставивъ въ дубовой роцѣ изваянія упомянутыхъ трехъ боговъ и учредивъ классъ жрецовъ—„кривовъ“, на обязанности которыхъ лежало поддерживать неугасаемый огонь на алтаряхъ. Далѣ ¹⁵⁾ мы слышимъ, что Видевуть раздѣлилъ свою землю между сыновьями, почему могучая Литва распалась.

Но все это только сказанія...

Въ XIII столѣтіи Литва—великое княжество, которое достигаетъ высшей ступени своего могущества при Гедиминѣ. Послѣдній завоевалъ въ 1320 году у русскихъ Волинь, и расширилъ свои владѣнія на югъ до Кіева и Подоліи, на востокъ до Чернигова. Ольгердъ, сынъ Гедимина, продолжалъ заваеванія своего

отца, анектируя русскія области; однако, его сынъ, Ягелло, въ 1386 году присоединилъ Литву—Литву сильную, могучую, свободную,—къ Польшѣ, не предвидя, что этимъ лишитъ свой народъ политической самостоятельности.

2. *Жмудь*, жившая около устьевъ Нѣмана, Дубиссы и Нежежи, было второе важнѣйшее литовское племя, не мало способствовавшее образованію литовскаго великаго княжества. Область жмуди Эйрагола—родина второй литовской великокняжеской династїи, къ которой принадлежали: Литуверъ (?—1293), Витенъ (1293—1316), Гедиминъ (1316—1341), Ольгердъ и Ягелло¹⁶).

3. *Ятвяги* (или ятвинги) обитали въ дѣвственныхъ лѣсахъ Буга, тамъ, гдѣ теперъ Бѣловежская пуца, врѣзываясь клиномъ въ славянскія земли между областями мазовичей и дреговичей.

Находясь въ неравной борьбѣ съ упомянутыми двумя славянскими племенами, ятвяги не всегда удачно отражали ихъ набѣги; будучи въ началѣ часто побѣждаемы, они въ XIII столѣтіи уже храбро отбивали нападенія галичанъ, пока, наконецъ, не были принуждены присоединиться къ двумъ вышеупомянутымъ литовскимъ племенамъ. Лѣтописи о ятвягахъ до начала XII столѣтія¹⁶) говорятъ слѣдующее:

„983 иде Володимиръ на Ятвяги и побѣди Ятвяги и всю землю ихъ.

1038 иде Ярославъ на Ятвяги.

1112 Ярославъ ходи на Ятвязъ, сынъ Святополкъ, и побѣди я“.

Частые походы противъ ятвяговъ показываютъ, какъ слаба была здѣсь власть русскихъ, которые нѣсколько разъ должны были вновь покорять храброе племя.

4. Земли *голяди* лежали между Угрой и Протвой, притоками Оки, отдѣльно отъ земель другихъ литовскихъ племенъ.

Голяди пришлось много перетерпѣть отъ нападеній своихъ сосѣдей-славянъ, кривичей и родимичей. Какими судьбами голядь отдѣлилась отъ другихъ своихъ единоплеменниковъ и поселилась въ теперешнихъ Боровскомъ, Малоярославскомъ, Мединскомъ, Тарусненскомъ и Калужскомъ уѣздахъ Калужской губерніи, неизвѣстно. Интересно, что имя „голядь“ сильно напоминаетъ древне-прусское племя „галіуда“ Птоломея¹⁷).

Б. Пруссы.

5. Пруссы, 10 областей которыхъ: Кульма, Помезанія, Позгезанія, Вармія, Натанга, Бартія, Галинтія, Судавія, Надрава и Шалава, лежали къ западу отъ жмуди, между устьями Нѣмана и Вислы, до Древенцы, подобно ятвягамъ, часто должны были отражать нападенія славянъ и нѣмецкаго ордена на свои земли¹⁸).

О первыхъ нападеніяхъ мазовичей упоминають уже преданія. Эти же преданія говорятъ и о первыхъ прусскихъ и литовскихъ князьяхъ, о королѣ Видевутѣ и жрецѣ Прутено, основателѣ Прусскаго княжества.

Достоверныя историческія данныя о пруссахъ начинаются съ X столѣтія. Мы узнаемъ о первыхъ проповѣдникахъ христіанства: объ убитомъ при Фишгаузенѣ Адальбертѣ Пражскомъ (997), о Бруно, также убитомъ пруссами (1009). Начиная съ XI столѣтія исторія рассказываетъ о борьбѣ пруссовъ за свою самостоятельность.

Въ 1015 году польскій герцогъ Болеславъ первый побѣдилъ пруссовъ. Однако его преемники не могли держаться въ Пруссіи; въ 1161 году пруссы побѣдили Болеслава IV, а въ 1206 году заставили мазовичей платить имъ дань. Поэтому герцогъ мазовичей, Конрадъ, обратился за помощію къ нѣмецкому ордену, которому обѣщаль покоряемыя прусскія земли. Въ 1228 году Германъ Балкъ съ немногими орденскими братьями послѣдовалъ приглашенію Конрада и въ 1231 году переправился черезъ Вислу и построилъ замокъ Торнъ. Вскорѣ ордену удалось покорить всѣ прусскія области одну за другой и въ 1234 году папа—какая насмѣшка судьбы!—отдалъ ордену Пруссію въ ленную зависимость. Въ 1239 году Брауншвейгскій герцогъ Оттонъ помогаль ордену побѣдить возставшихъ пруссовъ; однако въ 1241 году Святополкъ, князь поморянъ, соединился съ пруссами, возстаніе возобновилось и только въ 1249 году ордену удалось подавить его. Прусскія области снова одна за другой перешли въ руки ордена: въ 1252 году пала Бартава, 1275—Надрава, 1276—Шалава, 1277—Позгезанія и, наконецъ, въ 1283 году Судавія.

Правда, за періодъ времени отъ 1249 года до 1283 было еще нѣсколько возстаній, но орденъ, вооруженный желѣзными бронями, сумѣлъ выйти побѣдителемъ изъ неравной борьбы. Важнѣйшія возстанія были—въ 1260 году, когда по наущенію Миндовга противъ ордена соединились всѣ латышско-литовскія племена, и въ 1273 году, когда надъ возставшими предводительствоваль получившій въ Магдебургѣ нѣмецкое образованіе пруссъ Геркусъ Монте.

Въ 1308 году орденомъ были изданы новые законы, которые, между прочимъ, запрещали нѣмцамъ даже говорить съ пруссами по прусски, и не дозволяли пруссамъ занимать въ своей же странѣ какія либо должности.

Въ 1525 году было новое возстаніе пруссовъ. И только въ 1545 году—въ эпоху реформациі—былъ изданъ „Catechismus in vndeüdscher Peussnischer sprach“. Послѣдовали три изданія этой книжки, изъ которыхъ самое важное, изданное въ 1561 году Абеломъ Вилль: „Enchiridion. Der kleine Katechismus Doctor Martin Luthers, Teutsch und Preussisch. Gedruckt zu Königsberg in Preussen durch Johann Daubmann. 1561“¹⁹⁾.

Но черезъ сто лѣтъ уже не чувствовалась надобность въ подобныхъ изданіяхъ: въ 1684 году Гарткнохъ пишетъ, что нѣтъ больше селенія, гдѣ бы еще говорили по прусски, и, что будто только кое-гдѣ старые люди еще помнятъ прусскій языкъ.

Такъ тяжелый кулакъ ордена сумѣлъ лишить пруссовъ свободы и самостоятельности, навязавъ имъ взамѣнъ свой нѣмецкій языкъ и рабство...

Я остановился болѣе подробно на исторіи этого храбраго племени въ виду того, что, согласно преданію, въ Пруссіи взяли начало религіозныя языческія воззрѣнія и миѡы эстійцевъ, а также основалось сословіе „кривовъ“, многолѣтняя, единственная связь между литовскими племенами²⁰⁾.

В. Латыши.

Латыши въ описываемое мною время дѣлились на верхнихъ²¹⁾ и нижнихъ²²⁾; еще и нынѣ мы различаемъ два латышскихъ на-

рѣчія: верхнелатышское въ Лифляндской губерніи и восточной части Курляндской, и нижнелатышское въ западной части Курляндской губерніи ²³).

6. Нижніе латыши—земгаллы, населявшіе земли около рѣки Курляндской Аа—„Leel-ure“ и ея притоковъ, были однимъ изъ храбрѣйшихъ латышскихъ племенъ.

Ихъ области были: „Sillene“, „Sagera“, „Dubene“, „Sparnene“, „Teruethene“, „Dubelene“, „Upemolle“ ²⁴).

Въ упомянутыхъ 7 областяхъ находились слѣдующія городища: ²⁵)

„castrum Silene“—на горѣ „Augstais kalns“ въ границахъ усадьбы Пилайтъ, им. Гренцгофъ,

„Sagare, castrum“ на „Kačuška-kalns“, недалеко отъ лютеранской церкви, им. Старо-Жагоры,

„Racketen“ ²⁶) на „Raktuves-kalns“, им. Ново-Жагоры, на правомъ берегу рѣки „Svete“,

„Dobene“ ²⁷) (Добесбергъ) на рѣчкѣ „Avikne“ у усадьбы „Inceni“, им. Добельсбергъ,

„Baboten“ ²⁸),

„Sparnene“ на берегу озера „Sparnu-ezars“,

„Therwetene“ ²⁹ на правомъ берегу рѣки „Tervete“, напротивъ лютеранской церкви, им. Гофпумберге,

„Doblen“ ³⁰) на берегу рѣки „Berze“,

„Portus Semigallorum“ ³¹) при устьѣ рѣки Курляндской Аа,

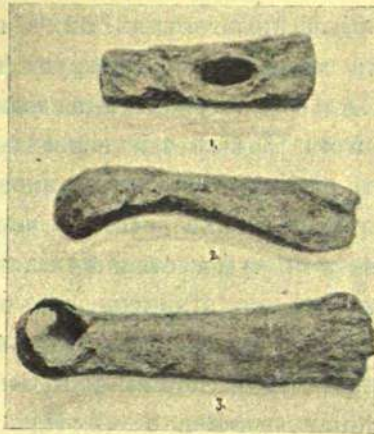
„Mesiothe“ ³²) на лѣвомъ берегу рѣки Аа, им. Мезотень,

„Sidobren“ ³³) на „Pilskaln'ъ“ при слияніи рѣчки „Sudrabe“ съ „Vilkause“.

Славное у Генриха Латыша (XXIII, 8) земгалльское городище „Mesiothe“=„Mežotne“ кратко описано Сизовымъ въ его „предварительномъ отчетѣ о поѣздкѣ съ цѣлью археологическихъ изслѣдованій въ Курляндскую губернію лѣтомъ 1895 года“ ³⁴). „Въ имѣніи Мезотень“, говоритъ онъ, „противъ дворца владѣльца, на правомъ берегу рѣки Аа, находятся два городища на небольшомъ другъ отъ друга разстояніи. Большее прекрасно сохранило форму четырехугольника съ ясными валами и съ возвышеніемъ на одной сторонѣ. Произведенныя вокругъ пробныя раскопки дали

указанія, что вся мѣстность вокругъ отличается мощнымъ культурнымъ слоемъ, что въ свою очередь указываетъ на продолжительное существованіе этого городища и значительное населеніе его окрестностей. Недалеко отъ него могильникъ“.

Твердымъ оплотомъ земгалловъ являлось городище „Dobene“; около него былъ обнаруженъ цѣлый складъ желѣзнаго оружія³⁵), а именно: 472 наконечника копій, 186 обломковъ копій, 131 кельтъ, 40 топоровъ, 13 кирокъ, 14 обломковъ кельтовъ, топоровъ и кирокъ, 2 молота, наковальня и гвозди большихъ размѣровъ, 24 различныхъ предмета неопредѣленныхъ, 3 рукоятки мечей, 6 клинковъ мечей, 67 кусковъ оружія, спаянныхъ ржавчиной, — всего 1100—1200 желѣзныхъ предметовъ. Все это лежало въ болотѣ рядомъ съ городищемъ на глубинѣ 1½ фута³⁶).

1—молотъ, 2—топоръ и 3—кирка изъ Добельсберга.

Между тѣмъ, какъ остальные латышско-литовскія племена централизовались весьма медленно или совсѣмъ нѣтъ, земгаллы уже сравнительно рано сплотились въ отдѣльное государство, князья котораго удачно отражали нападенія враговъ. Такъ, въ 1106 году они въ ожесточенной битвѣ побѣдили русскихъ князей, пытавшихся было завоевать также и Земгаллію: „Побѣдиша Зѣмгола Всеславича (Полоцкаго) и всю братію и дружину; убиша ихъ 9 тысячъ“³⁷). Въ XIII столѣтіи вожди земгалловъ Вестгардъ³⁸) и Немейтисъ³⁹) нѣсколько разъ храбро отразили нападенія ордена.

„Die Semegallen wären stolz;
 Sie schuzzen vitzern sam dem boltz,
 „als man tût zû einem mâle“, — говорит Ditleb von Alnpeke въ своей хроникѣ ⁴⁰⁾ и Генрихъ Латышъ: „dimicabant fortissime“ ⁴¹⁾.

Благодаря своей храбрости и единодушію, безчисленными ожесточенными войнами земгаллы долгое время твердо отстаивали литовскія земли отъ „загребущихъ рукъ и завидушихъ глазъ западнаго пришельца“ — Ливонскаго ордена, подъ медленнымъ, но неуклоннымъ наступательнымъ движеніемъ котораго суждено было постепенно гибнуть свободѣ и культурѣ туземцевъ ⁴²⁾. Однако, когда сосѣднія племена потеряли свою самостоятельность и ордень съ трехъ сторонъ окружилъ земгалловъ, они, наконецъ, были побѣждены. Смертью ста земгалльскихъ князей былъ ознаменованъ тотъ день, когда гордый Мезотенъ въ 1220 году послѣ кровопролитнаго боя былъ превращенъ въ груды пылающихъ развалинъ, и епископъ Альбертъ, расхитивъ земгалльское золото и скоть, благодарилъ Бога за возмездіе земгалламъ за то, что они больше любили свою родину, чѣмъ пришельцевъ-разрушителей ⁴³⁾.

Изучая исторію земгалловъ, невольно вспоминаешь сказаніе объ Имантѣ, которое такъ художественно изложилъ Гарлибъ Меркель. Вотъ отрывокъ изъ сна Иманты, гдѣ образно нарисована судьба латышскаго народа въ тѣ отдаленныя времена ⁴⁴⁾:

„Imanta sah einen Hain, von mildem Sonnenlichte beglänzt. Hoch in die Lüfte hinauf spielten die Zweige seiner Wipfel; mit brüderlich-verschränkten Aesten standen seine Stämme da in majestätischen Gruppen, wie betende Helden vor der offenbarten Gegenwart eines beglückenden, gütigen Gottes. Tausendmal tausend Stimmen sangen in das Rauschen des Haines: ihnen antwortete das Wogengebrause des Stromes, in welchen der Hain majestätisch herabsah, und das Murmeln silberheller Quellen, die seinem Schatten entrieselten. Ein Tempel der wohlthätigsten Gottheit war der Hain; er war das Bild lebendigen, kräftigen Glückes. Das Rauschen ward heulender Sturm. Tief aus dem Süden wandelte über Meer und Länder, — gleich einer Dampfsäule von zuckenden Blitzen durchschnitten, — ein Scheusal herauf: das Schütteln seines Hauptes

wühlte in den Wolken; sein Fuss spielte das Meer zu Schaum. Seine Scheitel umzog ein dreifacher Kranz von Finsternis und Glut. Jeden Zuges atmete es ein Heer lebendiger Wesen ein, und Flammen atmete das Scheusal aus. Das Schnauben seiner Nase heulte wie das Winseln eines ganzen Volkes auf der Folter. Bluttriefende Harpyien, mit glühenden Schwertern bewaffnet, gaukelten grässlich vor ihm her und brüllten „Heilig! Heilig! Heilig!“ Das Scheusal stürmte herauf: es hauchte den Hain an. Plötzlich erstorben, schütete der mit den versengten Blättern, auch seine singenden Vögel ins Gras. Flammenstrudel wogten zischend hin durch ihn: Flammen umwandten gierig jeglichen Stamm, leckten hinauf bis in die obersten Zweige. Das Scheusal hauchte noch einmal: die Flammen erloschen, aber das Dampfmeer gerann über dem Aschengefilde zu einer stehenden Mitternacht. Mit ihr sank ein eherner Winter herab: nur das Lustgebrüll feister Robben, das Kampfgeheul blutigerer Eisbären durchschauerte das weite offene Grab...“

Вообще современная событіямъ начала XIII столѣтія хроника даетъ ясное представленіе, что, подѣ предлогомъ⁴⁵⁾ обращенія латышей-язычниковъ въ христіанство, нѣмецкіе рыцари и монахи совершали гибельные для мѣстнаго населенія набѣги, убивали мужчинъ, уводили многихъ въ плѣнъ; и когда доведенные до истощенія туземцы просили у побѣдителей мира, эти послѣдніе соглашались на него лишь подѣ условіемъ принятія христіанства; а затѣмъ налагали на вновь обращенныхъ тяжелую дань или обращали ихъ въ рабство. Бунге, собравшій древніе акты, относящіеся къ исторіи ордена, приводитъ нѣсколько документовъ XIII в., изъ которыхъ явствуется, что даже римскіе папы, вообще довольно спокойно смотрѣвшіе на фактъ принудительнаго крещенія и истребленія язычниковъ, вмѣшивались неоднократно въ дѣло крещенія язычниковъ Ливоніи и въ буллахъ настаивали, чтобы по крайней мѣрѣ къ крещеннымъ туземцамъ относились мягче⁴⁶⁾.

Археологическими находками въ Земгаліи еще извѣстны слѣдующія мѣстности⁴⁷⁾:

1) изъ каменнаго періода: Бенень, Илень, Блиденъ, Добельсбергъ, Гросъ-Аутцъ, Доблень, Гренцгофъ, Фокенгофъ, Зессау, Странте, Бауске, Цаурумъ,

2) изъ перваго восточно-балтійскаго желѣзнаго вѣка: Гофцумберге, Борнсмюнде, Добельсбергъ, усадьба Берзинъ (Гроссъ-Аутцъ), гора „Ozol-kalns“ (Аутцъ), усадьба Брунау (Аутцъ), Шлагуненъ,

3) изъ втораго восточно-балтійскаго желѣзнаго вѣка: Добленъ, Элизенгофъ, Иленъ, горы: „Metamais-kalns“ и „Kariņukalns“ (Иленъ), Аутцъ, Циролень, Гофцумберге, Фокенгофъ, Вюрцау, Анненбургъ, Зессау, Фельдгофъ, Цемальденъ, Мезотень, Борнсмюнде⁴⁷⁾.

7. Къ верхнимъ латышамъ „latveeši“ — „letthi“ — „Letten“ принадлежали два племени⁴⁸⁾: летгаллы — „letthi, qui proprie dicuntur letthigalli“⁴⁹⁾ и селы — „selen, selones“⁵⁰⁾:

а. Летгаллы.

Это племя занимало южную часть Лифляндской губернии и Инфлянтію, т. е. западную часть Витебской, и около 1250 года, а вѣроятно, что уже и въ IX столѣтїи, дѣлилось на слѣдующія племена⁵¹⁾:

1. Юмарскіе латыши — „jumareeši“ — „letthi circa Īmeram habitantes“⁵²⁾ — жили около Синей горы — „Zilais kalns“ — и притока рѣки Аа — „Gaūja“, „Koiwa“ — Юмары — „Jumara“, „Īmera“, „Emere“ — до Буртнѣкскаго озера⁵³⁾.

Первыя свѣдѣнія о рѣкѣ Юмарѣ (см. рис. I) даетъ хроника Генриха Латыша и уже упомянутая римованная хроника Ditleb'a von Alnpeke.

„Die cristen zogeten durch die wer
 „die richte kegen der Emere zû.
 „dar quâmen sie eines morgens vrû
 „ûf anderhalb der Eisten her.
 „hui wie schutten sie die sper
 „dô sie einander sâhen!
 „daz was zû mâze nâhen,
 „daz ist noch manchem manne kunt.
 „sie hindert ein vil tiefer grunt,
 „daz nicht zû samne die geschah,

„und in dem grunde ein böse bach;
 „des mochten sie zû samne nicht.
 „man hörte beiderhalb geschricht.
 „sie schuzzen vitzern und sper,
 „die cristen hin, die heiden her,
 „sie wurfen kegen widerstrit.
 „dô sūchten wege, des was zît,
 „die Letten, den sie wāren kunt“,—говорить римо-

ванная хроника⁵⁴). Хроника Генриха Латыша рассказываетъ, что эту рѣку окружали густые лѣса⁵⁶); долина Юмары (см. рис. II) еще теперъ носитьъ название „Gerdas - leja“ = долина сосноваго лѣса, отъ латышскаго „gers“, „garša“, „garšeneets“. Мы узнаемъ, что черезъ нее велъ мостъ, что она была глубока и въ ней утонули во время сраженія въ 1223 году многіе эсты⁵⁷). Этимъ ограничиваются лѣтописныя данныя.

Латышскіе историки долгое время не знали, гдѣ именно искать „Имеру“ и вмѣстѣ съ тѣмъ Юмарскую область. А. Биленштейнъ въ своемъ трудѣ „Die Grenzen des lettischen Volksstammes“⁵⁸) старался доказать, что Юмарская область лежала на рѣкѣ Седэ, впадающей въ Буртнѣкское озеро. Противъ такого мнѣнія выступилъ В. Д. Баллодь. Онъ вполне правильно утверждаетъ, что Юмара—не Седэ, а притокъ рѣки Аа, что Юмарскую область нельзя искать на рѣкѣ Седэ, но что она распространялась по рѣкѣ Юмарѣ („Jumara“), впадающей въ рѣку Аа, и ея притокамъ. Мнѣніе В. Д. Баллодь послѣ его выше⁵³) упомянутого „исторически-критическаго очерка“ признають правильнымъ, ибо онъ здѣсь блестяще опровергъ доказательства Биленштейна.

Благодаря моей археологической экскурсіи лѣтомъ 1908 года въ Латышскій край, свѣдѣніямъ, собраннымъ В. Д. Баллодь, и даннымъ атласа графа Людвигъ Августа Меллинъ (изд. 1798 г.), мнѣ удалось установить, что рѣка Юмара—въ хроникахъ „Emere“, „Ymera“—береть начало въ Дейдерскомъ болотѣ (Кокенской волости, Вольмарскаго уѣзда, Лифляндской губерніи) и нося различныя наименованія, протекаетъ черезъ долины „Krumpinas - , Tomena - , Paistalas - , Cimpenu - , Vitulenu - , Silupites - , Til-

gala -, Silvenu -, Anula -, Vejiņa -, Pelņa -, Drankā -, Gerdas -, K'ikura -, Nauča -, Beitas -, Karitena -, Meluma -, Muceneeku -, Jumaras -leja“ и вливается въ рѣку Аа. Справа въ Юмару впадаютъ воды Кокенгофскихъ прудовъ, Крейльскаго болота и рѣчка „Paipalas upite“, слѣва—Моянская рѣчка, воды долинь „Ziles-leja“ и „Leeru-lairas“, Дукерская рѣчка, рѣчка „Seleešu ure“, воды Брендикскаго и Пушкарскаго болота и долинь „Gerdas-leja“ и „Magoņu-leja“. На рѣкѣ Юмарѣ и ея притокахъ три большихъ мельничныхъ пруда, доказывающихъ, какъ богата эта рѣка водами. Она мѣстами весьма глубока. Недалеко отъ впаденія ея въ Аа видны, въ видѣ насыпи, слѣды древняго историческаго моста.

Проведя западную границу области по установленной А. Биленштейномъ и графомъ Меллинь ⁵⁵⁾ линіи соприкосновенія латышскихъ мѣстностей съ ливскими, и принимая во вниманіе только что перечисленныя мѣстности, черезъ которыя течетъ Юмара и воды которыхъ вливаются въ нее,—мы такимъ образомъ площадь древней области латышей „circa Ymeram habitantes“ можемъ опредѣлить теперешними Кокенскою, Брѣденскою, Моянскою, Дукерскою и Ново-Буртнѣкскою волостями, простирающимися отъ рѣки Аа—на югъ—до Буртнѣскаго озера—на сѣверѣ.

Согласно же даннымъ хроники Генриха Латыша границы Юмарской области были: на сѣверѣ Буртнѣкское озеро (см. рис. VIII) ⁵⁹⁾, на югъ—рѣка Аа ⁶⁰⁾, на востокъ—талавскіе и антенскіе латыши ⁶¹⁾, а на западѣ идумейцы и ливы ⁶²⁾, ибо: сакаланцы, т. е. феллинскіе эсты, сперва грабятъ села около Буртнѣскаго озера, а потомъ идутъ до Юмары ⁵⁹⁾; литовцы нападаютъ на Трикатень, а потомъ переправляются черезъ рѣку Аа и грабятъ юмарскихъ латышей ⁶⁰⁾; ливы всегда угнетаютъ юмарскихъ латышей, т. е. ихъ ближайшіе сосѣди ⁶²⁾; сакаланцы осаждаютъ Антине, а потомъ идутъ въ Трикатень ⁶¹⁾.

Такъ какъ въ области юмарскихъ латышей находилась святыня и мѣсто жертвоприношеній древнихъ латышей—Синяя гора (см. рис. III), то на ихъ обязанности лежало смотрѣть за нею и ея могильниками.

Довольно высокая (400 фут.) Синяя гора, окружена нѣсколькими меньшими возвышеніями. Ея покрытая лѣсомъ вершина (см. рис. IV), постоянно какъ бы окутана синимъ туманомъ. Когда то Синяя гора была выше, чѣмъ нынѣ; на ней было нѣсколько вершинъ (изъ нихъ сохранились двѣ), которыя носили названіе „deevukalni“—горы боговъ: по народному преданію, боги поселились здѣсь, какъ на самомъ высокомъ возвышеніи въ странѣ, когда во время потопа весь край находился подъ водою. На горѣ находился источникъ съ цѣлебною водою. Гора и окружающія ее возвышенія изобилуютъ могилами. Къ горѣ, съ западной стороны, черезъ болото ведетъ тропинка изъ вбитыхъ въ болото дубовыхъ бревенъ.

Недалеко отъ Синеи горы находилось главное городище юмарскихъ латышей; городище (см. рис. V) видно еще теперь при усадьбѣ Цимпенъ, Моянской волости, Вольмарскаго уѣзда. Городище имѣетъ видъ длиннаго высокаго холма (изъ краснаго песчаника), который дѣлится широкимъ и довольно глубокимъ рвомъ на двѣ части: небольшое передовое и громадное главное укрѣпленіе. Длина холма 150 шаговъ, ширина 25, вышина 25. Съ трехъ сторонъ онъ окруженъ болотомъ, на четвертой сторонѣ отдѣляется рѣкою Юмарой отъ возвышеннаго плато изъ краснаго же песчаника. Холмъ покрытъ лѣсомъ. Въ древнія времена къ нему вела подводная—въ болотѣ—насыпь изъ камней: теперь снесена часть городища, ея расширена насыпь и обращена въ дорогу.

Напротивъ городища лежитъ, отдѣленный отъ него болотомъ, могильникъ. На западъ отъ этого городища находилось главное поселеніе юмарцевъ—городокъ на длинномъ хребтѣ холмовъ. Это поселеніе въ видѣ прямой линіи простиралось съ юга на сѣверъ, и на каждомъ концѣ его, а также на востокъ съ боку, находились небольшіе укрѣпленные холмы, отдѣленные отъ городка рвомъ. Вокругъ всего поселенія лежитъ болотистый лугъ. Что это поселеніе юмарскихъ латышей было однимъ изъ древнѣйшихъ, сильнѣйшихъ и населеннѣйшихъ, доказываетъ построенный недалеко отъ него рыцарскій замокъ Моянъ, принадлежавшій потомъ въ XV столѣтіи Эвольду Паткулль (теперь графу Менгденъ) и расширенный въ XVI столѣтіи Фабіаномъ Розенъ⁶³,

дальше, близость латышской святыни—Синей горы и, наконец, 3 могильника: на сѣверъ отъ него Дукерсгофскій „Karū-kalns“ (могильникъ), на востокъ уже упомянутый могильникъ „Sīmprenū-kalns“, и на сѣверо-востокъ „Gerdas-lejas Drank'ū-karī“ (Дранкенскія могилы долины Герда), раскопанныя мною лѣтомъ 1908 года. Также и эти могильники отдѣляются отъ поселенія болотистыми лугами и рѣкою Юмарой.

„Drank'ū-karī“ лежатъ на довольно высокомъ и большомъ холмѣ на берегу рѣки Юмары; часть холма теперь засѣяна хлѣбами.

Могильникъ „Karū-kalns“ (см. рис. VI) лежитъ при слияніи Моянской рѣчки съ рѣчкою „Ziles-upe“ (выше впаденія ихъ въ Юмару); это громадный холмъ, который имѣетъ видъ 3 лежащихъ одинъ на другомъ параллелопипедовъ: къ рѣчкѣ онъ спускается круто, съ трехъ остальныхъ сторонъ—тремя террасами. На верхней террасѣ, имѣющей видъ почти квадрата, поднимается громадный 600—700-лѣтній дубъ (см. рис. VII), повидимому посаженный, такъ какъ кромѣ него здѣсь нѣтъ другихъ лиственныхъ деревьевъ, растутъ однѣ сосны. Подъ этимъ дубомъ и около него лежатъ могилы.

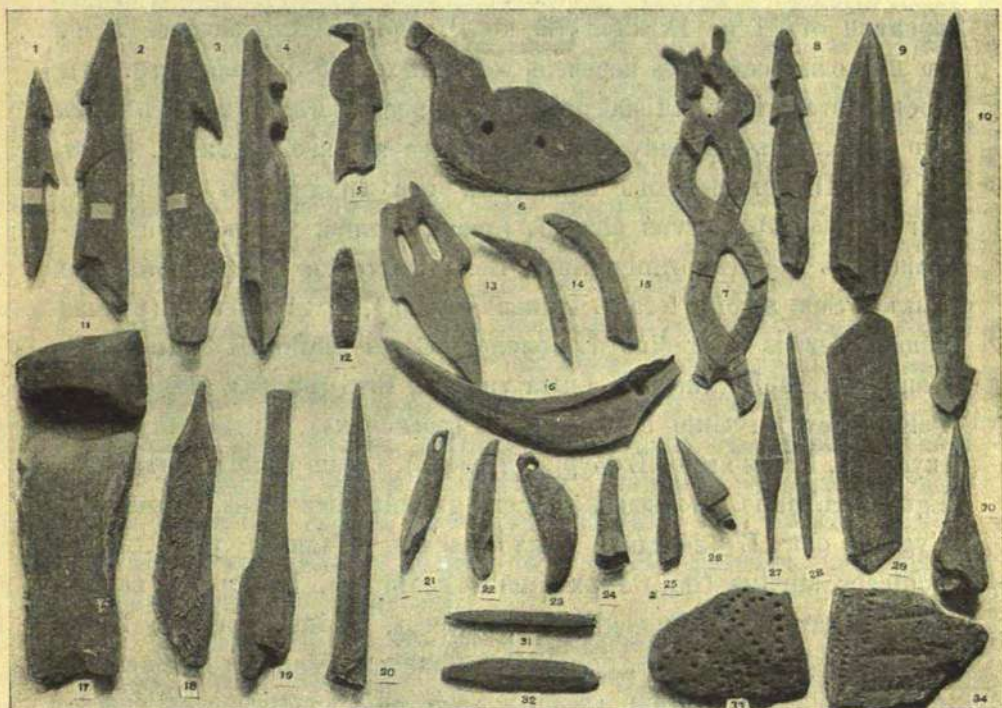
Принимая во вниманіе, что 1) В. Д. Баллодъ напротивъ могильника „Karū-kalns“ на рѣкѣ Юмарѣ нашель фундаментъ церкви и доказываетъ, что это была церковь Генриха Латыша (1208 года)⁶⁴), 2) что дубу около 700 лѣтъ и, очевидно, онъ находится въ связи съ могильникомъ и костяками въ гробахъ, найденными вокругъ дуба и лежащими головами къ западу,—можно предполагать, что это первое христіанское кладбище юмарцевъ; что похороненные въ гробахъ первые крещенные западною церковью и что, можетъ быть, здѣсь похороненъ самъ Генрихъ Латышъ, хронику котораго мнѣ въ этой работѣ такъ часто приходится цитировать.

Археологическими находками въ области, занятой нѣкогда юмарскими латышами, еще извѣстны слѣдующія мѣстности:

1. Съ памятниками каменнаго періода: „Rinnekalns“⁶⁵)—на берегу Буртнѣвскаго озера,—это, по описанію Вирхова⁶⁵), холмъ изъ раковинъ („Unionenschalen“), въ которомъ гнѣздами лежали

остатки рыбъ, уголь и зола, мѣстами черепки глиняныхъ издѣлій, кости, издѣлія изъ кости и камня. Въ виду того, что найденныя кости по преимуществу принадлежали бобру и лосю, изъ домашнихъ же животныхъ только собакъ и овецъ, Вирховъ полагаетъ, что люди здѣсь жили около конца палеолитической эпохи или въ неолитическую; онъ полагаетъ, что холмъ представляетъ собою кучу кухонныхъ отбросковъ и что онъ посѣщался рыбаками и охотниками лишь періодически.

Риннекальъ:

1—10, 13—30—подѣлки изъ кости: гарпуны, долота, стрѣлы, шилья, украшенія и изображенія птицъ и головы лошади; 11, 12, 31, 32—каменные подѣлки; 12—стрѣла изъ кремня, 11, 31, 32—стрѣлы и долото изъ кремнистаго сланца; 33, 34—черепки глиняной посуды.

„Rinnekalns“ изучали, кромѣ Вирхова, еще многіе другіе ученые. Зоммеръ⁶⁶⁾ относитъ населеніе холма къ болѣе позднему времени. По его мнѣнію, костяныя издѣлія обработаны камнями, и отличаются равномѣрностью формъ⁶⁷⁾, доказывающей, что люди,

обработавшіе ихъ, весьма ловко примѣняли кремневые орудія; и отсюда, такъ какъ металлическихъ орудій въ Риннекальнѣ найдено не было, онъ дѣлаетъ выводъ, что рыбаки и охотники его, не зная металловъ, жили однако въ болѣе позднюю эпоху каменнаго періода, именно неолитическую. По Гревингу⁶⁸⁾ каменный періодъ въ восточной Балтикѣ продолжался до I столѣтія послѣ Р. Хр., почему и Зоммеръ говоритъ, что упомянутые люди жили здѣсь не позднѣе I столѣтія п. Р. Хр. Такъ какъ у насъ имѣются многія данныя за то, что природа мало измѣнилась за періодъ времени отъ I по IX столѣтіе по Р. Хр. въ Латышскомъ краѣ, то позволяю себѣ дать перечень животныхъ (по Зоммеру, стр. 10), кости которыхъ были найдены въ Риннекальнѣ⁶⁹⁾; можетъ быть это пополнить картину края въ болѣе позднее время, т. е. въ IX — XIII столѣтіяхъ. Животныя эти слѣдующія: *Castor fiber* L (бобръ), *Cervus alces* L (лось), ручной скотъ (принадлежащій къ породѣ *primigenius*), *Bos primigenius* Воj (первобытный быкъ), *Sus scrofa fera* L (дикая свинья), *Ovis aries* L (ручная овца), *Cervus capreolus* L (олень), *Canis familiaris* L (собака), *Canis vulpes* L (лисица), *Lutra vulgaris* Erxl (выдра), *Meles taxus* Pall (барсукъ), *Gulo borealis* Briss (росомаха), *Mustela martes* L (куница), *Ursus arctos* L (бурый медвѣдь), *Lepus timidus* L (заяцъ), *Equus caballus* (лошадь), *Phoca groenlandica* Nilss (тюлень), *Cygnus olor* L (лебедь), *Avas boschas* L (дикая утка), гусь, *Podiceps auritus* Gm., *Esox lucius* L (щука), *Lucioperca sandra* Cuv (судакъ), *Silurus glanis* L (сомъ), *Gadus* (треска), *Perca fluviatilis* Rond (окунь), *Squalius cephalus* L, *Squalius leuciscus* L, *Abranus brama* Flemm (лецъ), *Scardinius erythrophthalmus* L, *Leuciscus rutilus* L, *Unio pictorum* L, *Pisidium obliquum* Pfeiff, *Paludina vivipara* Lam., *Bithynia tentaculata* L, *Valvata piscinalis* Lam, *Valvata cristata* Müller, *Carychium minimum* Müll, *Succinea amphibia* Drap., *Helix pulchella* Müll., *Pupa muscorum* L.

Профессоръ Гаусманъ, по мнѣнію котораго⁷⁰⁾ весьма неопредѣленно, когда въ восточной Балтикѣ оканчивался каменный вѣкъ, считаетъ „Риннекальнѣ при выходѣ рѣки Салаце изъ Буртнѣвскаго озера, самымъ большимъ и важнѣйшимъ поселеніемъ древнѣйшаго времени въ краѣ“. Холмъ онъ считаетъ кучею кухон-

ныхъ отбросковъ⁷¹⁾ населенія, которое питалось моллюсками, занималось рыбною ловлею, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣло добывать себѣ и мясную пищу, охотясь на оленя, лося, серну, первобытнаго быка и дикую свинью, однако главнымъ образомъ занималось ловлею бобровъ. Орудія этого народа онъ считаетъ еще сравнительно примитивными; кремневые орудія встрѣчаются рѣдко. Если, говорить онъ, населеніе Риннекальна питалось мясомъ дикихъ животныхъ, одѣвалось ихъ шкурами, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно цѣнило и кости, разбивая которыя, добывало лакомый мозгъ. Разныя украшенія оно умѣло вырѣзать изъ кости, какъ пробуравливало также и клыки звѣрей, приспособляя ихъ для привѣшиванія; но главнымъ образомъ выдѣлывались изъ кости разныя орудія и оружіе: скребки, иглы, шила, наконечники стрѣлъ, гарпуны и ножи, послѣдніе изъ кабаньихъ клыковъ. Предметы эти, продолжаетъ профессоръ Гаусманъ, свидѣтели ловкости и искусства, а немногія сдѣланныя изъ кости головки звѣрей говорятъ о наблюдательности и пониманіи прекраснаго населеніемъ.

Присоединяясь къ вышеизложенному мнѣнію проф. Гаусмана, въ виду того, что теперь можно считать доказаннымъ, что первобытнымъ населеніемъ Прибалтійскаго края въ его южной части были латыши⁷²⁾, и что Риннекальнъ лежитъ въ предѣлахъ Юмарской области,—считаю нужнымъ добавить, что въ охотникахъ, посѣщавшихъ нѣкогда холмъ, мы видимъ древнихъ латышей, а именно предковъ юмарцевъ.

2) Памятниковъ бронзовой эпохи въ Юмарской области не найдено, да и вообще въ Прибалтійскомъ краѣ о бронзовой эпохѣ рѣчи быть не можетъ⁷³⁾, такъ какъ во всемъ краѣ найдено не больше поддюжины бронзовыхъ орудій. Какъ въ восточной Пруссіи, такъ и здѣсь не было бронзовой эпохи, когда не только украшенія, но и оружіе и орудія изготовлялись изъ бронзы⁷⁴⁾. Важнаго въ Средней и Западной Европѣ дохристіанскаго желѣзнаго вѣка (la Tène) также нѣтъ въ восточной Балтикѣ, какъ онъ чуждъ и восточной Пруссіи и только немного передвинулся черезъ Вислу⁷⁵⁾. За каменнымъ періодомъ здѣсь слѣдуетъ отъ I по XIII столѣтіе по Р. Хр. желѣзная эпоха⁷⁶⁾, которая дѣлится на 2 поры или вѣка. Первый восточно-балтійскій желѣзный вѣкъ про-

должался отъ I по VIII ст. по Р. Хр.⁷⁷⁾; здѣсь находки всего края имѣютъ одинъ общій родственный характеръ и придаютъ этому времени однообразный отпечатокъ. Памятники изъ этой поры найдены въ Юмарской области также на Риннекальнѣ и около корчмы Стрике⁷⁸⁾ гдѣ могилы съ трупосоженіемъ раскопаны графомъ К. Г. Сиверсъ.

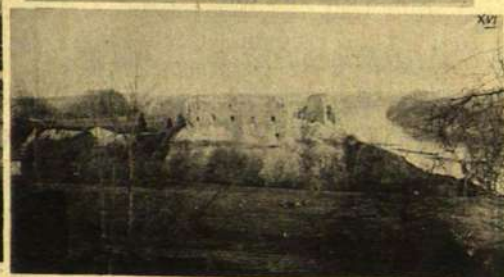
3) Время отъ IX по XIII столѣтіе называютъ вторымъ восточно-балтійскимъ желѣзнымъ вѣкомъ. Кромѣ уже названныхъ могильниковъ къ этому времени относятся могилы въ усадьбѣ Лантисъ⁷⁹⁾ (им. Секенгофъ, Вольмарскаго уѣзда).

Только, какъ могилы Стрике, такъ и Лантисъ лежатъ на границѣ Юмарской области, почему ихъ принадлежность къ ней спорна.

2. Антенскіе латыши⁸⁰⁾. Ихъ область лежала къ востоку отъ Юмарской (какъ уже было сказано), а съ трехъ другихъ сторонъ ее окружала область талавскихъ латышей.

Въ составъ этой области входитъ теперешній городъ Вольмаръ съ ближайшими окрестностями. Недалеко отъ имѣнія Вольмарсгофъ находится гора „Varites-kalns“; въ Вольмарѣ Вольмарсгофской пасторатской волости усадьба „Varites-maja“: „Varidote“⁸¹⁾ былъ княземъ антенцевъ. Окрестности города Вольмара еще теперь извѣстны подъ именемъ „Anteneešu pagasts“—волость антенцевъ. Также и усадьбы „Valmeerīnu majas“ въ Каугерсгофской и Кокенской волостяхъ напоминаютъ городище „Anteni“; такъ какъ здѣсь въ 1212 году былъ фогтемъ псковскій князь Владимиръ⁸²⁾. Наконецъ само городище получило новое названіе Вольмаръ—„Valmeera“ отъ своего судьи Владимира, такъ какъ народъ, когда ходилъ въ городище, уже не говорилъ: „eesim uz Antini!“—а: „eesim pee Vladimira—eesim pee Valmeera (владѣть—valdit, миръ—meers)—eesim pee Valmeera—eesim uz Valmeeru!“ Иоанну Грозному Вольмаръ извѣстенъ подъ именемъ „Владимирецъ“. Отмѣчу еще, что въ документахъ XIV столѣтія городъ Вольмаръ носитъ названіе „Woldemar“ и „Woldemer“⁸³⁾.

Городище „Antine“, или „Anteni“, (см. рис. IX) лежало на высокихъ и крутыхъ берегахъ рѣки Аа и ея притока „Rats-upē“, тамъ, гдѣ впоследствии въ 1285 году былъ построенъ рыцарскій

Resnest

замокъ Вольмаръ⁸¹⁾. Защищенное на сѣверѣ и востокѣ глубокою долиною рѣчки „Rats-upē“, на югѣ—рѣкою Аа, городище на западѣ отдѣлялось отъ остального возвышеннаго плато глубокимъ и широкимъ рвомъ. На холмѣ, который теперь носить названіе „Valtera kalns“, находилось передовое укрѣпленіе (Vorbürg, preekspils) городища.

Недалеко отъ городища находилось также небольшое поселеніе, а рядомъ съ нимъ (къ востоку) на небольшой горкѣ „Elkukalns“—гора идоловъ, согласно преданію, стояли изображенія Перкона, Пикола и Потримпа, трехъ главныхъ боговъ древнихъ латышей.

Приблизительно въ 10 верстахъ къ востоку отъ Антинэ, на рѣкѣ „Meln-upē“, притокѣ Аа, было другое поселеніе, которое славилось своею рощею святыхъ дубовъ. Дубы (см. рис. X) видны еще теперь на берегу рѣки Аа, при впаденіи въ нее рѣки „Meln-upē“, и недалеко отъ нихъ возвышается „Melnupes Karukalns“, гдѣ найдены бронзовые украшения, браслеты, а также нѣсколько ручныхъ жернововъ.

Антенская область была извѣстна еще и своимъ святымъ источникомъ, который лежитъ на разстояніи 1 версты къ юго-западу отъ городища у усадьбы „Putriņ“ Вольмаръ-Вейденгофскаго лютеранскаго пастора (см. рис. XI). Желѣзистою водою его суевѣрные люди лѣчили больные глаза.

Здѣсь же—въ 50 шагахъ отъ источника—стояла святая ива. Послѣдней при нѣкоторыхъ болѣзняхъ приносили въ жертву крупу, даже еще въ XIX столѣтіи, какъ утверждаютъ очевидцы, пока ее не подрубилъ епископъ Вальтеръ, пасторъ Вольмаръ-Вольмарсгофскій, и не сжегъ какой-то нѣмецъ, часовыхъ дѣлъ мастеръ. Теперь, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла ива, катятся волны рѣки Аа.

Кремневые орудія найдены въ Антенской области въ берегахъ рѣчки „Rats-upē“.

3. Аутинскіе латыши—„Autine⁸²⁾—Autineēši“, жившіе около Ауцимскаго озера на югѣ отъ юмарцевъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и юмарцы, ближайшими сосѣдями идумейцевъ—„Ūdumaea“- „idumeēši“.

Ихъ городище „Sotekle“—„Satekla“⁸⁶) находилось при теперешней усадьбѣ „Kvereņu majas“, им. Райсумъ⁸⁷). Описание его заимствую у графа Сиверсъ⁸⁸): „Грозное латышское городище занимаетъ послѣдній мысъ горнаго плато, который лежитъ между долиною рѣки Аа и другою высохшею долиною, круто спускающейся къ первой. Оно укрѣплено двойнымъ ровомъ и лежащими за ними двумя высокими земляными валами. За вторымъ валомъ находятся развалины мурованной известью башни весьма примитивной работы. Большинство камней ниже средней тяжести, круглые. Внутреннее помѣщеніе башни очень мало. Слой находящейся между камнями извести весьма толстый, мѣстами—0,08 метра. Нерѣдко между камнями всунуты, вмѣсто разбитыхъ полевыхъ, круглые известковые камни; тѣмъ не менѣе известь весьма тверда и крѣпка“.

Археологическими находками въ этой области еще извѣстны слѣдующія мѣстности⁸⁹):

1) изъ перваго восточно-балтійскаго желѣзнаго вѣка: Райсумъ и Аутцѣмъ съ трупосоженіемъ, раскопанное въ 1889 году проф. Гаусманомъ, Лешке и Рейнбергомъ,

2) изъ второго восточно-балтійскаго желѣзнаго вѣка: Райсумъ.

4. Талавскіе латыши⁹⁰)—„talaveēsi“, область которыхъ была гораздо больше всѣхъ другихъ до сихъ поръ упомянутыхъ, жили по верхнему теченію рѣки Аа съ притоками. Къ области „Tholowa“—„Talava“ принадлежали слѣдующія земли и городища⁹¹):

„Tricatua“⁹¹)—область съ городищемъ на „Jaņa kalns“ въ Трикатенѣ,

„Zerdene“, городище на „Kleevu kalns“ въ Смилтенѣ, въ 2 верстахъ отъ имѣнія „Certene“⁹²),

„Villa apud Vivam fluvium“⁹³) на „Vijceema Celites kalns“ въ Вицѣмгофѣ на рѣкѣ „Vija“—Вія,

„Gibbe“, „Jounate“, „Jeie“, „Ale“, „Zlauka“, „Saueke“, „Virivele“, „Zirvegale“,—неизвѣстно, гдѣ находились,

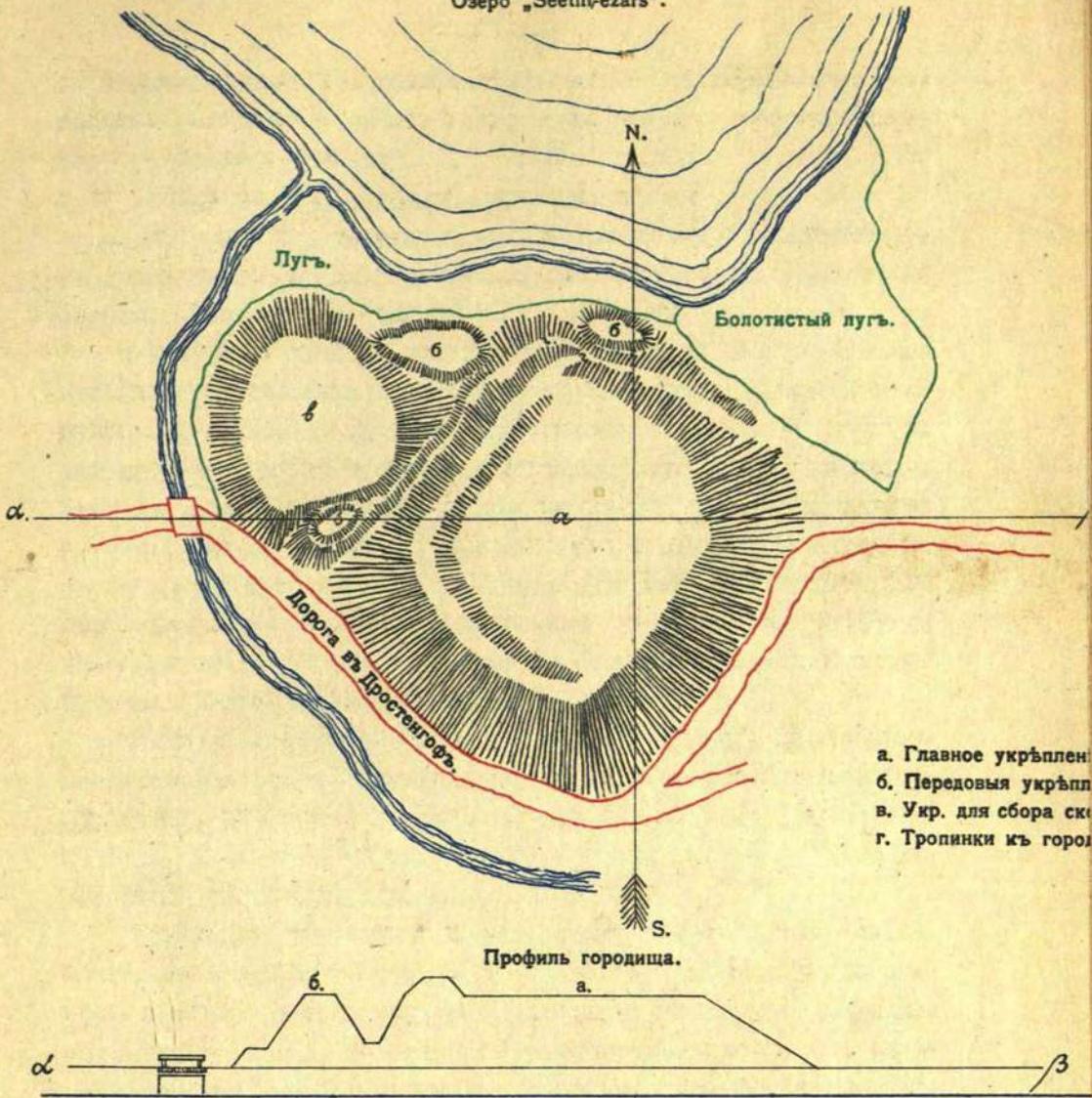
„Metsene“, городище въ Мецкальнѣ,

„Gulbana“—„Gulbene“,

„Jazowa“—„Jerceni“,

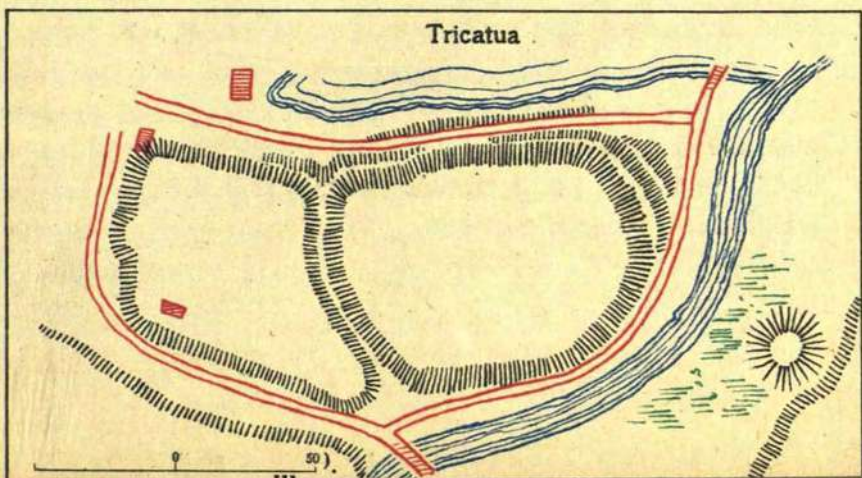
Городище „Aulene“.
(По рисунку графа Сиверсъ).

Озеро „Seetin-ezars“.

- а. Главное укрѣплен
- б. Передовыя укрѣпл
- в. Укр. для сбора ски
- г. Тропинки къ город

Масштабъ: въ 1 m/m мет

„terra Agzele“ — русское: „Очела“⁹⁴), съ областями: „Berezne“, „Pornuwe“, „Abelen“ (ср. рѣчка „Abula“—Аббуль), „Abene“, — теперь „Gaujene“,

„Astigerwe“⁹⁵), городище въ Дуренгофѣ,

„Beverin“⁹⁶), городище на „Pekas-“ или „Bekas-kalns“, въ усадьбѣ „Kaln - Eini“, бывшей „Vebru majas“, Каугерской волости, Вольмарскаго уѣзда⁹⁷).

„Tholowa“, которая платила дань русскимъ князьямъ, какъ одна изъ сильнѣйшихъ областей латышской земли, играетъ важную роль у Генриха Латыша, въ его хроникѣ, и была извѣстна далеко за границами своей родины: арабы, въ Булгарѣ, слышали, кажется, объ этой странѣ, по крайней мѣрѣ, инымъ народнымъ именемъ нельзя объяснить упомянутаго Ибнъ - Хаукалемъ въ числѣ „русскихъ народъ“ поколѣнiя Итлава. Это собственное имя чрезвычайно искажено арабскими писцами: въ рукописи Ибнъ-Хаукаля—Джелаве, у Идриси—Салавiе, Ибнъ-эль-Варди—Итлава и Талава (ср. Ibn. Fozland, стр. 170)⁹⁸).

Изъ упомянутыхъ городищъ области „Tholowa“ главнѣйшими были, судя по археологическимъ и лѣтописнымъ даннымъ: „Beverin“, „Tricatua“ и „Zerdene“ или по латышски: „Beveriņa“, „TriKate“, „Certene“, изъ которыхъ, какъ кажется, первое и послѣднее были прекрасно выстроены.

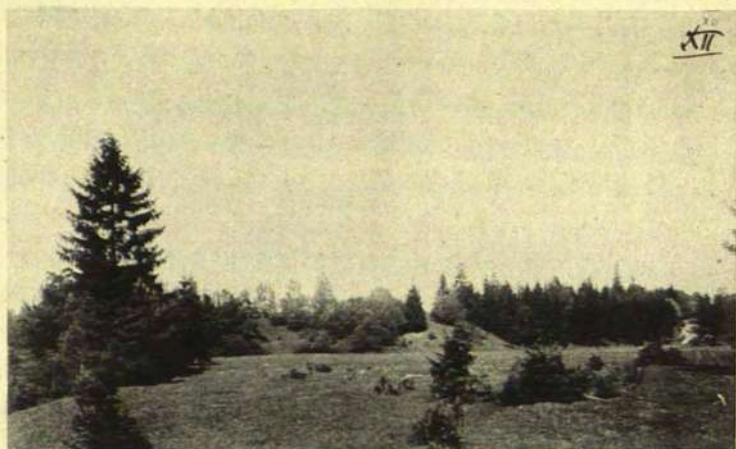
Городище „Certene“ — Смильтенскiй „Kleevu kalns“ поднимается не далеко отъ озера „Kleev-ezars“¹⁰¹), на берегу вытекающаго изъ него ручья, притока Цертенской рѣчки, на 60 футовъ надъ уровнемъ ея, и съ южной стороны омывается самой Цертенской рѣчкой. Холмъ¹⁰⁰) нынѣ окружаетъ высохшiй ровъ, глубиною въ 2 сажени, длиною 211 саж. Вершина холма почти круглая, 60 футовъ шириною, на одной сторонѣ болѣе пологая, на остальныхъ крутая. На самой крутой сторонѣ холма, какъ видно, было строенiе, вокругъ котораго вмѣстѣ съ прилегающимъ къ нему окруженнымъ полисадами дворомъ были земляные валы. Стѣды этихъ валовъ еще видны. На сорокъ сажени ниже южнаго склона холма долина ручья перерѣзана дамбою, длиною въ 40 саж.: городище на своей восточной и сѣверной сторонѣ, вѣроятно, омывалось напряженной водою, и здѣсь, гдѣ оно вмѣстѣ

съ тѣмъ весьма высоко и круто, было неприступно. Со стороны дамбы вела къ городищу дорога, защищенная съ обѣихъ сторонъ валами и оканчивающаяся въ окружающемъ городище рѣвѣ. Недалеко отъ рва валы съ заключенною между ними дорогою съ теченіемъ времени уничтожены новою дорогою позднѣйшаго происхожденія, пересекающею валы и древнюю, а на противоположномъ концѣ теряются въ долину. Возведенные внутри 211 сажennaго рва валы поднимаются на противоположной рѣчкѣ сторонѣ холма, которая менѣе крута. Между тѣмъ, какъ на юго-восточной сторонѣ городища, напротивъ рѣчки, поднимается только одинъ валъ, онъ, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ крутости холма, удваивается на югъ и юго-западъ, утраивается на сѣверо-востокъ и учетверяется на сѣверѣ. И между этими четырьмя валами съ сѣверной стороны поднимается къ вершинѣ холма тропинка, которая, кажется, также была защищена земляными укрѣпленіями. На холмѣ нѣтъ ни одного камня.

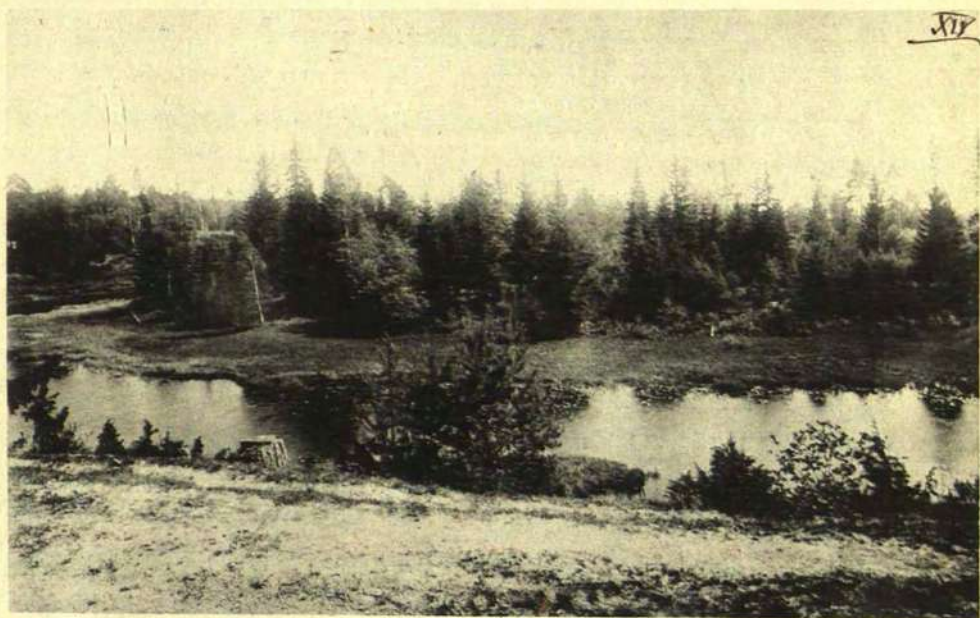
Недалеко отъ городища находится могильникъ, съ богатыми серебряными и бронзовыми находками.

Городище „Beverin“ — „Bebru maju Pekas-kalns“ (см. рис. XII) кромѣ главнаго укрѣпленнаго холма имѣло еще и 3 второстепенныхъ укрѣпленія: передовое укрѣпленіе (Vorburg, preekšpils) и два укрѣпленія для сбора скота въ случаѣ войны (Viehbürg, loru pils)¹⁰².

Длина главнаго четырехугольнаго холма (см. рис. XIII) 105 аршинъ, ширина 50, а высота 27. Какъ показываютъ раскопки (въ 1895 году), на городищѣ былъ валъ¹⁰³, и въ 9 шагахъ отъ края холма палисадная стѣна. На самой высокой сторонѣ холма, напротивъ передоваго укрѣпленія, другаго четырехугольнаго холма, было зданіе: здѣсь при раскопкахъ были найдены сгнившія и обуглившіяся бревна и черепки глиняной посуды. На другомъ концѣ холма, мимо котораго, вѣроятно, много лѣтъ тому назадъ протекала рѣка Аа, находилось другое строеніе, только гораздо меньшихъ размѣровъ: здѣсь была найдена масса громадныхъ обгорѣвшихъ камней, бревна и небольшой жерновъ ручной мельницы. На южной сторонѣ главнаго городища былъ ровъ, на западной — рѣка Аа, на восточной — передовое укрѣпленіе, а на

Winton

сѣверѣ отъ главнаго и передоваго городища тянется сравнительно большое болото. На послѣднемъ поднимается невысокій овальный холмъ, гдѣ въ военное время прятали скоть. На противоположной сторонѣ отъ городища находится другой невысокій холмъ (см. рис. XIV), круглый, окруженный валомъ и старымъ русломъ рѣки Аа, который, вѣроятно, примѣнялся для той же цѣли, т. е. для сбора скота.

Какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и здѣсь, недалеко отъ городища, приблизительно 1 версту, было мѣсто жертвоприношеній и могильникъ на горѣ „Daniela-kalns“. Здѣсь, по мнѣнью мѣстныхъ историковъ, проповѣдникъ Данииль въ 1206 году крестилъ латышей и идумейцевъ (ср. хрон. Генр. Лат.). Какимъ громаднымъ уваженіемъ пользовалась эта народная святыня у населенія „Beverin'a“, показываетъ то обстоятельство, что до сихъ поръ суевѣрныя старушки кладутъ, въ видѣ жертвоприношенія, на находящіеся на горѣ камни съ крестами (см. рис. XV) деньги и шерстяную пряжу.

Когда мой отецъ В. Д. Баллодъ вмѣстѣ съ инспекторомъ народныхъ училищъ Вольмарскаго района П. Вас. Вемберомъ 14 лѣтъ тому назадъ посѣтили „Daniela-kalns“, мы—мнѣ было тогда 12 лѣтъ—нашли на камнѣ съ крестами мѣдную монету и шерстяныя нитки.

Сходно съ Бевериномъ устроено Ауленское городище на берегу Сѣтинскаго озера.

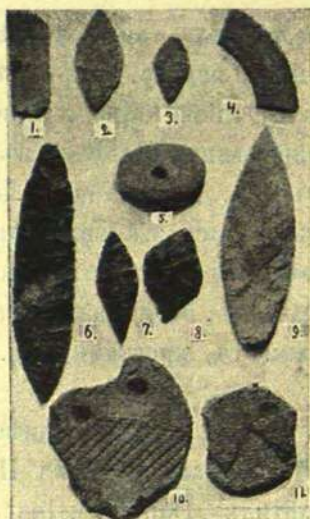
Населенію Талавы, какъ ближайшему сосѣду эстонцевъ, приходилось вести частыя войны съ послѣдними: многихъ талавцевъ убили эстонскія коня, и часто эстонская кровь окропляла долины могучей Талавы.

Археологическими находками въ Талавской области извѣстны еще слѣдующія мѣстности ⁴⁷⁾:

1) изъ каменнаго періода: Олерсгофъ и Буртнѣкъ съ каменными издѣліями и Звейнѣкъ (Залисбургъ-Остроминскій) съ каменными и костяными издѣліями.

Если и въ Прибалтійскомъ краѣ кремень обрабатывался въ незначительномъ количествѣ ¹⁰⁴⁾ и преобладаютъ орудія изъ диабазы, порфира, порфирита, кремнистаго сланца, кварцита, гра-

нита и сіенита, то отсюда не слѣдуетъ, что кремневая издѣлія—предметы привозные, какъ часто утверждаютъ. Въ Звейнѣкѣ, на Буртиѣскомъ озерѣ, найдены рядомъ съ кремневыми издѣліями осколки отъ кремня: почему здѣсь можно предполагать мѣстную обработку его. Найденные здѣсь предметы всѣ полированы, относятся къ неолитической эпохѣ.

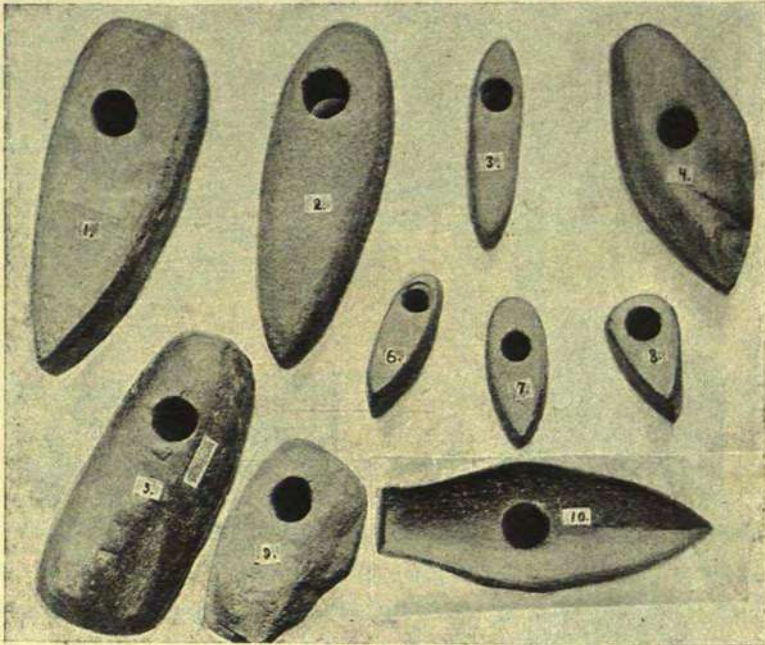

Звейнѣкъ:

кремневая—стрѣлы (2, 3, 7, 8) и копыя (6 и 9); пила (4) изъ кремнистаго сланца; буса изъ мергеля (5) и черепки глиняной посуды (10 и 11).

2) изъ перваго восточно-балтійскаго желѣзнаго вѣка: усадьба Маскать въ имѣніи Плангофъ съ могилами, раскопанными Л. фонъ Шредеромъ, Рауденгофъ, усадьба Зилитсъ, въ им. Рамкау, съ трупосожженіемъ, усадьбы Велакравандъ, Мусынь, Яунъ-Тевенень (Роннебургъ) и Леясъ-Клеперъ (Ляунекальнь) и раскопанные графомъ Сиверсъ: усадьба Каугаръ, ус. Славекъ, могильникъ „Viksnas kapusils“, Странте (въ Роннебургъ) и Альшекиппе (въ Лубарѣ)—съ погребеніемъ и трупосожженіемъ. Въ Славекѣ графомъ Сиверсъ въ 1875 году былъ изслѣдованъ особый видъ могилъ съ трупосожженіемъ, т. н. „каменная куча въ видѣ опрокинутого корабля съ 14 отдѣленіями“ съ могильными остатками въ нихъ¹⁰⁵). „Куча“ эта лежала недалеко отъ могильника съ сож-

жніемъ; діаметры ея по направленію съ сѣвера на югъ 17,48 метр., съ запада на востокъ 18,60 метровъ. При разворачиваніи камней графъ Сиверсъ нашель большое количество бронзовыхъ и серебряныхъ фибулъ, характерныхъ для могилъ древней стадіи желѣзнаго вѣка; особый интересъ имѣють серебряныя и бронзовыя фибулы, украшенныя эмалью. Далѣе найдены бусы,

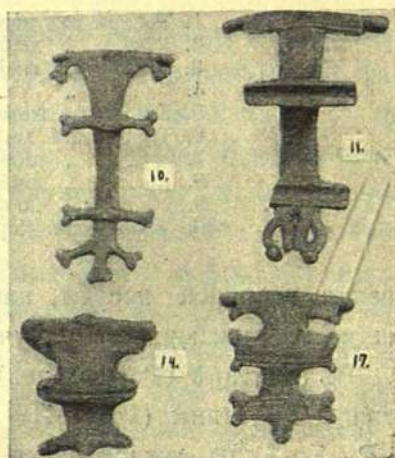
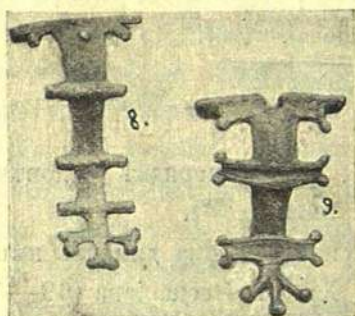
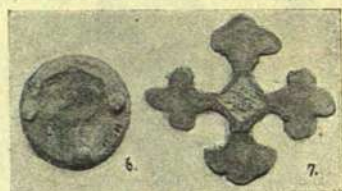
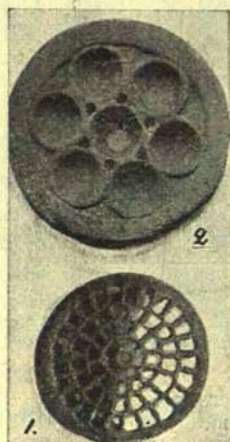
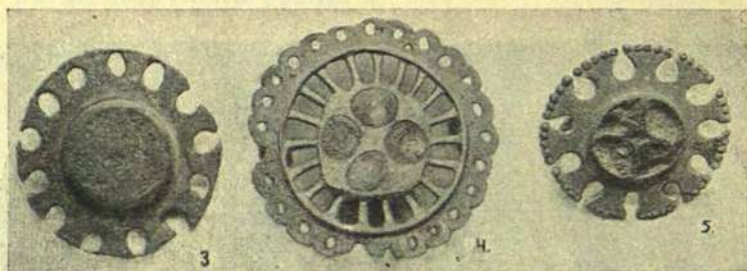

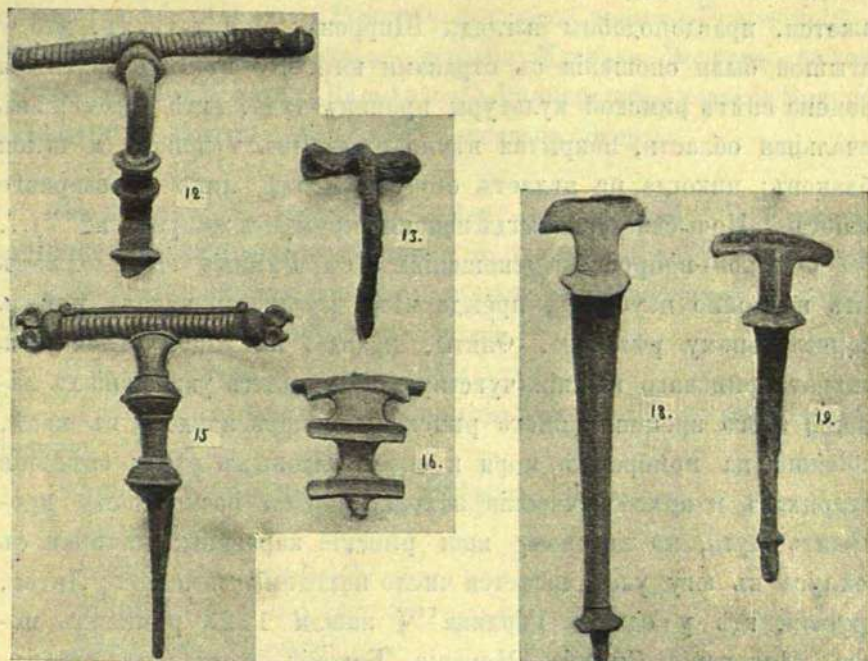
1. Топоръ изъ порфирита (Олерсгофъ).
2. " " " " диабазы (Зельбургъ).
3. " " " " гнейса (Анненгофъ).
4. " " " " " (Попень).
5. Кирка изъ гнейса (Ливенгофъ).
6. Топоръ изъ диабазы (Альтъ-Ауцъ).
7. " " " " " диорита (Альтона).
8. " " " " " диабазы (Блиденъ).
9. " " " " " порфирита (Звейнъкъ).
10. Молотъ изъ диорита.

черепки глиняной посуды, наконецъ, въ безпорядкѣ человѣческія кости, исключительно ручныя и пожныя¹⁰⁶).

Въ Каугаръ (Роннебургъ) были найдены два динара: императрицы Фаустины (161—180 по Р. Хр.) и Веспасіана (69—79 по Р. Хр.). Въ южной части Латышскаго края, какъ и въ во-

сточной Пруссіи, весьма часты подобныя находки. Онѣ какъ бы говорятъ о торговыхъ сношеніяхъ края съ римлянами. И дѣйствительно, находимыя въ восточной Балтикѣ фибулы въ формѣ и technikѣ проявляютъ близкое родство съ фибулами римскихъ провинцій временъ первыхъ императоровъ: онѣ по всей вѣроят-

Роннебургскія фибулы ¹⁰⁷).

ности продуктъ тамошней работы и привезены или материковымъ путемъ по Одеру или Вислѣ или морскимъ—сюда, въ отдаленный отъ Рима сѣверъ, крайній предѣлъ для римскаго экспорта. Вообще, изучая археологическія находки края изъ этого перваго желѣзнаго вѣка, мы приходимъ къ заключенію, что край, вплоть до озера Пейпусъ—но не дальше—находился подъ сильнымъ вліяніемъ римско-западно-европейской культуры¹⁰⁸). И вспоминаются рассказы Плинія¹⁰⁹) и Тацита¹¹⁰) о Шееѣ, римскомъ всадникѣ и эстійцахъ („aestyi“—„osten“—„austrumneeki“), жившихъ „dextro litore“ Балтійскаго-Свевійскаго моря: „Ergo jam dextro Svevici maris litore Aestiorum gentes alluuntur, quibus ritus habitusque Svevorum, linguae Britannicae proprior“¹¹¹). Мы слышимъ о народѣ, который платьемъ и обычаями похожъ на шведовъ, языкомъ на британновъ, который торговалъ „glaesum'омъ“ („glizis“—„dzintars“—янтарь)¹⁵¹), мало зналъ желѣзо, занимался хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, питался злаками, кореньями

и медомъ, изъ меда и хлѣбовъ изготовлялъ себѣ напитки. И кажется, правдоподобны взгляды Ширрена¹¹²⁾ и другихъ, что у латышей были сношенія съ странами юга, что въ тѣ отдаленныя времена свѣтъ римской культуры проникъ туда, „гдѣ Киммеріанъ печальная область, покрытая вѣчно влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ оку людей гдѣ лица лучезарнаго Геліосъ... Ночь безотрадная гдѣ искони окружаетъ живущихъ“¹¹³⁾...

Однако—вопросъ о сношеніяхъ съ Римомъ еще долженъ быть подробно изучаеми, прежде чѣмъ придти къ какому нибудь окончательному рѣшенію. Факты, правда, на лицо: отпечатокъ сильнаго римскаго вліянія чувствуется на всѣхъ украшеніяхъ латышей этого времени, много римскихъ монетъ найдено въ краѣ, особенно на побережьѣ моря и около главныхъ рѣкъ; свѣдѣнія историковъ и археологическія находки даютъ возможность прослѣдить путь, по которому шли римскіе караваны; начиная съ Пейпуса къ югу увеличивается число находимыхъ монетъ; Литва, Пруссія, гдѣ у одного Герлица¹¹⁴⁾ нашли 1123 римскихъ монетъ, Померанія, Силезія, Моравія, Богемія—вотъ рядъ странъ, по которымъ ведутъ открытія археологовъ въ страну Марса и Меркурія.

Не цѣль этой работы подробно познакомить читателя съ откопанными предметами изъ I восточно-балтійскаго желѣзнаго вѣка. Выводы археологовъ говорятъ, что большое число могилъ—въ Талавѣ всѣ съ трупосоженіемъ, между рядами камней гнѣздообразно расположены кости и украшения—указываетъ на сравнительно густое населеніе, которое жило отдѣльными общинами, мало пользовалось оружіемъ, занималось хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, умѣло ткать, хотя отъ холода защищалось и шкурами, хозяйственныя орудія дѣлало изъ желѣза, украшения изъ бронзы, которая, какъ и разнообразныя бусы, вѣроятно, приобреталась въ обмѣнъ на шкуры у другихъ народовъ¹¹⁵⁾; керамика была хорошо развита, хорошо обожженные глиняные сосуды были сдѣланы на станкѣ¹¹⁶⁾.

3) Кромѣ уже названныхъ мѣстностей археологическими находками изъ второго восточно-балтійскаго желѣзнаго вѣка известны слѣдующія¹⁷⁾: Луббенгофъ-Трикатенъ (могильникъ на холмѣ

въ границахъ усадьбы Кикуть), Плангофъ-Трикатень (могильникъ у усадьбы Маскатъ), Роннебургъ (озеро Странте), Роннебургъ—усадьба Странте, Роннебургъ—усадьба Массули, Зербень, Ауленбергъ—усадьба Кеверъ („Karukalns“), Роннебургъ—усадьба Виксне, Роннебургъ—замокъ („Karusils“), усадьба Эгеръ.

5) Редины¹¹⁹⁾ „rediņi“—„Rāden“—„Rādingen“¹²⁰⁾, население восточной части Латышской земли и ближайшіе сосѣди русскихъ.

Редины занимали юго-восточную часть теперешней Лифляндской губерніи и западную Витебской.

Ихъ городища и области: ¹²¹⁾

„Rebalche“, городище напротивъ Пebaльгской лютеранской церкви,

„Sundesel“—„Suntaži“, Сунцельнъ,

„Smilteselle“,

„Lepene“—„Leepkalns“,

„villae in confinio Bebnine“—„Bebrumuiža“, Беверсгофъ,

„Gerdine“, „Egeste“

„Marxne“, городище „Berzones Aronupes pilskalns“ въ 1½ версты отъ имѣнія Марценъ,

„Negeste“

„urbs Zeesove“, недалеко отъ имѣнія Сесвегенъ („Cesvaine“), къ сѣверо-востоку отъ него, городище на берегу „Sul-upe“,

„Alene“, городище „Adlenes Ludupes pilskalns“ въ имѣніи Альтъ-Адленъ,

„Aluikste“, городище „Alukstes pilskalns“ на полуостровѣ Мариенбургскаго озера,

„Aszute“, городище „Gravanu pilskalns“, въ усадьбѣ Граванъ, имѣнія Ассотень, въ 4 верстахъ отъ Крейцбурга,

„Nietczgale“—„Niejdzgals“,

„Nowenene“—Динабургъ,

„Gercike“¹²²⁾, городище „Carogroda pilskalns“ на берегу рѣки Двины,

„Куkenойзе“¹²³⁾, замокъ (развалины) Кокенгузенъ.

Редины, какъ и талавскіе латыши, платили дань русскимъ князьямъ; часть ихъ даже совершенно потеряла независимость и

подпала подъ власть полоцкихъ князей, удѣлами которыхъ были „Gercike“ и „Kukenouse“. Границы русскихъ владѣній на западъ простирались до рѣчки „Vebru ure“, имѣнія Беверсгофъ¹²⁴).

Городище Герцеке¹²⁵) состоитъ изъ холма съ крутыми боками и плоскою ровною вершиною, окруженнаго землянымъ валомъ; поверхность холма представляетъ неправильный овалъ или, точнѣе, продолговатый и закругленный треугольникъ, самый большой поперечникъ котораго, отъ востока на западъ, — 310 футовъ, а наименьшій — 274 фута; окружность вала — 950 футовъ, высота холма 45 футовъ. Городище возвышается на Динабургскомъ плесѣ, въ 18 верстахъ выше Ливенгофскихъ пороговъ, среди невысокихъ береговъ Двины, въ границахъ имѣнія Шлосбергъ. Съ Южной и юго-западной стороны холмъ омывается Двиною, съ сѣверной и сѣверо-восточной онъ окруженъ ровомъ, а западную сторону его омываетъ ручей Истокъ.

На городищѣ находятъ бронзовыя гривны, бубенчики, браслеты, желѣзные топоры, ножи и прочее.

Кокенгузенъ (см. рис. XVI) лежитъ на высокомъ холмѣ, поверхность котораго имѣетъ видъ равнобокой трапеціи. Глубокій ровъ отдѣляетъ городище отъ другого холма — передоваго укрѣпленія, также имѣющаго видъ трапеціи. За послѣднимъ лежитъ, наконецъ, третье высокое плато, въ видѣ пятиугольника, длиною 270 шаговъ, шириною 170, на которомъ находился маленькій городокъ, и границу котораго опять таки составляетъ глубокой и широкой ровъ. Съ двухъ сторонъ Кокенгузенъ окружаютъ рѣка Двина и ея притокъ Персе (см. рис. XVII). Въ 1208 году¹²⁶) здѣсь, на городищѣ, былъ построенъ рыцарскій замокъ, развалины котораго еще до сихъ поръ виднѣются на первомъ холмѣ.

Описаніе городища „Berzones Aronupes pilskalns“ („Мархне“) мы находимъ въ „Выборкѣ изъ свѣдѣній, доставленныхъ Православнымъ духовенствомъ“¹²⁷), въ предварительный комитетъ по устройству X Археологическаго съѣзда въ Ригѣ. „Въ 1 $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ церкви“, пишетъ священникъ Марценскаго православнаго прихода, — „лежитъ „Пилсъ-кальнъ“. Старики передаютъ, что эта гора получила названіе отъ нѣкогда находившагося на ней дубоваго замка. Этотъ замокъ по преданію сгорѣлъ, доказательствомъ

чего служить пепельный цвѣтъ земли на горѣ и склонахъ ея, а также находимый на горѣ перегорѣвшій уголь, желѣзо. Также разсказываютъ, что въ болотѣ, у подошвы горы, находили подъ мхомъ обгорѣвшія дубовыя бревна. Лѣтъ пять тому назадъ, когда еще пахали на склонахъ горы, крестьяне находили различныя вещи: брошки, кольца, браслеты, бубенчики, бусы изъ синяго стекла, жел. топоры съ широкимъ лезвиемъ, крестики, человѣческія кости. Изъ упомянутыхъ находокъ удалось получить у крестьянъ, живущихъ близъ горы: 5 брошекъ, имѣющихъ видъ подковы изъ витой толстой мѣдной проволоки, и т. п. . . . Вершина горы продолговатая и гладкая. Среди горы возвышается холмъ въ три сажени вышины“.

Археологическими находками въ краѣ еще извѣстны слѣдующія мѣстности ⁴⁷⁾:

1) изъ каменнаго періода: Эрла, Огерсгофъ, Фестень, Прауленъ, Кальценау, Крейцбургъ на Двинѣ, Кокенгузенъ, Одзень-Лаудонъ, Штокмансгофъ-Кокенгузенъ, всѣ съ каменными издѣліями.

2) изъ перваго восточно-балтійскаго желѣзнаго вѣка: Голговское-Тирзень, усадьба Яунземъ-Сесвегенъ, Прауленъ-Лаздонъ ¹³¹⁾—всѣ съ трупосожженіемъ, Одзень съ погребеніемъ и усадьба Лейшу-Марты-Кальценау ¹³²⁾.

Характеръ могилъ и археологическихъ находокъ общихъ съ рассмотрѣнными выше.

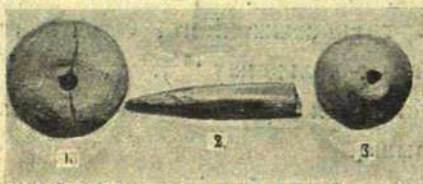
3) изъ втораго восточно-балтійскаго желѣзнаго вѣка: Воклузе-Адзель, Альсвигъ-Маріенбургъ, Анненгофъ-Маріенбургъ, Фиандень-Маріенбургъ, Голговское-Тирзень, усадьба Каудзе-Пебальгъ, Неткенсгофъ-Зербень, Альтъ-Пебальгъ, Огерсилле-Лезернъ, Лезернъ, Энгельгардсгофъ-Сесвегенъ, Гульбернъ, Катариненгофъ-Эрла, Клауэнштейнъ-Кокенгузенъ, Люцинъ.

6. Венды ¹³³⁾, занимали въ древнѣйшія времена область „Wenda“ при устьѣ рѣки Венты, Курляндской губерніи. Отсюда часть ихъ подъ натискомъ куровъ, народа образовавшагося отъ смѣшенія латышей съ ливами, переселилась на берегъ рѣки Двины; отсюда же ихъ вытѣснили ливы ¹³⁴⁾. Тогда венды поселились на берегу рѣки Аа („Gauja“, „Koiwa“, „Kuiwa jögi“ = рѣка съ песчаными „сухими“ берегами, отъ эстонскаго „kuiw“ = сухой, gen.

„kuiwa“ и „jögi“ = рѣка) по сосѣдству со своими одноплеменниками; аутинскими, талавскими и юмарскими латышами и рединами, т. е. около города Венденъ. Ихъ городище¹³⁵⁾ находилось на горѣ „Lazdu kalns“ въ Венденскомъ замковомъ паркѣ¹³⁶⁾.

Около города Венденъ найдены могилы изъ второго восточнобалтійскаго желѣзнаго вѣка, каменныя орудія, и открыто мѣсто для жертвоприношеній¹³⁷⁾.

Въ этой же области¹³⁸⁾ лежитъ нашумѣвшее въ археологической литературѣ края и даже за границею Аррашское („Vecas Cesis“)¹³²⁾ озеро¹²⁸⁾, гдѣ на глубинѣ 5 футовъ были найдены вбитыя вертикально заостренныя сваи, занимающія круглую площадь, около 300 метровъ въ діаметрѣ; между ними лежали на днѣ еловыя, березовыя и дубовыя балки, доски и другіе куски дерева; надъ этимъ слоемъ была замѣчена глина, камни и были найдены остатки грубой глиняной посуды, нѣсколько бронзовыхъ предметов¹²⁹⁾, а также обработанныя кости оленя¹³⁰⁾, обломокъ громадной челюсти дикаго кабана, кости бобра и глиняныя бусы.

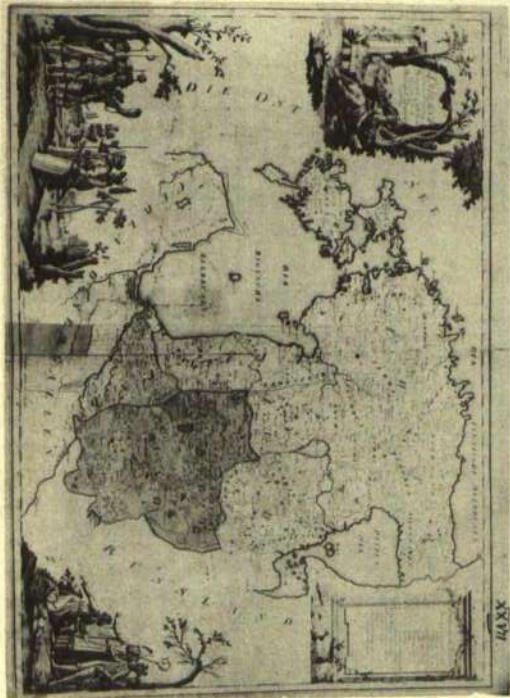
Аррашъ: 1 и 3—глиняныя бусы, 2—костяной буравъ.

б. Селы.

Напротивъ летгалловъ, въ частности рединовъ, на лѣвомъ берегу рѣки Двины и по теченіямъ рѣкъ „Robež-upē“, „Vezites-upē“ и „Susejas-upē“ жили селы¹³⁷⁾.

Границы ихъ области рижованная хроника описываетъ слѣдующимъ образомъ¹³⁸⁾:

„Die Dune ein wasser ist genant,
 „des vluz gëet von Rûzen lant,
 „dar ïffe wâren gesezzen
 „heiden gar vermezzen,

„Liwen wären sie genant.

„daz stôzet an der Sêlen lant.

„daz was ein heidenschaft vil sûr,

„sie wären der Rûzen nâkebûr“.

Области селовъ были ¹³⁹):

„Medene“,

„Allecten“,

„Calve“,

„Pelone“,

и ихъ главное городище:

„castrum Selonum“ — „Selpils“ на лѣвомъ берегу Двины противъ Штокмансгофа, гдѣ впоследствии былъ построенъ орденскій замокъ.

Городище это Генрихъ Латышъ называетъ „refugium egredientibus et ingredientibus“, указывая этимъ на то, что при „castrum Selonum“ литовцы вмѣстѣ съ селами переправлялись черезъ Двину для набѣговъ на латгальскія области.

„Selpils“ — „castrum Selonum“ со стороны рѣки было совершенно неприступно; съ другихъ сторонъ его окружали валы ¹⁴⁰) и рвы, которые могли наполняться водою изъ озеръ. Въ 1208 году здѣсь на мѣстѣ стараго деревяннаго замка былъ воздвигнутъ орденскій изъ тесаннаго камня ¹⁴¹).

Археологическими находками въ области селовъ извѣстны слѣдующія мѣстности ⁴⁷):

1) изъ каменнаго періода: Альтъ-Грюнвальдъ-Двинскъ, Ново-Грюнвальдъ, Лассенъ - Двинскъ, Бевернъ - Двинскъ, Абельгофъ-Зельбургъ.

2) Въ Альтона, Фридрихштадскаго уѣзда, Курляндской губерніи, найденъ кельтъ изъ бронзы, длиною 140 mm., шириною до 84 mm. ¹⁴²).

3) изъ перваго восточно-балтійскаго желѣзнаго вѣка: Фридрихштадъ — напротивъ Ашерадена ¹⁴³), усадьба Сваренѣкъ на правомъ берегу притока рѣки Курляндской Аа — Мемеля, въ 8 верстахъ отъ имѣнія Гербергенъ (могила съ костякомъ подъ курганомъ, окруженнымъ 2 рядами камней), усадьба Скуянъ-им. Пикстенъ направо отъ дороги изъ Пикстена въ Стаббенъ, Реннебергъ (мо-

гила съ костякомъ подъ курганомъ), Зельбургъ¹⁴⁴), усадьба „Jozuf“ на озерѣ „Baltiņezars“.—Ново-Зельбургъ (курганъ съ погребеніемъ съ кругомъ изъ 15 камней), усадьба Алинень-Альтбергъ-Зельбургъ, въ 100 саженьяхъ отъ Ново-Зельбургскаго озера (съ курганомъ), гора Рутельбергъ-Велико-Зонаксть въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ усадьбы Руке (съ курганомъ)¹⁴⁵).

Альтонаскій кельтъ.

4) изъ второго восточно-балтійскаго желѣзнаго вѣка: Стабенъ, Сетценъ, Варенброкъ, Зельбургъ, усадьба Суле-Двинскъ-Альтъ-Грюнвальдъ, Гербергенъ, Ильзенбергъ¹⁴⁶).

6.

Мнѣ остается еще упомянуть о населеніи областей *Ашераденъ*—„Aizkraukle“, *Идумея* и *Куронія*—„Kurzeme“.

Куронія, которая лежала къ востоку отъ Земгалліи, имѣла въ описываемый мною періодъ времени смѣшанное населеніе: тамъ жили куры или летто-ливы, причемъ преобладали латыши.

Такими же полосами съ смѣшаннымъ населеніемъ, или „переходными областями“, на границахъ летгалловъ являлись Идумея и Ашераденъ, послѣдняя около городища Ашерадена, къ востоку отъ двинскихъ ливовъ, первая около Вайдавскаго озера (см. рис. XVIII)¹⁴⁷).

Въ области Ашераденъ главнымъ образомъ извѣстны: городище на высокомъ берегу рѣки Двины у лютеранскаго Ашераденскаго пастората и рядомъ съ нимъ знаменитый могильникъ, размытый въ 1837 году весеннимъ разливомъ Двины и изслѣдо-

ванный археологомъ проф. Крузе¹⁴⁸). Ашераденскій могильникъ часто приписывается ливамъ. Считаю нужнымъ отмѣтить, что болѣе поздніе изслѣдователи въ виду смѣшаннаго населенія области Ашераденъ болѣе осторожно высказываются по этому вопросу, отрицая чисто ливскій характеръ могильника и отмѣчая въ немъ много латышскаго вліянія¹⁴⁹).

Въ области Идумея лежало могучее городище „Metimne“ на берегу Вайдавскаго озера въ верстѣ отъ Папендорфской лютеранской церкви, нѣкоторое время резиденція уже упомянутаго антенскаго фохта князя Владимира.

Городище „Metimne“ (см. рис. XIX) состоитъ изъ передового укрѣпленія и громаднаго главнаго, на сѣверѣ защищеннаго глубокимъ оврагомъ, на западѣ озеромъ, а съ двухъ остальныхъ сторонъ окруженнаго валами и рвами (см. рис. XX). Рядомъ съ городищемъ—глубокая пещера (см. рис. XX).

Отъ восточной своей части, страны „куровъ“, нынѣшняя Курляндская губернія получила свое названіе. Здѣсь (близъ моря) болѣе всего извѣстны могильники Пассельнъ и Хазау. Въ XVII столѣтіи куры у другихъ латышскихъ племенъ были извѣстны подъ названіемъ „Tahmi“—плѣхо владѣющіе латышскимъ языкомъ¹⁵⁰).

- 1) J. Krodsneekš, *Kaš ir latweešchu wehštore?* Auštrums 1892, стр. 326.
- 2) Проф. Фридрихъ Ратцель, *Народовѣдѣніе*, II, стр. 815.
- 3) *Latwju tauta, 1 grahmata, 1 burtniza*: W. Olaw, *Latwju wehštore lihds 12 gadu- simteņa beigam*, Jelgawa 1892, стр. 26. Ратцель, *Народовѣдѣніе*, II, стр. 818. А. Bezzenberger, *Bemerkungen zu dem Werke von A. Bielenstein über die ethnologische Geographie des Lettenlandes*, Austrums 1895, стр. 507. С. Schirren, *Nachrichten der Griechen und Römer über die östlichen Küstenländer des Baltischen Meeres*, Riga, 1852, стр. 15.
- 4) Schirren. *Nachrichten der Griechen und Römer*, стр. 19.
- 5) А. Bezzenberger, *Bemerkungen*, стр. 507.
- 6) *Археологическія Извѣстія и Замѣтки*, изд. Имп. Моск. Археол. Общ., Томъ I, Москва 1893, Засѣд. IX Арх. Съѣзда въ Вильнѣ, реф. проф. Кенигсбергскаго Университета Бецценбергера „О доисторическихъ древностяхъ Восточной Пруссіи“, стр. 357.
- 7) W. Olaw, *Latwju wehštore*, стр. 61.
- 8) В. Б. Антоновичъ, *Монографіи по исторіи западной и югозападной Россіи*, Т. I, Кіевъ 1895.
- 9) Краковъ, 1517.
- 10) *Исторія Литовскаго государства*.
- 11) Антоновичъ, *Монографіи*, см. выше, Т. I.
- 12) W. Olaw, *Latwju wehštore*, стр. 45, 46.
- 13) Lanckenau u. v. d Oelnitz, *Das heutige Russland*, Leipzig, 1876.
- 14) G. Merkel, *Widsemeš šenatne*, tulk. M. Kaudsītš, Zehsīs, 1906, стр. 23—31.
- 15) G. Merkel, *Wids. šen.*, стр. 32.
- 16) Антоновичъ, см. выше.
- 17) Edg. Baumann, *Šenee Pruhschi, Latweešchu zilts radi*, Riga, 1903, стр. 4. Schirren. *Nachrichten*, стр. 20.
- 18) Baumann, *Šenee Pruhschi*, стр. 5—13. F. Voigt, *Geschichte Preussens bis zum Untergang der Herrschaft des Ordens*, Königsberg, 1897. W. Olaw, *Latwju wehštore*, стр. 45.
- 19) Кромѣ упомянутыхъ трехъ изданій катехизиса сохранился, какъ памятникъ прусскаго языка, еще Эльбингскій манускриптъ словаря, изданный въ 1897 году проф. Бецценбергеромъ.

20) О живущихъ еще въ Пруссiи латышахъ см.: A. Bezzenberger, Die Kurische Nehrung und ihre Bewohner, Stuttgart, 1889.

21) Dr. August Bielenstein, Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache, S. Petersburg, 1892, стр. 172.

22) Bielenstein, Grenzen, стр. 162.

24) Bielenstein, Grenzen, стр. 108.

25) Bielenstein, Grenzen, стр. 109—145.

26) Livländische Reimchronik, herausgegeben von Leo Meyer, Paderborn, 1876, vers. 11041, стр. 252.

27) Reimchronik, v. 5407, стр. 124.

28) Reimchronik, v. 9093, стр. 208.

29) Scriptorum rerum Livonicarum, I, Riga 1853, Chronicon Livoniae vetus, XXIII, 4. Heinrichs von Lettland Livländische Chronik, übersetzt von Eduard Pabst, Riga 1867, XXIII, 4, стр. 253.

30) Reimchronik, v. 8961, стр. 205.

31) Chron. liv. vetus, IV, 6.

32) Chron. liv. vet., XXIII, 3.

33) Reimchronik, v. 11210, стр. 256.

34) Труды Московскаго предварительнаго комитета X Археологическаго Съезда въ Ригѣ, Вып. II, Москва 1896, Предв. отчетъ Г. Сицова, стр. 7.

35) Труды Эстляндскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, Т. IX, кн. I, 1893 г. Временникъ Эстляндской губернии, Ревель 1894, Н. Харузинъ, Обзоръ доисторической археологiи въ Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губернiяхъ по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей, стр. 127.

36) Dr. Ingvald Undset, Das erste Auftreten des Eisens in Nord-Europa, deutsche Ausgabe von I. Mestorf, Hamburg 1882, стр. 167—171.

37) Лавр. Лѣт. 6614; Антоновичъ, Монографiи.

38) Chron. liv. vet., XXIII, 4.

39) Брянцевъ, Исторiя Литовскаго Государства.

40) Reimchronik, v. 1705—1707, стр. 40.

41) Chron. liv. vet., XXIII, 4.

42) Археологическiя Извѣстiя и Замѣтки, издаваемыя Императорскимъ Моск. Арх. Общ., Т. III, Москва 1895, Н. Харузинъ, Къ исторiи города Герцеке въ Ливонiи, стр. 50.

43) Chron. liv. vet., XXIII, 8.

44) „Wannem Imanta, eine lettische Sage von G. Merkel, Leipzig, 1802“ въ: Vaterländisches und Gemeinnütziges. Von C. Woldemar, 1 Heft, Moskau, 1871, стр. 157, 158.

45) cf. P. Einhorn, Historia lettica, 1649, Riga, Kummel, 1857, стр. 33: „Denn die Teutschen Ordens Leute, sich jhrer was die Religion und

Gottesfurcht betrifft, wenig bekümmert, und nicht gross darnach gefragt, wie sie von ihrer heydnischen Abgötterey und falschem Gottes-Dienst, zur Erkenntniss des wahren Gottes gerathen und kommen möchten“.

⁴⁶⁾ Археологическія Извѣстія и Замѣтки, т. III, Москва, 1895. Н. Харузинъ, Къ исторіи города Герцеке въ Ливоніи, стр. 60.

⁴⁷⁾ При указаніи только что упомянутыхъ мѣстностей я пользовался работами: J. Sitzka, Archäologische Karte von Liv-, Est- und Kurland, Jurjew, 1896; Verzeichniss archäologischer Fundorte in Liv-, Est- und Kurland, im Auftrage der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zusammengestellt von J. Sitzka, Jurjew, 1896.

⁴⁸⁾ Bielenstein, Grenzen, стр. 172.

⁴⁹⁾ Chron. liv. vet., X, 3.

⁵⁰⁾ Chron. liv. vet., XI, 6, 9.

⁵¹⁾ Bielenstein, Grenzen, стр. 77; W. D. Balodis, Antina un Metimne, Austrums 1905, стр. 628, 629. См. карту: „Верхне-латышскія племена“: I—Юмарскіе латыши, II—Антенскіе, III—Аутинскіе, IV—Талавскіе, V—Редины, VI—Венды, IX—Селы, VII—Идумейцы, VIII—Ашераденцы; 1—Astigerwe, 2—Metsene, 3—Gulbana, 4—Villa apud Vivam, 5—Tricatua, 7—Antine, 8—Zerdene, 24—Wenden, 25—Sotekle, 29—Ymera, городище, 30—Metimne, 34—Pebalche, 35—Beverin, 39—Zessove, 50—Marxne, 66—Lenewarde, 67—Ascrade, 70—Kukenois, 76—Gerzike, 77—Nitzgale, 78—Nöwenene, 90—Castrum Selonum.

⁵²⁾ Chron. liv. vet. XI, 7.

⁵³⁾ W. D. Balodis, Jumera, Wehsturiski-kritiškš apzerejums, Austrums, 1907, стр. 58, 147, 206, 296, 482, „Jumaraš apgabals“ въ 32 тетради издаваемого научною комиссіею Рижскаго Латышскаго Общества энциклопедическаго словаря: „Konwersazijaš Wahrndiza, 32 burtniza, Riga 1907“, стр. 1505—1507. W. D. Baloscha, Jumeraš leja, Walmeerâ, 1909, стр. 6—8.

⁵⁴⁾ Reimchronik, v. 1094—1111, стр. 26.

⁵⁶⁾ Chron. liv. vet., XIV, 8.

⁵⁷⁾ Chron. liv. vet., XXVII, 1.

⁵⁸⁾ Bielenstein, Grenzen, стр. 77—80, 92

⁵⁹⁾ Chron. liv. vet., XV, 1 и XXIII, 9.

⁶⁰⁾ Chron. liv. vet., XVII, 2.

⁶¹⁾ Chron. liv. vet., XIX, 3 и Silv. doc., LXVII (S. v. I.).

⁶²⁾ Chron. liv. vet., XI, 7 и XVII, 6.

⁶³⁾ L. v. Stryck, Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands, II Teil, Dresden 1885.

⁶⁴⁾ Chron. liv. vet., XXVII, 1. Konwersazijas wahrndiza, 32 burtniza, Riga, 1907, стр. 1505—1507.

⁶⁵⁾ Dr med. Alfred Sommer, Der Rinne- Kalns und seine Bedeutung für die Anthropologie Livlands, Dorpat 1884. Rudolf Virchow, Bericht über

eine archäologische Reise nach Livland, Verhandl. der Berliner Gesellschaft für Anthropol., Ethn. und Urgeschichte, 1877, стр. 365.

⁶⁶⁾ Sommer, Rinnekaln, стр. 24.

⁶⁷⁾ „Regelmässigkeit der Form“.

⁶⁸⁾ Сравни.: Труды IV Археологич. съезда въ Россіи, Т. I, Казань, 1884, К. Гревингъ, О желѣзномъ вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ, стр. 27.

⁶⁹⁾ По Гревингу: Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher Gesellschaft, Bd. IV, стр. 72, 211—213, 244, 543; по Rytimeyer'у: Sitz. Ber. d. Dorp. Notforsch. Ges. Bd. IV, стр. 539—543 и Vrhandl. der Berl. Gesellsch. für Anthropol., Ethn. und Urg., 1877, стр. 408, 409, 411—412; по Вирхову: V. d. B. G. f. A., E. u. U. 1877, стр. 409—411.

⁷⁰⁾ Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga 1896, R. Hausmann, Einleitung zur Abtheilung Archäologie, стр. XII.

⁷¹⁾ Hausmann, Katalog, стр. X.

⁷²⁾ Bielenstein, Grenzen, Excurs 2, Welches Volk hat an den Küsten des Rigischen Meerbusens und in Westkurland die historische Priorität. die indog. Letten oder die ural- altaischen Finnen, стр. 374.

⁷³⁾ Dr. Ingvald Undset, Das erste Auftreten des Eisens in Nord- Europa, deutsche Ausgabe von S. Mestorf, Hamburg, 1882, стр. 163.

⁷⁴⁾ Hausmann, Katalog, стр. XII.

⁷⁵⁾ Hausmann, Katalog, стр. XII.

⁷⁶⁾ Труды IV Археологич. Съезда въ Россіи, Т. I, Казань 1884, К. Гревингъ, О желѣзномъ вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ, стр. 27, 28.

⁷⁷⁾ Hausmann, Katalog, стр. XIII.

⁷⁸⁾ Sitzka, Verzeichniss, стр. 35; Katalog, 1896, стр. 27.

⁷⁹⁾ Sitzka, Archäologische Karte, II; Verzeichniss, стр. 22.

⁸⁰⁾ A. Bielenstein, Grenzen, стр. 87. W. D. Balodiš, Antina un Metimne, Austrums 1905, стр. 628, 629. W. D. Balodiš, Walmeera, Walmeeras Sinotajš, 1908, № 1.

⁸¹⁾ Chron. liv. vet., XII, 6

⁸²⁾ Chron. liv. vet., XVI, 7.

⁸³⁾ Bielenstein, Grenzen, 94.

⁸⁴⁾ Scriptorum rerum Livonicarum, II, Dionysii Fabricii, Livonicae Historiae compendiosa series (emend. G. Bergmann), Pars altera, XVI: „(Wilhelmus von Surborch)... tres arces Wolmariam, Burtnicam et Tricatum exstruxit“.

⁸⁵⁾ Script. rer. Livon., Chron. liv. vet., XVI, 3, Silva docum., LXIV.

⁸⁶⁾ Magazin der Lettisch- Liter. Gesellschaft, Mitau, 1897, Beiträge zur Geographie Heinr. von Lettland, von Karl Georg Graf Sievers, стр. 41.

⁸⁷⁾ Имѣніе „Raiskum“ вмѣстѣ съ имѣніемъ „Autceem“ когда то принадлежали къ имѣнію „Leel- Straupe“ (Gross Roop), однимъ изъ первыхъ владѣльцевъ котораго упоминается (1385) Генрихъ Розенъ,—L. v.

Stryck, Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands, Dresden, 1885, стр. 179, 185, 186.

⁸⁸⁾ Sitzka, Archäol. Karte, Verzeichniss archäologischer Fundorte, стр. 31, 11, Hausmann, Katalog, Riga 1896, стр. 27, № 351 и 352.

⁸⁹⁾ Chron. liv. vet., XI, 7; XXVIII, 9; XXIX, 3. Bielenstein, Grenzen, стр. 80.

⁹⁰⁾ Bielenstein, Grenzen, стр. 92, 93.

⁹¹⁾ Chron. liv. vet., XII, 6.

⁹²⁾ K. Kundsīn, Šmilteneš wezlaiki, Auštrums 1893, стр. 414. Jegor von Sievers, Smiltēn, Riga 1872, стр. 5.

⁹³⁾ Sitzungsber. der Ges. für Gesch. u. Altert. der Ostseeprovinzen Russlands a. d. J. 1896, Riga, 1897, C. v. Loewis of Menar, Heidnische Burgberge unter Homeln und Wiezemhof, стр. 46.

⁹⁴⁾ „...на Чюдъ и на Очелу“ въ Новгородской синодальной лѣтописи по Синодальному харатейному списку, Спб. 1888, г. 1179.

⁹⁵⁾ Chr. liv. vet., XII, 6.

⁹⁶⁾ Chr. liv. vet., XII, 6.

⁹⁷⁾ Auštrums, 1895, W. D. Balodiš, Antine un Metimne, стр. 628.

⁹⁸⁾ П. С. Савельевъ, Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи, Спб. 1847, Топографія кладовъ съ восточными монетами и издѣльями VII, VIII, IX, X и XI вѣка, въ Россіи и Прибалтійскихъ странахъ, стр. CLIX.

⁹⁹⁾ Dr. Fried. Kruse, Necrolivonica oder Alterthümer Liv-, Esth- und Kurlands, Dorpat, 1842, Tab. 64, № 1.

¹⁰⁰⁾ Jegor von Sievers, Smiltēn, Riga 1872, Tab.: Grundriss des Pilskaļn, einer alten Heidenschanze unter dem gute Smiltēn: A. Холмъ, гдѣ стояли строенія. В—С. Линія разрѣза: а—ровъ, b, c, d—возвышенія, f—вершина холма, g—валъ, h—конецъ рва, j—рѣчка, k—холмъ. D—E. Линія разрѣза: m—ровъ, n—спускъ, o—валъ, p—площадь, q, u, e, n—валы, l—ровъ, u—холмъ. F—G. Линія разрѣза: x—дорога, w, y—окружающіе ее валы, z—дамба, a. a—рѣчка, m. a. t—ровъ.

¹⁰¹⁾ Sievers, Smiltēn, стр. 5 и 6, K. Kundsīn, Šmilteneš wezlaiki, Auštrums, 1893, стр. 414.

¹⁰²⁾ Ср. Chr. liv. vet. XII, 6, гдѣ говорится, что латыши, въ ожиданіи нападенія эстовъ, собираютъ все свое имущество въ городище.

¹⁰³⁾ Ср. Chron. liv. vet., XII, 6: „Sacerdos etiam ipsorum, impugnationem Estonum modicum attendens, munitionem castris (Beverin) ascendit, et aliis pugnantibus, ipse musico instrumento cantabat, Deum exorando“.

¹⁰⁴⁾ Hausmann, Katalog, стр. X.

¹⁰⁵⁾ Katalog der Ausstellung zum X arch. Kongr. 1896, стр. 27.

¹⁰⁶⁾ Труды Эстляндскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, Т. IX, Кн. I, 1893 г. Временникъ Эстляндской губерніи, Ревель 1894.

Н. Харузинъ. Обзоръ доисторической археологiи въ Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губернiяхъ по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей, стр. 139. *Verhandlungen d. gel. hrten Estnischen Gesellschaft*, VIII Bd., 3 H., Dorpat, 1876, K. Graf Sievers, Bericht über die im Jahre 1875 am Strante-See ausgef. arch. Untersuchungen, стр. 3.

¹⁰⁷⁾ Фибулы: 1—Славекъ, 2—Мусынь, 3, 4—Каугаръ, 5, 6—Веллакравандъ, 7—Яунъ-Тевенень, 8—Веллакравандъ, 10—Славекъ, 11—Каугаръ, 12, 13—Странте, 14—Викснасъ-капусилсъ, 15—Стрикенофъ, 16, 17—Славекъ, 18—Альшекипе, 19—Славекъ.

¹⁰⁸⁾ Hausmann, Katalog, стр. XVI.

¹⁰⁹⁾ Plinius, Н. Н. III, 27; IV, 27; XXXVII.

¹¹⁰⁾ Tacitus, De moribus Germaniae, Cap. 43 и 44.

¹¹¹⁾ Ср. Eginhard, Vita Caroli Magni, стр. 12: „Hunc sinum multae circumsidunt nationes: Dani scilicet et Sveones, et quos Nortmannos vocamus, septentrionale litus et omnes in eo insulas tenent: ad litus australe Slavi et Aisti et aliae diversae incolunt nationes“.

¹¹²⁾ Schirren, Nachrichten, стр. 9—14

¹¹³⁾ Одис., IX, 13—19.

¹¹⁴⁾ Beyer. De numis Romanis in Prussia repertis. St. P., ed. Acad.

¹¹⁵⁾ Hausmann, Katalog, стр. XX.

¹¹⁶⁾ Hausmann, Katalog, стр. XIV.

¹¹⁹⁾ Gotthard Friedrich Stender, Lexikon, 1789, стр. 222: „Rehdiini—ehemalige polnischliefländische Bauern; Rehdiinu walloda—ihr schlecht-s verdorbenes Lettisch“; стр. 378: „Rehdiini—die polnischliefländische jetzt zu Neu-russland gehörigen Letten, deren Dialekt rauh und grob ist“.

¹²⁰⁾ P. Einhorn, Historia Lettica 1649, стр. 11: такъ же, какъ Стендеръ, называетъ восточныхъ латышей и Эйвгорнъ, по ошибкѣ однако причисляя сюда и селовъ: „Die Düna und Selbürger Letten nennen sich die Räden oder Rädigen, und erstrecken sich von der Russischen Grenze bis an den Walhoff, sind auch jenseits der Düna in den Gebieten Rosi-ten, Ludzen und Marienhausen“.

¹²¹⁾ Bielenstein, Grenzen, стр. 94.

¹²²⁾ Chron. liv. vet., VII, 8.

¹²³⁾ Chron. liv. vet., IX, 10.

¹²⁴⁾ Bielenstein, Grenzen, стр. 95, прим. 19.

¹²⁵⁾ А. Сапуновъ, Рѣка Западная Двина, Витебскъ, 1893, стр. 469. Археологическiя Замѣтки и Извѣстiя, издаваемыя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, Томъ III, Москва 1895, стр. 50, 51.

¹²⁶⁾ Chron. liv. vet., XIII, 1.

¹²⁷⁾ Труды Московскаго предварительнаго комитета X Археологическаго съѣзда въ г. Ригѣ, Вып. II, Москва 1896, стр. 65.

¹²⁸⁾ Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat, 10. Bnd, II Heft, Dorpat 1880, C. G. Graf Sievers, Bericht über antiquarische Forschungen, стр. 67.

¹²⁹⁾ Тр. Эстл. Губ. Ст. К., Н. Харузинъ, Обзоръ доисторической археологii, стр. 131. Verh. d. g. Estn. Ges. 10 B., II H., Sievers, Bericht, стр. 67.

¹³⁰⁾ Hausmann, Katalog, стр. X.

¹³¹⁾ Katalog d. X Arch. Ausst., стр. 26.

¹³²⁾ Katalog, стр. 26.

¹³³⁾ Bielenstein, Grenzen, стр. 334.

¹³⁴⁾ Chron. liv. vet., X, 14.

¹³⁵⁾ Chron. liv. vet., XXII, 5. Reimchronik, v. 9227—9233, стр. 211.

¹³⁶⁾ Bielenstein, стр. 94, прим. 14.

¹³⁷⁾ Bielenstein, стр. 168.

¹³⁸⁾ Reimchronik, v. 139—146, стр. 4.

¹³⁹⁾ Bielenstein, Grenzen, стр. 174.

¹⁴⁰⁾ Chron. liv. vet., XI, 6

¹⁴¹⁾ Сапуновъ, Зап. Двина, стр. 475, 476.

¹⁴²⁾ Kruse, Nocr., 9, 4. Bähr, 16, 2. 3. Aspelin, 401. Grewingk, Gräber Lit., 150.

¹⁴³⁾ Katalog X Arch. Ausst., стр. 24.

¹⁴⁴⁾ Katalog, стр. 25.

¹⁴⁵⁾ Katalog, стр. 26.

¹⁴⁶⁾ Katalog, стр. 60.

¹⁴⁷⁾ Archiv für die Naturkunde Liv-, Ehst- und Kurlands, herausgegeben von der Naturforscher Gesellschaft bei der Universität Jurjew. II Serie. Biologische Naturkunde. Bd. XII, Lieferung 2. Jurjew, 1902. R. W. Weinberg. Crania livonica, стр. 6 Hausmann, Katalog, стр. XXI и XXXIV. Bielenstein, Grenzen.

¹⁴⁸⁾ Katalog, стр. 6. Kruse, Necrolivonica.

¹⁴⁹⁾ Weinberg, Crania livonica, стр. 9. Hausmann, стр. XXXV, XLIX.

¹⁵⁰⁾ P. Einhorn, Historia Lettica, Das ist Beschreibung der Lettischen Nation. Dorpt 1649. Ueber die religiösen Vorstellungen der alten Völker in Liv- und Ehstland, Riga, Kymmell, 1857, стр. 11.

¹⁵¹⁾ Sitzungsberichte d. Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1908, Dorpat, 1909, 729 Sitzung, 10 u. 11, стр. XXXVI и XXXVII.

¹⁵²⁾ Jegór v. Sievers. Wenden, seine Vergangenheit und Gegenwart, Riga, 1857, стр. 9. E. Pabst, Heinrichs v. L. Chronik, стр. 243, пр. 2.

¹⁵³⁾ Katalog X Arch. Ausst. стр. 5. Sitzka, Verzeichniss, стр. 32: можетъ быть, и городище Сарумъ, съ каменными, костяными, бронзовыми и желѣзными издѣліями?

Глава II.

Владычество русских князей и распространение христианства.

Когда впервые распространились власть и влияние русских князей в латышской землѣ, неизвѣстно.

Веселовскій въ своихъ „Мелкихъ замѣткахъ къ былинамъ“, основываясь на „Saga Didriks konungs af Bern“, полагаетъ, что Илья Владимировичъ былъ княземъ въ латышскомъ Герзике. Такимъ образомъ около 980 года принадлежала русскому князю та область, границами которой на сѣверѣ была Талава, на юго-востокѣ Друя, а на западѣ Кокенгузенъ.

Такое объясненіе скандинавскаго сказанія однако можно считать мало вѣскимъ. Что же говорятъ лѣтописи и археологическія находки?

„Днѣпръ потече изъ Оковьскаго лѣса и потечеть на полдне, а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идетъ на полуношь, и ввидеть въ море Варяжское; изъ того же лѣса потече Волга на вѣстокъ и вѣтече семьюдесять жерель въ море Хвалиское. Тѣмъ же изъ Руси можетъ итти въ Болгары и въ Хвалисы; на вѣстокъ дойти въ жребій Симовъ; а по Двинѣ въ Варяги“,—говоритъ лѣтопись¹⁾.

И наиболѣе оживленныя торговыя сношенія, идущія черезъ территорію современныхъ прибалтійскихъ губерній, происходятъ съ VIII до конца XII вѣка. Наибольшее количество найденныхъ здѣсь монетъ падаетъ именно на этотъ періодъ времени; монеты становятся разнообразными: арабскія монеты относятся къ періоду отъ 725—1011 г., англосаксонскія и англо-дат-

скія отъ 802—1040, византійскія отъ 864—1014, нѣмецкія отъ 823—1180 и, наконецъ, найдена древнерусская монета Ярослава³).

Найдены эти монеты на пути, выше описанномъ лѣтописцемъ, и по теченію рѣкъ Эмбахъ, Аа и Сались. Очевидно, кромѣ Двины, торговля происходила также и по другому пути: отъ Чудскаго озера, вверхъ по Эмбаху, оттуда волокомъ либо на Лифляндскую Аа, либо къ Буртвиѣскому озеру и по вытекающей изъ него рѣкѣ Сались въ море³).

Изъ Полоцка на западъ, кромѣ воднаго пути, вела дорога и сушею, шедшая параллельно Западной Двинѣ⁴); Генрихъ Латышъ упоминаетъ сухопутную дорогу отъ Пскова до Двины.

Всѣ эти пути служили, помимо торговыхъ сношеній мѣстныхъ купцовъ, главнымъ образомъ для транзитной торговли. По мнѣнію Савельева, арабскіе торговцы доходили только до Алаунской возвышенности⁵), а торговлю съ прибалтійскими землями и черезъ нихъ вели исключительно русскіе⁶).

Это послѣднее мнѣніе можно считать не совсѣмъ точнымъ, такъ какъ у латышей и ливовъ безъ сомнѣнія были торговцы⁷), которые, торгуя медомъ, воскомъ, мѣхами и янтаремъ (главнымъ звеномъ, связывающимъ Волжскую Булгарію съ западомъ), возили свой товаръ и въ заграничные торговые центры.

У Генриха Латыша⁸) мы читаемъ о земгалльской гавани; народныя пѣсни вродѣ:

„Tevis, tevis, dar man laivu,

Aud, mamiñ, zegelites,

Lai es eemu juriñâ

Ar zeemeli cinitees:

Zeemelam ir baltas putas,

Man baltakas zegelites“, — и народныя сказанія

о заморскихъ короляхъ въ золотыхъ замкахъ говорятъ о древней заморской, или заграничной, торговлѣ⁹). Наконецъ, арабамъ въ Булгарѣ были извѣстны латыши; по крайней мѣрѣ, по мнѣнію Савельева¹⁰), инымъ народнымъ именемъ нельзя объяснить упоминаемое Ибнъ-Хаукалемъ въ числѣ „русскихъ народъ“ поколѣнія Итлава или Талава (по Ибнъ-эль-Варди), — и я бы сказалъ,

что Талава Ибнъ-эль-Варди—это навѣрное латышское княжество Талава—Tholowa¹¹).

Но все же торговали главнымъ образомъ русскіе по Двинѣ и другимъ рѣкамъ, первоначально основавъ только факторіи, складочные пункты для своихъ товаровъ, и оставляя здѣсь своихъ мужей, какъ для защиты товаровъ и самихъ торговцовъ отъ разбойничьихъ нападений, такъ и для надзора за очисткой русла Двины отъ камней, преграждающихъ въ изобиліи ея фарватеръ¹²). Изъ этихъ складочныхъ пунктовъ возникли небольшія колоніи—крѣпости, которыя, если первоначально и являлись изолированными форпостами въ стремленіи Руси къ морю, — то потомъ слѣдлались центрами удѣловъ, зависимыхъ отъ Полоцкаго княжества¹³).

Уже въ 8 или 9 столѣтіи переходятъ въ русскія руки латышскія городища Кокенгузенъ и Герзике, въ 10 столѣтіи латышско-ливскій Ашераденъ, и въ нихъ имѣеть мѣстопробываніе русской князь съ дружиною, властвуя надъ Двиною и надъ окрестнымъ населеніемъ.

Въ X столѣтіи¹⁴) народы отъ Двины до Наровы платятъ дань Святославу Игоревичу. Отъ 960—980 года¹⁵) въ Полоцкѣ сидитъ Рогволодъ, слѣдя за русскими укрѣпленіями въ землѣ латышей.

Въ 1030 году (л. 6538) „Ярославъ постави градъ Гуріевъ“ и построилъ здѣсь 2 церкви Св. Николая и Св. Георгія¹⁶).

А около 1050 года¹⁷) „се данници дають Руси дань: Чюдь, Меря, Вель, Моурома, Черемиса, Мордва, Пермь, Печера, Имь, Литва, испрѣва исконнии данници и конокрѣмци, Зимгола, Корсь, Нерома сиречь Жемовъ, Либь“, — то есть, русскія владѣнія на западъ простираются до моря, захватывая такимъ образомъ и латышскія области.

Въ 1132 году — согл. Лавр. Л. — Полоцкѣ переходитъ въ руки Василька Давидовича, сынъ котораго Владимиръ тотъ „гех“ Генриха Латыша, къ которому въ 1184 году епископъ Мейнгардъ обращается за разрѣшеніемъ крестить ливовъ¹⁸), у котораго ливы въ 1206 году¹⁹) просятъ защиты отъ нѣмцевъ и который²⁰) въ 1212 году требуетъ прекратить насильственное крещеніе ливовъ нѣмцами. Подъ его верховною властью правятъ въ Кокен-

гузенъ Вящека²¹⁾ и въ Герзике Всеволодъ, называя латышей своимъ народомъ и латышскую землю—достояніемъ своихъ предковъ²²⁾.

И не напрасно, ибо —

„Selhen, Lîven, Letten lant

„wâren in der Rûzen hant

„vor der brûder zîten komen²³⁾, или, согласно

словамъ Chronicon Equestris Ordinis Teutonici: „in meister Vinne tÿden stont der Oselen (Shelen) lant, Lieflant ende der Letten lant al onder den Ruysschen...“

И каждый годъ „venerunt Rutheni solito more in terram Letthorum de Tholowa pro censu suo colligendo“²⁴⁾.

Итакъ,—начиная съ X столѣтія по XIII, восточно-латышская область, страна рединовъ, гдѣ лежатъ Герзике и Кокенгузенъ, входитъ въ составъ Полоцкаго княжества, между тѣмъ какъ Талава, сѣверо-западная часть латышской земли, находится только подъ вліяніемъ Руси, которой „semper“ платитъ дань²⁵⁾.

И только съ приходомъ нѣмцевъ падаютъ одинъ за другимъ русскіе города, бывшіе въ краѣ очагами вліянія и центрами распространенія культуры и власти русскихъ²⁶⁾.

Вѣдь, безъ сомнѣнія, 400-лѣтнее владычество и вліяніе русскихъ въ краѣ не могло не оставить слѣдовъ, и выразилось прежде всего въ томъ, что латыши одновременно съ другими входящими въ составъ Руси народами были крещены вѣроятно уже Владимиромъ Святымъ. Ибо: „Владимеръ раздѣлил Русскую землю на 12 княженій, сыномъ своимъ дванадцатымъ... Посла же съ ними и священники, заповѣдая сыномъ своимъ, до каждо по всей области своей повелѣваетъ учить и крестити людей, и церкви ставити; еже и бысть“²⁸⁾.

Такимъ образомъ²⁹⁾ Владимиръ Святой „крестилъ всю землю Русскую и все грады украсилъ святыми церквами“. Христіанство совершалось и среди латышей и ливовъ, жителей русскихъ удѣловъ, свои завоеванія³⁰⁾.

Однако о первенствѣ русскихъ въ дѣлѣ крещенія латышей было много споровъ²⁷⁾, поэтому позволю себѣ вкратцѣ привести доказательства этого мнѣнія:

Въ хроникѣ Генриха Латыша³¹⁾ мы читаемъ „At illi (=Letthgalli, habitantes circa Ymeram) cum gaudio verbum Dei recipiunt: missos tamen prius sortibus et requisito consensu deorum suorum. An Ruthenorum de Ploscekowe habentium Graecorum fidem cum aliis Letthgallis de Tholowa, an Latinorum et Teutonicorum debeant subire baptizum? Nam Rutheni eorum tempore venerant baptizantes Letthgallos suos de Tholowa, sibi semper tributarios“. Итакъ, русскіе крестили латышей раньше 1208 года „въ времена своихъ“—во время своего, русскаго, владычества, т. е. до прихода нѣмцевъ.

Противъ послѣдняго толкованія словъ „eorum tempore“ однако протестуютъ нѣмецкіе ученые, требуя перевода „во время нѣмцевъ“; другими словами: „русскіе стали крестить только тогда, когда ливовъ и латышей крестили и нѣмцы“.

Мнѣ кажется, это напрасно: Генрихъ, какъ и Арнольдъ Любекскій, часто вмѣсто возвратнаго мѣстоименія и соотв. ему притяжательнаго употребляетъ личное третьяго лица³²⁾. Такъ и здѣсь: вмѣсто „suorum tempore“ читаемъ „eorum tempore“; это, мнѣ кажется, и подтверждаетъ форма „venerant“.

Въ подтвержденіе перевода „во время нѣмцевъ“ указываютъ на слѣдующія слова Генриха Латыша: „est enim consuetudo Regum Ruthenorum, quamcunque gentem expugnaverint, non fidei christianae subicere, sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subiugare“³³⁾, и: „mater Ruthenorum sterilis et infoecunda, quae non spe regenerationis in fide Domini Jesu Christi, sed spe tributorum et spoliarum terras sibi subiugare conatur“³⁴⁾.

Но не произносятся ли эти слова устами западнаго монаха, какимъ былъ Генрихъ Латышъ?

„Mater Ruthenorum“ вовсе не была „sterilis et infoecunda“, разъ Владимиръ Святой крестилъ всю свою землю и разъ въ Генрихово же время и до него, по его же словамъ, русскіе крестили латышей и эстовъ³⁵⁾. И если — что тоже приводятъ — въ русскихъ лѣтописяхъ нѣтъ данныхъ о крещеніи латышей, то это еще не значитъ, что русскіе не крестили латышей, но что крещеніе не сопровождалось убійствами, грабежами и поджогами, а происходило мирно—безъ особаго шума и изъ ряда вонъ выхо-

дящихъ событій. Русскіе проявляли полную вѣротерпимость, принудительнаго крещенія побѣжденныхъ язычниковъ не было³⁶). И такое мирное крещеніе было черезчуръ обыденнымъ, мало бросающимся въ глаза фактомъ, чтобы его отмѣчалъ лѣтописецъ.

Генрихъ³⁷) рассказываетъ, что русскіе „obsidentes castrum Odempe pugnauerunt cum eis diebus octo et cum esset in castro defectus aquarum et penuria ciborum, petierunt pacem a Ruthenis, et dederunt pacem eis, et baptisate suo quosdam ex eis baptizaverunt, at acceperunt ab iis quadragintas marcas nagatarum et recesserunt ab eis et reversi sunt in terram suam, dicentes, se sacerdotes suos eis missuros ad sacrae regenerationis lavacrum consummandum“. А въ русской лѣтописи о томъ же событіи читаемъ: „И придоша (Мстиславъ) подъ городъ, и поклонишася Чюдь князю, и дань на нихъ взя; и придоша вси здрави“³⁸).

Итакъ, русскіе не воевали, чтобы крестить, крещеніе не ставили на первомъ планѣ, а попутно крестили „quosdam“ — нѣкоторыхъ, т. е. желающихъ. И латыши были христіанами. Нѣмцы лишили латышей свободы и самобытной культуры³⁹) и оторвали ихъ отъ родственной Руси. Они огнемъ и мечомъ хотѣли заставить выучить латинскія молитвы, непонятныя народу, прозванныя поэтому „patari“ (отъ „pater noster“), а вышло такъ, что даже еще въ XVIII столѣтіи латыши были собственно говоря идолопоклонниками. По крайней мѣрѣ въ документѣ⁴⁰), найденномъ мною въ Вольмарскомъ пасторатскомъ архивѣ, говорится о жертвоприношеніяхъ крестьянами каменнымъ идоламъ; а объ языческихъ повѣртіяхъ латышей въ XVII столѣтіи сохранилось весьма много данныхъ въ трактатахъ Павла Einhorn'a („Historia lettica“. „Widerlegung der Abgötterey und nichtigen Aberglaubens“).

Что „eorum tempore“ равнозначаетъ „Ruthenorum tempore“ доказываетъ, наконецъ, XVIII глава Генриха Латыша⁴¹), гдѣ мы читаемъ: „Et venerunt ad eum (ad episcopum Philippum Raceburgensem) ibidem filii Thalibaldi de Tholowa, Rameko cum fratribus suis, tradentes se in potestatem Episcopi, promittentes, se fidem Christianam, a Ruthenis susceptam, in Latinorum consuetudine commutare“.

Что селы и редины, живущіе по сосѣдству съ Кокенгузеномъ и Герзике, были крещены, то на это указываетъ Генрихъ, называя жителей этихъ областей христианами⁴²), и рассказывая, что въ Герзике было нѣсколько русскихъ церквей; онъ говоритъ: „Et Teutonici eos insequentes portam cum ipsis intraverunt, et prae reverentia Christiani nominis paucos occidentes, plures captivantes“, и: „Sedit itaque die illo omnis exercitus in civitate, et collectis spoliis multis, de omnibus angulis civitatis tulerunt vestes et argentum et purpura et pecora multa, et de ecclesiis campanas et yconias“.

Въ Кокенгузенѣ, вѣроятно, также была по крайней мѣрѣ одна церковь, такъ какъ здѣсь имѣлъ мѣстопробываніе диаконъ Стефанъ: Генрихъ⁴³) говоритъ, что католическій аббатъ по дорогѣ отъ Владимира Полоцкаго заѣхалъ въ Кокенгузенъ, откуда „diaconum quendam, Stephanum, alium tamen, quam protomartyrum, Rigam cum Abbate mittunt“.

Что церкви эти не были воздвигнуты „latinorum tempore“ — во времена нѣмцевъ, но что народъ уже давно посѣщаль ихъ, твердо придерживаясь православнаго ученія, мы видимъ изъ указа папы Гонорія отъ 8. II. 1222 года: папа здѣсь ясно указываетъ на то, что многіе туземцы слѣдуютъ ученію православной церкви и не признаютъ католическихъ праздниковъ, браковъ и крещенія⁴⁴).

Обращаюсь еще за доказательствами къ языку, народнымъ обычаямъ, сказаніямъ и пѣснямъ.

1. Всѣ латышскія выраженія опредѣляющія обычаи церкви взяты изъ русскаго языка, чего бы не было, если бы латышей первыми крестили нѣмцы: „baznica“ = божница, „kristit“ = крестить, „nedela“ = недѣля, „gavet“, „gavenis“ = говѣть, „svets“ = святой, „greks“ = грѣхъ, „zvanit“ = звонить, и т. д.

2. Названіе дней недѣли также заимствованы отъ православной церкви. Католики, какъ извѣстно, называютъ воскресенье — „feria prima“ (или „Dominica“), понедѣльникъ — „feria secunda“, вторникъ — „feria tertia“ и т. д., т. е. начинаютъ счетъ дней недѣли съ воскресенья. Православная церковь, напротивъ, пропускаетъ воскресенье, и начинаетъ счетъ съ понедѣльника: воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ, среда, четвергъ,

пятница. Такъ же и у латышей: воскресенье— „svetdeena“ = святой день, а потомъ слѣдуютъ „pirmdeena“ = первый день, „otrdeena“ = второй день и т. д.

3. Въ окрестностяхъ города Вольмаръ (Лифл. губ.) рассказываютъ слѣдующее сказаніе: „На Синей горѣ находился святой источникъ съ цѣлебной водою для глазъ. Въ этомъ источникѣ выкупалась нечистая женщина, послѣ чего онъ превратился въ небольшую тучку и улетѣлъ въ Псковъ. Здѣсь онъ опустился въ ту часовню, изъ которой когда то пришелъ въ латышскую землю“⁴⁵).

Синяя гора—святыня латышскаго народа, на ней стояла святая дубовая роща; даже сюда проникла цѣлебная вода псковитянь, возвращающая зрѣніе, и исчезла, когда сердце земли осквернила чужестранка.

4. „Krusteem kalta kreevu zeme,

Ši kungeem izvargota;

Saur krusteem saule leca,

Saur vargeem noreeteja“⁴⁶) „русская земля кована

крестами, латышская измучена господами; черезъ кресты возсіало солнце, въ рабствѣ зашло“, говоритъ народная пѣсня.

5. На древнемъ городищѣ „Antine“, гдѣ теперь Вольмаръ, кажется, стояла церковь Св. Николая⁴⁹). Среди латышей нѣтъ ни одного Николая, но тѣмъ не менѣе они, особенно вольмарскіе, празднуютъ „sveta Miklava deena“, т. е. день Св. Николая, 6 декабря. Уже 5 декабря ѣздятъ по знакомымъ, гдѣ обильно угощаются; ѣдятъ куръ, кровью которыхъ окропляютъ овесъ для лошадей. Хотя день Св. Николая празднуютъ и католики (и Николаю былъ даже въ Рижскомъ католическомъ соборѣ посвященъ придѣлъ)⁵⁰), но все же это главнымъ образомъ православный праздникъ. У католиковъ Св. Николай считался покровителемъ мореходовъ и приморскихъ торговыхъ городовъ, чѣмъ Вольмаръ никогда не былъ и не могъ быть. Языческіе обычаи указываютъ на глубокую старину. Очень можетъ быть, что когда-то, въ глубокую старину, на „Antine“, гдѣ особенно празднуютъ день Св. Николая, стоялъ храмъ этого святого, построенный, какъ храмъ Св. Николая въ Юрьевѣ, „Ruthenorum tempore“.

6. Очевидно вмѣстѣ съ новымъ вѣроученіемъ, латыши приняли и новый обрядъ погребенія. До IX столѣтія преобладаютъ могилы съ трупосоженіемъ, съ X по XII вѣкъ⁵¹⁾—трупосоженной нѣтъ или они рѣдки. По мнѣнію Спицына, могилы этого времени являются свидѣтельствомъ значительнаго русскаго и православнаго вліянія⁵²⁾; обрядъ погребенія въ курганахъ⁵³⁾ заимствованъ латышами отъ русскихъ.

7. Въ латышскихъ могилахъ мы находимъ русскіе кресты съ цвѣтною эмалью, несомнѣнно христіанскіе⁵⁴⁾, подвѣски религіознаго значенія, именно съ изображеніемъ ангела, креста⁵⁵⁾ ⁵⁶⁾ и Св. Георгія⁵⁶⁾; Св. Георгій изображенъ сидящимъ на лошади и поражающимъ копьемъ дракона.

1. 2. Роннебургъ—„Kapusils“.
3. Роннебургъ—„Viksnaas kapusils“.

Резюмируя все выше сказанное, приходимъ къ заключенію, что до 1186 года, т. е. до прихода нѣмцевъ, уже были крещены: талавцы вмѣстѣ съ антенцами, селы и редины, т. е. почти всѣ латышскія племена. Остались вѣрными язычеству только юмарскіе латыши и земгаллы, которые въ 1106 году въ кровопролитной битвѣ убили 6000 русскихъ воиновъ и такъ освободились отъ русскаго владычества и вліянія.

Итакъ, повторяю, вліяніе русскихъ до прихода нѣмцевъ было весьма велико. Вся почти латышская земля находилась подъ ихъ властью; они здѣсь торговали, крестили, строили города и церкви.

- 1) Лавр. лѣт., стр. 3. (СПБ. 1872).
- 2) Труды Эстл. Губ. Стат. Ком., т. IX, кн. I, 1893 г. Ревель 1894. Н. Харузинъ, Обзоръ доистор. археологіи въ Эстл., а также Лифл. и Курл. губ., стр. 94. Kruse, Necrolivonica, Dorpat 1842, стр. 16, 17. Hausmann, Der Silberfund v. Kuschke, Dorpat, 1902. Савельевъ, Мухаммеданская Нумизматика, Санктпетербургъ 1847, стр. 28—30, 110, 125. Joh. Karl Bähr, Die Gräber der Liven, Dresden 1850, стр. 53.
- 3) Харузинъ, Обзоръ, стр. 95.
- 4) Сборникъ Уч.—Лит. Общ. при Имп. Юрьевскомъ Универс., томъ I, Юрьевъ 1898. В. Данилевичъ, Пути сообщенія Полоцкой земли до конца XIV столѣтія, стр. 169.
- 5) П. С. Савельевъ, Мухам. Нумизмат., стр. СXXXV.
- 6) Савельевъ, Нумизм., стр. XXXVII.
- 7) Харузинъ, Обзоръ, стр. 90.
- 8) Chron. liv. vet., IV, 6.
- 9) Latwju tauta, XIII grahm., 1 burtn. N. Osoliņ, Baltijas kugneeziba, Jelgawa 1894, стр. 8.
- 10) Савельевъ, Нумизм., стр. CLIV.
- 11) Chron. liv. vet., XXIX, 3; XX, 5; XI, 7 и др.
- 12) Данилевичъ, Пути сообщенія, стр. 181; ср. А. Сапуновъ, Рѣка Западн. Двина, Витебскъ, 1893.
- 13) Харузинъ, Обзоръ, стр. 53, 54.
- 14) E. Bonnell, Russ.-liwländ. Chronographie, St.-Petersburg, 1862, стр. 2.
- 15) Bonnell, Chronogr., Com., стр. 16.
- 16) Повѣсть о началѣ и основаніи Псковскаго Печерскаго перво-класснаго монастыря, Псковъ, 1849.
- 17) Bonnell, Chronogr., стр. 4; Com., стр. 25.
- 18) Chron. liv. vet., I, 3.
- 19) Chron. liv. vet., X, 1—3.
- 20) Chr. liv. vet., XVI, 2.
- 21) Chr. liv. v., IX, 10; X, 3 и др.
- 22) Chr. liv. v., XIII, 4.

23) Livländische Reimchronik, herausgegeb. v. L. Meyer, Paderborn, 1876, vers. 645—648.

24) Chron. liv. vet., XX, 5.

25) Chron. liv. vet. XI, 7.

26) Данилевичъ, Пути, стр. 181. Археологическія Извѣстія и За-мѣтки, изд. Имп. Моск. Арх. Общ., т. III, Москва 1895. Н. Харузинъ, Къ исторіи города Герцеке въ Ливоніи, стр. 50.

27) Fr. v. Keussler, Der Ausgang der ersten Russ. Herrschaft in den geg. Ostseeprovinzen, St. Petersburg. 1897. Fr. Keussler, Ausg., In der Beleuchtung des Herrn A. Ssapunow, St. P. 1898.

28) Полн. Собр. Р. Л., II, стр. 259.

29) Христ. чтен. 1849, ч. II, стр. 317.

30) Извѣстія Имп. Археолог. Комиссіи, Выпускъ 6-ой, СПб. 1904. Спицынъ, Лифляндскіе курганы, стр. 63.

31) Chron. liv. vet., XI, 7.

32) Herm. Hildebrand, Die Chronik Heinrichs von Lettland, Dorpat, 1867, стр. 45.

33) Chron. liv. vet., XVI, 2.

34) Chron. liv. vet. XXVIII, 4.

35) Chron. liv. vet., XIV, 2.

36) Харузинъ, Къ истор. Герцеке, стр. 61.

37) Chr. l. v., XIV, 2.

38) Bonnell, Chronographie, Commentar, стр. 53.

39) Харузинъ, ист. Герц., стр. 50.

40) Acta Commissionis Generalis Ecclesiasticae habitae Wollmarshof, d. 10 Januarii A^o. 1739.

41) Chr. l. v., XVIII, 3.

42) Chr. l. v., XIII, 4.

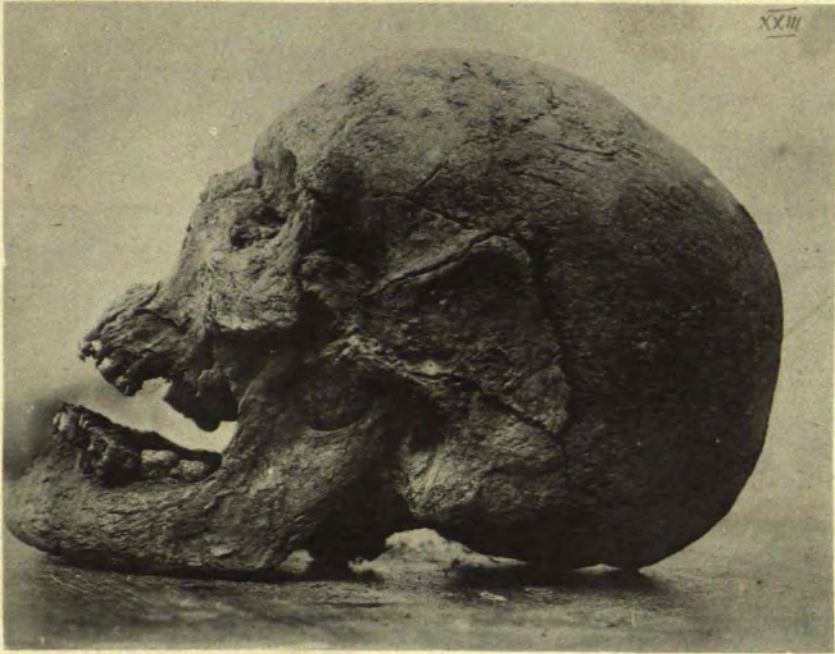
43) Chr. l. v., X, 3.

44) Bunge, Urkundenbuch, Band. I, NIV.

45) Интересно, что, по русскому преданію, (В. Гедиминъ, Прошлое города Пскова, II изд., Псковъ 1903, стр. 4 и 45) Святая Ольга, по принятію крещенія въ Византіи, посѣтила свою родину, и посѣвявъ здѣсь первыя сѣмена христіанства, водрузила дубовый крестъ на лѣвомъ берегу рѣки Великой. Въ этомъ мѣстѣ ей явилось видѣніе, а именно: три свѣтлыхъ луча сходили съ востока на холмъ, занимаемый нынѣ Псковомъ. Ольга предрекла, что здѣсь будетъ храмъ Св. Троицы и „градъ великъ и славенъ и во всемъ изобилень“. Крестъ этотъ перенесенъ впоследствии въ соборъ Св. Троицы, а на его мѣстѣ построена существующая донинѣ Ольгинская часовня, изъ подъ которой въ глинѣ бьетъ источникъ съ цѣлебной водою.

46) Спрогись, Памятники латышскаго народнаго творчества, ч. 4, 1.

- ⁴⁹⁾ Вольмарскій Указатель 1907, № 47, W. D. Ballod, Walmeera.
- ⁵⁰⁾ Sitzungsberichte der Ges. für Gesch. u. Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands a. d. J. 1893, 572. Versamml. (Riga 1894), стр. 3.
- ⁵¹⁾ Katalog der Ausstellung z. X arch. Kongr. in Riga 1896, Einleitung, стр. XXII и XLVI.
- ⁵²⁾ Извѣстія Императорской Археологической Коммиссиі, Выпускъ 6-ой, СПБ. 1904. Спицынъ, Лифляндскіе курганы, стр. 63.
- ⁵³⁾ Изв. Имп. Арх. К., В. 12, 1904. Спицынъ, Находки на рѣкѣ Лигатѣ въ Рижск. уѣздѣ, стр. 34.
- ⁵⁴⁾ Арх. Изв. и Зам., Томъ IV, Москва 1906. Д. Н. Анучинъ, О христіанскихъ крестахъ и образкахъ въ могилахъ средней и западной Россіи, стр. 318.
- ⁵⁵⁾ Спицынъ, Лифл. кург., стр. 64. Katalog 1896, стр. LI.
- ⁵⁶⁾ Sitzungsberichte der G. f. Gesch. u. Altert. d. Ostseep. Russl., a. d. Jahre 1876, Riga 1877. Vierhuff, Ueber die von ihm der Gesellschaft am 6. XII. 76 übergebenen Altertümer, стр. 58. Verh. d. g. Estn. Ges., 1880, X Bd., II Heft.. Graf Sievers, Bericht über antiquarische Forschungen i. J. 1876, стр. 72.

ГЛАВА III.

Антропологическія данныя о латышахъ.

Латышей (см. рис. XXII) описываютъ, какъ бѣлокурыхъ, свѣтлоглазыхъ, крѣпкихъ людей ¹⁾. „Древніе латыши были высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, имѣли загорѣлый здоровый цвѣтъ лица, голубые глаза, гладкіе русые волосы, которые ниспадали до плечъ, и носили неподстриженную бороду: какъ у русскихъ крестьянъ, длинная борода служила у нихъ признакомъ достоинства и опытности. Только тому подстригали бороду, кого хотѣли наказать, объявить безчестнымъ: подстриженный не имѣлъ права посѣщать собранія, его называли искалѣченнымъ“, — говоритъ Garlieb Merkel ²⁾.

Нѣсколько противорѣчитъ словамъ Меркеля описаніе August Wilhelm Hupel'а ³⁾, но это объясняется тѣмъ, вѣроятно, что Гупель, жившій въ эстскомъ краѣ, въ своемъ трудѣ, гдѣ описываетъ вообще крестьянъ Прибалтійскаго края, больше вниманія удѣляетъ эстамъ, много эстскаго приписываетъ латышамъ и наоборотъ. „Ростъ крестьянъ“, — говоритъ онъ, „больше низкій, чѣмъ высокій; среди женщинъ встрѣчаются многія весьма невысокаго роста; рѣдко встрѣчаются мужчины высокаго роста“.

„Снелль въ 1794 году упоминаетъ, что латышская женщина красива, а мужчины въ молодости не носятъ бороды ⁴⁾); точно такъ же выражается о внѣшнемъ видѣ латышей и Гемпель въ 1803 г. Д-ръ Ф. Изенфламъ въ 1813 г. описываетъ латышей и говоритъ, что они больше ростомъ и пропорціональнѣе сложены, нежели эсты, и что у нихъ острый носъ. Юганъ Карль Бэръ пишетъ въ 1850 г.: „У латышей не находимъ ни кругло - тол-

стыхъ славянскихъ, на плоскихъ эстонскихъ и финскихъ формъ“. Э. Ц. фонъ Траутманъ находитъ, что внѣшній видъ латышей и образъ жизни ихъ вполне точно описанъ Тацитомъ (Germania). Онъ говоритъ, что латыши красивый народъ; по внѣшнему виду, одеждѣ и образу жизни напоминаютъ нѣмцевъ. Они высокіе ростомъ и съ круглымъ лицомъ. Дѣти бѣлокурые, въ старшемъ возрастѣ волосы темнѣе. По А. фонъ Рихтеру (1857), ростъ у латышей средній, цвѣтъ лица здоровый и волосы свѣтлые. Ф. Д. Паули пишетъ въ 1862 г., что латыши роста средняго, иногда и высокаго, лицо длинноватое, цвѣтъ лица у мужчинъ рѣдко румяный, лобъ низкій, носъ длинный и прямой, ротъ малый, щеки толстыя, весь станъ рѣдко толстъ“⁴).

О. Веберъ⁵) даетъ слѣдующее описаніе латыша: „Латышь средняго роста, рѣдко высокаго, тѣлосложенія пропорціональнаго и крѣпкаго. Толстыя латыши встрѣчаются рѣдко; кожа бѣлая, волосы на тѣлѣ мало развиты; волосы на головѣ гладкіе, иногда кудрявые, большею частью свѣтлые. Глаза большею частью сѣрые и голубые, рѣдко каріе, и средней величины. Борода растетъ умѣренно. Лицо въ общемъ овальное, или угловатое, скулы не выдаются впередъ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ лицо длинное и узкое. Цвѣтъ лица хотя не румяный, но и не блѣдный; лобъ высокій; носъ прямой и длинный, однако можно встрѣчать и носы короткой и широкой формы. Ротъ средней величины; зубы здоровые и прямые; губы полныя, но не толстыя. О женщинахъ въ общемъ слѣдуетъ сказать то же самое, что о мужчинахъ, только цвѣтъ лица, особенно у молодыхъ женщинъ, румяный; нѣкоторыя изъ нихъ красивы“.

Согласно даннымъ латышской этнографической выставки въ 1896 году, устроенной по случаю X археологическаго съѣзда въ г. Ригѣ, средній ростъ латыша (въ миллиметрахъ)—1704,23; обхватъ груди—954,91; наибольшая ширина черепа—190,31; наибольшая длина—153,21; длина спинного хребта—654,91; длина рукъ—765⁶).

Археологическія раскопки рисуютъ древнихъ латышей весьма высокими. Въ Люцинѣ, гдѣ Романовымъ было измѣрено всего 39 костяковъ, средняя длина костяка выводилась въ 167,8 см.

(2 арш. $5\frac{3}{4}$ верш.). Самые длинные костяки были въ 204,4 см. (2 арш. 14 вершковъ); чаще повторяющаяся длина—2 арш. 8 вершк.⁷⁾. Въ Клауэнштейнѣ длины мужскихъ костяковъ: № 2—171 см. (правой плечевой кости 34,5 см., лучевой кости—27,5 см., бедренной кости—47,5, б. берцовой к.—41 см.), № 3—178,5 см., № 8—173 см.; женскихъ костяковъ: №№ 5 и 6—145 см.⁸⁾. Въ Цемальденѣ⁹⁾ наименьшая длина мужского костяка—150 см., наибольшая 180 см., средняя длина 9 откопанныхъ мужскихъ костяковъ—167,4 см.; наименьшая длина женскаго костяка—123 см., наибольшая—175 см., средняя 7 откопанныхъ женск. костяковъ—161 см. Длина откопанныхъ мною костяковъ въ Юмарской области въ могильникѣ Дранкисъ: № 2—142,2 см., № 4—156,2 см., № 7—157,4 см.

По вышеупомянутымъ измѣреніямъ, средняя длина латышскаго мужского костяка IX—XIII вв. выводится въ 165,3 см.

Сохранившіеся въ могилахъ волосы русые. Въ Люцинѣ, гдѣ волосы при различныхъ головныхъ уборахъ встрѣчались довольно часто, они въ большинствѣ случаевъ были темнорусые, иногда свѣтлорусые¹⁰⁾. У костяковъ II, 7 и II, 63¹¹⁾ были длинные темнорусые волосы. Въ могильникѣ Дранкисъ у костяка № 2 а волосы были длинные и, сколько можно судить по измѣнившемуся цвѣту ихъ,—свѣтлорусые. Такіе же волосы были найдены въ Стаббенѣ¹²⁾.

Что касается череповъ древнихъ латышей, то о нихъ существовали и существуютъ самыя противорѣчивыя мнѣнія.

Одни изъ изслѣдователей на основаніе измѣренія череповъ теперешнихъ латышей считаютъ ихъ брахицефалами. Такого мнѣнія въ своей докторской диссертациі¹²⁾ Оттонъ Веберъ.

Веберъ однако измѣрялъ черепа въ западной части Курляндской губерніи, въ странѣ „тамовъ“, т. е. потомковъ древнихъ куровъ, населенія, смѣшаннаго изъ латышей и ливовъ¹³⁾.

Сходные съ Веберомъ результаты измѣреній череповъ опубликовали также и Kupfer и Bessel - Hagen¹⁴⁾, измѣрявшие черепа прусскихъ латышей.

Профессоръ Рудольфъ Вирховъ считаетъ латышей долихоцефалами, допуская среди нихъ мезо-долихоцефалию¹⁵⁾.

Такого же мнѣнія, т. е. что латыши долихоцефалы, Dr. med. Альфредъ Зоммеръ¹⁶⁾ въ своей статьѣ о Риннекальнѣ и найденныхъ въ немъ черепахъ. Разсматривая изслѣдованія Вирхова и Вебера, онъ считаетъ весьма легко объяснимыми противорѣчія въ ихъ мнѣніяхъ. „Вирховъ“, говоритъ онъ, „измѣрялъ черепа изъ древнихъ могилъ части латышскаго края, которая по указаніямъ графа Сиверса, извѣстнаго прибалтійскаго изслѣдователя, принадлежала къ области Талава. Объ этихъ черепахъ съ большою увѣренностью можно было сказать, что они латышскіе. Веберъ, напротивъ, производилъ свои измѣренія у живущихъ въ настоящее время латышей, притомъ въ западной части Курляндской губерніи, которую населяютъ не чистые латыши, а представители смѣшанной расы изъ латышей и финовъ“.

Подобнымъ образомъ Dr. A. Зоммеръ отвѣчаетъ на статью Купфера, прибавляя, что Dr. В. Зоммеръ также измѣрялъ черепа прусскихъ латышей (Letten von der kurischen Nehrung) и нашелъ 5 череповъ долихоцефальными и весьма близко стоящими къ черепахъ измѣреннымъ Вирховымъ¹⁶⁾.

По Зоммеру (Dr. Alfr), „латышскіе черепа сравнительно длинны и плоски. Женскіе черепа отличаются болѣе узкимъ лицомъ, чѣмъ мужскіе. Верхняя часть лица, наоборотъ, у мужчинъ уже, чѣмъ у женщинъ. Глазницы у женщинъ выше, чѣмъ у мужчинъ, носы у тѣхъ и другихъ среднеширокіе (mesorhin)“¹⁷⁾. Типичными представителями латышскихъ череповъ Риннекальна Зоммеръ считаетъ слѣд.: № F ♂ д.-ш. 73,8, д.-в. 70,1, ш.-в. 95,0, лиц. I—97, в. л. I—, глазн. I 76,2, н.—; № S ♀ д.-ш.—75,1, д.-в.—72,6, ш.-в.—96,6, лиц. I—119,5 в. л.—71,7, глазн.—87, н.—50,0.

Брахцефаловъ Риннекальна¹⁶⁾, онъ считаетъ ливскими элементами, указывая на диссертацию Вальдгауэра¹⁸⁾, согласно которой головной указатель ливовъ, живущихъ на сѣверныхъ прибережьяхъ (Nordküste)—79,9 (черепн. указ.—77,9).

Dr. med. В. Зоммеръ утверждаетъ, что латышскіе черепа мезоцефальны, съ большою наклонностью къ долихоцефалии¹⁹⁾. Онъ останавливается на черепн. указателяхъ 81 черепа, которые,

согласно даннымъ литературы, безъ сомнѣнія, принадлежали латышамъ, и выводитъ средній черепной указатель (Längenbreitenindex)—76,7. Онъ присоединяется къ мнѣнію Вирхова и другихъ, что мужскіе черепа почти во всѣхъ случаяхъ болѣе узки, чѣмъ женскіе. Резюмируя свои изслѣдованія, онъ даетъ слѣдующее описаніе древне-латышскихъ череповъ²⁰): „Латышскіе черепа вообще длинны, притомъ высоки и узки, ихъ емкость (Kapazität) средняя — для мужскихъ 1396 см., для женскихъ 1240 см. Лицо, какъ и верхняя челюсть, длинно; носъ узкій или средне-широкій; глазницы средней глубины (mesokonch). Альвеолярный прогнатизмъ (alveolare Prognathie) не рѣдокъ, но вообще черепа отличаются красивою формою. Костяные выступы и мѣста прикрѣпленій мышцъ на черепѣ средняго развитія, аномаліи швовъ нѣтъ. Но за то, кажется, имѣются на лицо немногіе расовые признаки. Часто развитъ описанный Купферомъ и Бессель-Гагеномъ небный валикъ (torus palatinus) и crista marginalis; по имѣющимся у меня даннымъ, я не могъ убѣдиться въ томъ, будто крыловидные отростки клиновидной кости мало развиты, но я замѣчалъ описываемое нѣкоторыми авторами приближеніе горизонтальной небной пластинки къ параллельному основанію черепа. Если разстояніе задняго конца срединнаго небнаго шва отъ задняго конца сошника считать высотой и разстояніе между задними концами альвеолярныхъ отростковъ шириною, то для моихъ латышскихъ череповъ получается средній указатель 90,0“.

Dr. med. Рихардъ Вейнбергъ²¹) считаетъ латышей мезоцефалами, указывая на то, что современные латыши, живущіе около рѣки Аа, къ сѣверу отъ Двины, будто всѣ. безъ исключенія, мезоцефалы. Ливовъ, западныхъ сосѣдей латышей, онъ считаетъ долихоцефалами, а эстовъ—брахицефалами. Говоря о Риннекальнѣ (стр. 80), онъ соглашается съ Вирховомъ и Зоммеромъ въ томъ, что найденные здѣсь брахицефальные черепа—элементы эстскіе.

Такимъ образомъ передъ нами 3 совершенно различныхъ мнѣнія о черепномъ указателѣ древнихъ латышей. Къ какому же изъ нихъ присоединиться, какими считать древнихъ латышей: мезоцефалами, долихоцефалами или брахицефалами?

Какъ неспеціалистъ, я, разумѣется, не могу рѣшительно высказаться въ пользу того или другого мнѣнія, но я считаю себя въ правѣ подѣлиться своими соображеніями.

Прежде всего я долженъ высказаться противъ мнѣнія Оттона Вебера. Какъ мною уже было сказано, жители западной Курляндіи, гдѣ около Дондангена жили даже чистые ливы,—не являются потомками древнихъ латышей, а олатышенныхъ куровъ, которые представляютъ смѣшеніе латышей и ливовъ. И весьма интересно, что Веберъ ихъ опредѣлилъ брахицефалами, между тѣмъ, какъ современные латыши восточной Курляндіи и Лифляндіи въ большинствѣ случаевъ мезоцефалы. Поэтому, думаю, на основаніи изслѣдованій Вебера нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ о черепномъ указателѣ древнихъ латышей.

Недостаточно обоснованнымъ мнѣ кажется и мнѣніе Вейнберга, по которому древніе латыши были мезоцефалами. Главнымъ доказательствомъ въ пользу своего мнѣнія Вейнбергъ приводитъ черепные указатели современныхъ латышей. Мнѣ кажется, что по физическому строенію современныхъ латышей нельзя судить о древнихъ, нельзя составить яснаго представленія о латышѣ IX—XII столѣтій.

Въ хроникѣ Генриха Латыша²²⁾ мы читаемъ, что латышскіе воины, нападая на эстскія и русскія области, убивали всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей же щадили и уводили въ плѣнъ. Такимъ образомъ населеніе латышскаго края въ IX—XII столѣтіяхъ уже не является чистокровнымъ латышскимъ, такъ какъ дѣти плѣнницъ, если и воспитывались латышами, то все таки отъ своихъ матерей должны были унаслѣдовать эстскіе, ливскіе или русскіе элементы.

Разумѣется этихъ чужихъ элементовъ въ латышскихъ областяхъ было меньше, чѣмъ въ Куроніи или въ Ашераденѣ, но мнѣ кажется, что ихъ совсѣмъ отрицать нельзя. Съ теченіемъ времени, съ увеличеніемъ числа плѣнныхъ эстонокъ и ливокъ, эти чуженародные элементы должны были все ярче выступать въ физическомъ строеніи латышей. Почему и въ могильникахъ мы должны встрѣтить рядомъ съ чисто латышскими костяками, сравнительно чистые, костяки больше эстскіе и ливскіе и, нако-

нецъ, костяки плѣнницъ, которыя навѣрное также хоронились здѣсь. Такимъ образомъ уже въ описываемое мною время не было только чистокровныхъ латышей и говорить опредѣленно—на основаніи раскопокъ,—что всѣ древніе латыши были мезоцефалами,—нельзя.

Тѣмъ болѣе нельзя по черепамъ современныхъ латышей говорить о черепахъ древнихъ: всѣ ливы олатышились, смѣшались съ латышами, и сколько нѣмецкой, шведской, польской и русской крови смѣшано въ теченіе вѣковъ съ кровью латышей! Въ Моянѣ и другихъ имѣніяхъ олатышились нѣмецкіе колонисты, въ Пабальгѣ—русскіе. „Высокомѣрный нѣмецъ“, говорит Нурел²³), — „который такъ презрительно относится къ латышскимъ и эстскимъ крестьянамъ, и полагаетъ, что онъ обезчещенъ, если ему пришлось за однимъ столомъ сидѣть съ крестьяниномъ, этотъ нѣмецъ ищетъ объятій крестьянокъ. И не только простолюдины, — многіе дворяне имѣютъ среди крѣпостныхъ своихъ дѣтей или дѣтей своихъ отцовъ“. Нурелъ рассказываетъ, что крестьянки избѣгали объятій нѣмцевъ, считая ихъ величайшимъ позоромъ²⁴), что какая то крѣпостная убила своего господина въ банѣ, когда тотъ ей сдѣлалъ гнусное предложеніе²⁵); но что значили сопротивленія волѣ владѣльца—барона, гдѣ здоровая крестьянка стоила 10 рублей, крестьянинъ 30—50 рубл., дитя—4 рубля, а цѣлая семья—100 рублей²⁶)! Мнѣ часто приходилось слышать и читать, что бароны, если гдѣ-нибудь видѣли красивую крѣпостную, то брали или покупали ее къ себѣ въ горничныя; а когда предвидѣлся ребенокъ, отдавали замужъ за кого-нибудь изъ своихъ батраковъ. Новая чета получала усадьбу²⁷).

Въ собраніи проповѣдей Манцеліуса²⁸), въ проповѣди въ день мира (15 января, когда по приказу герцога Готхарда Курляндскаго праздновалось освобожденіе края въ 1582 году отъ русскихъ и польскихъ войскъ) рассказывается на ломанномъ латышскомъ языкѣ о любовныхъ похиженіяхъ воиновъ грознаго царя: „tee leeli Kreewi to Widd-Semm nhe ween ghauschi isphostija | bett irr tohs Laudis | Semneekus | Wahzeeschus | mohzija | pinngkeja | dieraja | swillinaja un zeppe Eessma usdurtus ka Zuhkas | ar Pahtagham Azzis no Peeres iskapaja | Seewas | ghaspachas un

Jumprawas Kauna licka un apsmehja | zittus nokahwa | zittus par muhschigeem Warrgheem Kreewa Semmeh nowede...“

И сколько разъ страшный призракъ войны леталь по латышской землѣ! Русскіе, нѣмцы, поляки, шведы, и опять поляки, шведы, русскіе были владѣльцами беззащитнаго края съ беззащитнымъ населеніемъ.—Кто въ такомъ краѣ можетъ предполагать чистокровное латышское населеніе! Безъ сомнѣнія, въ современномъ латышѣ мы не найдемъ тѣхъ же физическихъ особенностей, что у латыша IX—XII столѣтій.

Но все таки можно говорить о преобладаніи тѣхъ или другихъ видовъ череповъ у латышей второго восточно - балтійскаго желѣзнаго вѣка, и мнѣ кажется, что мы не ошибемся, если будемъ утверждать, что наряду съ мезоцефальными черепами встрѣчались и долихоцефальные; т. е. если мы немного расширимъ мнѣнія профессора Вирхова и В. Зоммера.

Если и Вейнбергъ рѣшительно утверждаетъ, что древніе латыши были мезоцефалами, если и Зоммеръ нашелъ средній черепной указатель для 81 латышскаго черепа—76,7,—нельзя забывать, что по Вейнбергу ²⁹⁾ же черепной указатель Луббенгофскихъ череповъ—73,6 и 74,3; по Вирхову указатель Старо-Зельбургскаго черепа равняется 72,6, Старо-Пебальгскихъ—73,2 и 74,1, Стаббенскихъ—74,8, Терветенскихъ—74,3 и 75,0 и 75,5, наряду съ Ашераденскимъ—77,9, Старо-Зельбургскимъ—77,1, Лаунекальнскими—83,7 и 76,5 и 76,8 и Гульбернскимъ—76,0³⁰⁾. Найдено слишкомъ много долихоцефальныхъ череповъ въ чисто латышскихъ областяхъ, чтобы ихъ обойти молчаніемъ. Въ одномъ Люцинѣ было найдено 13 долихоцефальныхъ череповъ. Вотъ ихъ описаніе³¹⁾: „13 доставленныхъ въ Петербургъ череповъ изъ Люцина по размѣрамъ окружностей представляютъ весьма сильное развитіе, причемъ болѣе развита горизонтальная и вертикальная окружность, чѣмъ поперечная. Вертикальная окружность, въ своихъ частяхъ развита не одинаково, причемъ большее развитіе приходится на долю лобной и темянной частей, чѣмъ затылочной. По черепному указателю, черепа всѣ относятся къ длинноголовымъ, значительно развиты въ продольномъ и высотномъ направленіи и весьма мало въ поперечномъ, такъ что уже

съ перваго взгляда они кажутся длинными и высокоузкими. Лобъ въ нижней своей части представляется значительно широкимъ, и такое развитіе особенно замѣтно въ мужскихъ черепахъ. Лицо представляетъ умѣренное развитіе; всѣ его измѣренія малы, какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ черепахъ, такъ что въ черепѣ изъ Люцина очертанія лица представляютъ меньшее развитіе, чѣмъ черепной сводъ. Черепа отличаются единствомъ своихъ антропологическихъ признаковъ“.

Въ 1874 году Гревингъ представилъ измѣренія 16 череповъ, найденныхъ въ могилахъ около озера Икуля, населеніе окрестностей котораго Вейнбергъ считаетъ латышскимъ³²). Одинъ изъ этихъ череповъ имѣлъ головной указатель — 80,2, у шести онъ колебался отъ 68 — 71, у девяти — отъ 71,8 — 79,4³³).

Черепы (см. рис. XXIII) изъ могильника Дранкисъ, раскопаннаго мною, имѣли слѣдующіе черепные указатели: № 1 а—74,28; № 3 а—82,8; № 4 а—70,5; № 1 б—79,4; № 2 б—73,6; № 4 б—79,4; № 6 б—76,4, № 7 б—72,2; № 8 б—72,7; № 9 б—72,2. Юмарская область лежала по сосѣдству съ ливскою землею и съ областями эстовъ; ей приходилось вести неоднократныя войны съ эстами и ливами, и навѣрное здѣсь было больше эстскихъ и ливскихъ плѣнницъ, чѣмъ въ другихъ латышскихъ областяхъ: черепные указатели колеблются между мезоцефальными (ихъ 3) и долихоцефальными (6) и вмѣстѣ съ тѣмъ попадаются и брахицефальные черепа.

И, наряду съ Люцинскими, Старо-Пебальгскими, Стабенскими, Терветенскими черепами, наряду съ Лубенгофскими, Лауенкальнскими и Дранкенскими, — въ области Талава, въ сердцѣ латышской земли, въ могильникѣ „Daniela - kalna kapi“, въ 1 верстѣ отъ городища Беверинъ, мною были найдены 2 черепа съ черепн. указателями 87,8 и 87,7. Подъ этими трупами, подъ ногами, спиною и головою, лежали группами монеты XVI столѣтія и березовый вѣникъ³⁴). Откуда такіе черепа?

Не подтверждаетъ ли эта находка мнѣніе, что населеніе края физическими примѣтами, съ теченіемъ времени, все больше

удалялось от своих предковъ, что по черепахъ современныхъ латышей нельзя судить о древнихъ, и, наконецъ, что среди одного и того же народа встрѣчаются субъекты съ разнообразными черепами или, другими словами, что полагаться на черепной указатель при опредѣленіи національности — весьма ненадежно?

- 1) Проф. д-ръ Фридр. Ратцель, Народовѣдѣніе, II, стр. 818.
- 2) C. Woldemar, Vaterländisches u. Gemeinnütziges, H. 1., Moskau 1871. Wannem Imanta, eine lettische Sage von G. Merkel, Leipzig 1802, стр. 93.; ср. G. Merkel, Widsemeš šenatne, tulkojis M. Kaudsītis, Zehsis, 1906, стр. 44.
- 3) A. W. Hupel, Topographische Nachrichten von Lief und Ehstland, II Band, Riga 1777, стр. 131.
- 4) Каталогъ латышск. этногр. выст., Рига 1896, стр. 30.
- 5) Каталогъ латышской этнографической выставки, устр. по случ. X археол. съѣзда въ г. Ригѣ, 1896, стр. 31; cf. Otto Waeber, Beiträge zur Anthropologie der Letten, Dorpat, 1879.
- 6) Кат. лат. этн. выст., стр. 31, 32. Арх. Изв. и Зам., Томъ IV, Москва 1896. Латышская этнографическая выставка, стр. 276.
- 7) Матеріалы по Археол. Россіи, изд. Имп. Арх. Ком., № 14, Древности Сѣверо-Западнаго края, т. I, вып. 2. Люцинскій могильникъ, СПб., 1893, стр. 48.
- 8) Sitzungsber. der. Gesellsch. f. Gesch. u. Altertumsk. d. Ostseep. Russl. a. d. J. 1894, Riga 1895. Ant. Buchholz, Ueber eine Skelettgräberstätte in Klauenstein, стр. 123—126.
- 9) Carl Boy, Bericht über Ausgrabungen auf dem Kronsgute Zeemalden in Kurland, Mitau 1896, стр. 35. Uebersicht des Grab-Inventars.
- 10) Люц. могильникъ, стр. 48 и стр. 8 приложенія.
- 11) Люц. мог., приложеніе, стр. 13 и 15; прил., стр. 9, кост. II, 19.
- 12) Otto Waeber. Beiträge zur Anthropologie der Letten, Dorpat, 1879.
- 13) B. Weinberg, Crania livonica: Archiv für die Naturkunde Liv-, Ehst- und Kurlands, herausgegeben von der Naturforscher Gesellschaft bei der Universität Jurjew, Zweite Serie, Biologische Naturkunde, Bd. XII, Lieferung 2, Jurjew 1902, стр. 6: „Alles was westlich von der lettischen Provinz Semgallia lag, erschien damals (9—12) gemischt, letto-livisch, oder kurisch“.
- 14) Archiv für Anthropologie, Bd. XII, Schädel und Skelette der Anthrop. Sammlung zu Königsberg in Preussen.
- 15) Verhandlungen der Berliner Ges. für Anthropologie, 1877, Prof. D-r. R. Virchow, Archäologische Reise nach Livland.

16) D-r. med. Alfr. Sommer, Der Rinne-Kalns und seine Bedeutung für die Anthropologie Livlands, Dorpat, 1884, стр. 45 и 55.

17) Der Rinne-Kalns, стр. 50.

18) Ferd. Waldhauer, Zur Anthropologie der Liven, Dorpat, 1879.

19) Zeitschrift für Ethnologie, 15 Band, 1883, Berlin. D-r. W. Sommer, Ueber 5 lettische Grabschädel von der Kurischen Nehrung стр. 74.

20) Sommer, Ueber 5 let. Gr., стр. 77.

21) Archiv für die Naturkunde Liv, Ehst-und Kurlands, herausgegeben von der Naturforscher Gesellschaft bei der Universität Jurjew, II Serie, Biologische Naturkunde, Bd. XII, Lieferung 2, Jurjew, 1902. R. Weinberg, Crania livonica, стр. 79.

22) Chr. liv. vet., XII, 6; XIII, 5; XV, 7; XXIII, 5.

23) W. A. Hupel, Topographische Nachrichten, II Bd., Riga 1777, стр. 124.

24) Hupel, Topogr., стр. 137.

25) Hupel, Top., стр. 138.

26) Hupel, Top., стр. 126.

27) Ср. Окраины Россіи, С. I, Русское Балтійское Поморіе; вып. II, издание Ю. Самарина, изд. III, Berlin, 1869, стр. 25.

28) Maanelius, Spredikku Grammata, 1647, стр. 168.

29) Sitzungsberichte der Gel. Estn. Gesellsch. 1896, Jurjew 1897, D-r R. Weinberg, Ueber einige Schädel aus älteren Liven-, Letten-, und Estengräbern, стр. 52.

30) R. Weinberg, Crania Livonica, стр. 20, 22.

31) Люц. мог., стр. 47.

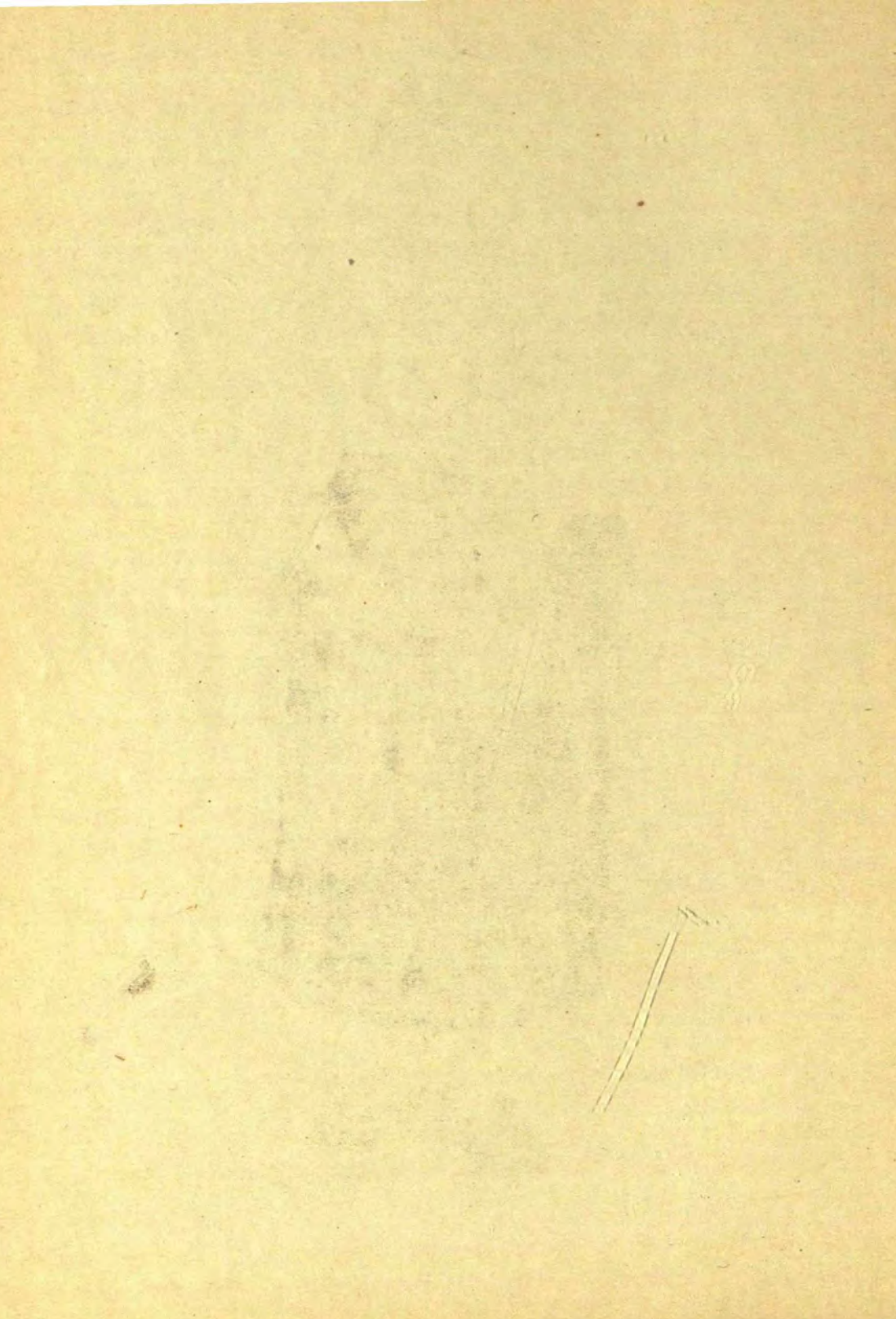
32) Weinberg, Crania Livonica, стр. 22.

33) Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1874. C. Grewingk, Ueber Liven- und Estenschädel, стр. 94. Н. Харузинъ, Обзоръ доисторической археологии въ Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерніяхъ по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей, стр. 190.

34) Подобный обрядъ погребенія описываетъ Hupel (Topogr. Nachrichten, стр 155). Онъ рассказываетъ: „Трупъ заварачиваютъ въ холстъ; въ гробъ кладутъ вѣнчикъ, мыло, головную щетку, немного денегъ (иногда до ¼ талера), чтобы покойникъ по дорогѣ могъ собою купить штофъ пива“.

35) Sitzungsberichte der Gesellsch. für Geschichte und Altert. d. Ostseep. Russl. a. d. Jahre 1896, Riga 1897. A. Buchholtz, Ueber die Aufdeckung von Hügelgräbern in Stabben am 15. IX, 1896, стр. 116. (1 Sk. — „hellbraune Haare“).

Глава IV.

Одежда латышей съ IX по XIII вѣкъ.

Приступая къ описанію одежды древнихъ латышей, считаю нужнымъ остановиться на тѣхъ описаніяхъ, которыя имѣются изъ XIII, XVII, XVIII и начала XIX столѣтій.

Въ Ливонской Риёмованной хроникѣ мы читаемъ, что „жены латышей удивительнаго тѣлосложенія и носятъ непривычный костюмъ“:

„ir (der Letten) wib sint wunderlich gestalt
und haben selzêne cleit“¹⁾.

По Einhorn'у²⁾, писавшему въ 1649 году, древніе латыши имѣли серебряныя украшенія („Silber-Geräth“) и носили одежду изъ льняной или шерстяной матеріи, которую изготовляли женщины.

По Nupel'у³⁾ латыши около 1777 года (см. рис. XXIV) носили сюртуки изъ грубой сѣрой шерстяной матеріи съ длинными, узкими рукавами. Сюртуки эти шились изъ трехъ кусковъ матеріи, одного задняго и двухъ переднихъ, безъ подкладки. Поверхъ одежды носили кожаный поясъ или обматывали платокъ. На ноги одѣвали пасталы изъ обработанной кожи или лапти изъ лыка ивы и липы. Тѣ и другіе завязывались длинными шнурами, которые обвивались вокругъ голени. Подъ пасталами носили длинные чулки или онучи.

Латышки имѣли поверхъ рубашки короткіе лифчики („Kamisol“) безъ рукавовъ, которые тѣсно прилегали къ тѣлу. Юбки латышекъ образовывали много красивыхъ складокъ. Вокругъ талии, надъ рубашкой, носился длинный, разукрашенный узорами

поясъ изъ шерстяной матеріи: его нѣсколько разъ обматывали и сильно стягивали, такъ что онъ являлся чѣмъ-то вроде корсета, котораго не снимали даже ночью. Богатыя носили серебряный или бронзовый поясъ изъ цѣпокъ, на которомъ висѣлъ ножъ. На плечи набрасывали кусокъ шерстяной матеріи— „willane“, разукрашенный разными бляшками („Zierrathen“); только за неимѣніемъ шерстяной „вилайнэ“, носилась льняная. Вилайнэ, замѣчаетъ Hurpel, служила защитою отъ холода и дождя: при сильномъ холодѣ и при дождѣ ею закрывали голову. На головѣ замужнія носили шапку („Mütze“) поверхъ бѣлыхъ чепчиковъ; такія шапки стоили 2—3 талера. Дѣвицы носили вѣнцы или лѣтомъ вѣнки изъ цвѣтовъ, взамѣнъ которыхъ надѣвалась шапка, когда выходили замужъ. Часто, особенно по воскресеньямъ, онѣ надѣвали на голову шляпу, разукрашенную листьями спаржи. Вокругъ шеи и на груди латышки носили серебряныя украшенія: кольцеобразныя пряжки, разукрашенныя красными камнями и бусами и немногія серебряныя побрякушки (сравни. рисунокъ М. Скрузита¹¹) — см. рис. XXVI). На пальцы надѣвались кольца. — Латышки ходили въ длинныхъ чулкахъ и передникахъ. Косы обвивались вокругъ головы.

Зимою одѣвались въ шубы.

Согласно даннымъ неизвѣстнаго автора, писавшаго въ 1740 году⁵), „мужчины по воскресеньямъ и въ праздники носили шубы изъ овчины длиною до голеней, пасталы и холщевыя онучи. Дѣвицы имѣли рубашки, доходящія до пупа; вокругъ живота и бедеръ обматывали кусокъ грубой матеріи, которую называли „Watmal“. На ногахъ носили холщевыя онучи и лапти изъ бересты. На головы надѣвали вѣнки, разукрашенные слюдою; иногда сзади съ вѣнковъ спускалась пестрая кисть, которую вплетали въ косу. Выходя изъ дому, на плечи набрасывали большіе платки, которые застегивали на груди. Замужнія одѣвались такъ же, съ той лишь разницею, что вокругъ головы, вмѣсто вѣнка, обматывали платки“

(По Меркелю⁶); „латыши и латышки зимою одѣвались въ широкія шубы, а лѣтомъ въ тѣсно прилегающія къ тѣлу платья изъ льняной или шерстяной матеріи, и опоясывались поясомъ.“

Лапти плели изъ лыка ивы и завязывали лентами („Bänder“). Замужнія носили шапки изъ льняного холста, дѣвицы—длинные косы, пестрые вѣнки изъ шерсти („Kränze aus Wolle“) и на поясѣ бубенчики. Замужнія должны были оставаться въ вѣнкахъ, пока не родился первый сынъ; только волосы ихъ были короче подстрижены⁷⁾ и отсутствовали бубенчики. Дѣти ходили голыя зимою и лѣтомъ.

На картѣ Лифляндской и Эстляндской губерній „Lyvland nach der Eintheilung Heinrich des Letten und zu den Zeiten der Bischöfe und Ordensmeister“, изданной въ 1798 году графомъ Людвигомъ Августомъ Меллинь (см. рис. XXVI), имѣются изображенія 13 воиновъ и одного крестьянина. Изъ 13 воиновъ двухъ, стоящихъ направо отъ городища (см. рис. XXVIII), я считаю эстами, такъ какъ они одѣты въ длинные шубы и опоясаны широкими, украшенными многими пряжками поясами,—а по Hupel'у неженатые эсты носили кожаные пояса, покрытые бронзовыми пряжками и даже лѣтомъ не снимали шубы⁸⁾. Далѣе упомянутые два воина стоятъ отдѣльною группою, какъ бы послѣ заключенія съ противостоящими какого нибудь договора или союза противъ общаго врага, о чемъ трубачъ намѣренъ сообщить народу, — и они, сколько позволяетъ судить довольно плохой рисунокъ, лицомъ монгольскаго, т. е. эстскаго типа. Обращаю вниманіе на лицо и даже фигуру перваго воина и особенно на лицо втораго съ сильно выдающимися скулами и прошу ихъ сравнить съ воиномъ, стоящимъ вторымъ, направо отъ дерева, типичнымъ латышомъ. — Изображенія воиновъ на городищѣ и на берегу рѣки слишкомъ малы, чтобы по нимъ составить хоть какое нибудь представленіе о костюмѣ.

Такимъ образомъ насъ интересуетъ только лѣвая группа воиновъ (см. рис. XXIX). Они одѣты въ длинные до колѣнъ сюртуки, штаны, у колѣнъ связанные ленточкой (ср. рис. Hupel'a), онучи и пасталы, веревки отъ которыхъ обмотаны почти до колѣнъ и одновременно завязываютъ онучи. У перваго воина, считая отъ дерева, сюртукъ опоясанъ кожанымъ поясомъ съ пряжкой (ср. рис. Hupel'a). У двухъ среднихъ не сюртуки подвязаны поясомъ, а — рубашки, которые, какъ рассказываетъ и

Hupel⁹⁾, — выпущены поверхъ штановъ. У второго отъ дерева воина, повидимому болѣе знатнаго и богатаго, шляпа и воротникъ, полы и рукава сюртука обшиты опушкой изъ мѣха. На головахъ остальныхъ воиновъ шляпы съ широкими полями (порковые), какія латыши носятъ и нынѣ.

У крестьянина (см. рис. XXX), умоляющаго о чемъ то католическаго епископа и орденскаго рыцаря, — длинный кафтанъ [сравн. рисун. (см. рис. XXV), изд. В. А. Дашковымъ⁴⁾], подвязанный поясомъ, онучи и пасталы. Какъ на рисункѣ Hupel'a, у него рукава заворочены.

На основаніи выше упомянутыхъ описаній латышскихъ костюмовъ, матеріаловъ собранныхъ латышскими этнографами въ позднѣйшее время (см. рис. Зарина¹⁰⁾ — рис. XXXI), главнымъ образомъ около 1896 года къ этнографической выставкѣ и X археологическому съезду въ Ригѣ, на основаніи народныхъ пѣсенъ и археологическихъ раскопокъ, я теперь попытаюсь возстановить одежду латышей съ 9 по 12 столѣтіе.

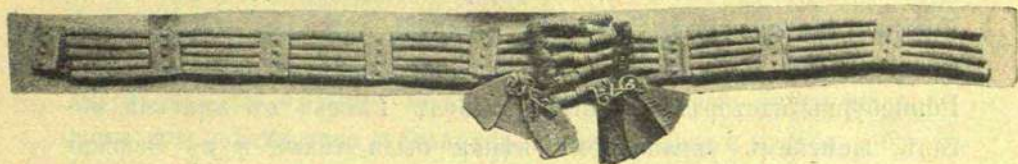
Головные уборы.

„Kad es biju bandeneeks
Man bij peecas ceruriņas:
Div' caunenes, div' seseles,
Balta jera plikserure“¹¹⁾ (=еще, когда я былъ женихомъ, у меня было 5 шапокъ: 2 соболиныя, 2 хорьковыя и одна изъ овчины) — поетъ латышская народная пѣсня, описывая мужскія шапки изъ звѣриныхъ шкуръ. Мы узнаемъ, что латыши шили шапки — „серуре“ — изъ соболинаго, хорьковаго и овечьяго мѣха. Пѣвецъ противопоставляетъ шапки изъ двухъ первыхъ мѣховъ шапкамъ изъ овечьей шкуры, называя первыя „серуре“, послѣднія — „plikserure“. Почему? — Очевидно подъ первыми мы должны подразумѣвать шапки съ мѣхомъ наружу¹¹⁾; „plikserure“ — это шапка наружу съ гладко обработанною нижнею стороною шкуры и мѣхомъ внутрь, откуда — „plika serure“ — голая шапка; только по нижнему краю „plikserure“ шель мѣховой отворотъ¹¹⁾, или же такія шапки были съ ушками¹⁵⁾. Тѣ и другія шапки,

очевидно, носились уже въ древнѣйшія времена: въ Цемальденѣ¹⁶), въ мужской могилѣ (№ 4—гдѣ лежала арабская монета Измаила-бенъ-Ахмеда 903/4 г. п. Р. Хр.), была найдена кожаная шапка („Leder-Kappe“) съ шерстяною подкладкою; ее на затылкѣ украшала круглая плоская фибула.

Лѣтомъ латыши носятъ шляпы, плетенныя изъ соломы или изъ стеблей длинной тонкой травы. Особенно распространены войлочные шляпы—„platmales“, „gardibenes“, „ratenes“. Шляпы эти съ узкими и широкими верхами, сѣрыя и черныя¹⁵).

Спрашивается, носили ли такія шляпы также и древніе латыши?—Они обрабатывали поля¹⁷), сѣяли рожь, соломой крыли крыши¹⁸). Можетъ быть они, вообще умѣя пользоваться соломой, умѣли плести изъ нея и шляпы. Народныя пѣсни, по крайней мѣрѣ, весьма часто упоминаютъ „salmu serure“, и въ Люципѣ были найдены обрывки легкаго плетенья изъ соломы¹⁹).

Анненгофъ: Вѣнокъ.

Древніе латыши любили головныя украшенія²¹). Они одѣвали на голову бронзовыя повязки или вѣнки²⁰). Это—прямая, соединенная концами лента, составленная изъ нѣсколькихъ рядовъ спиралей и мѣстами перехваченная тонкими пластинками (см. рис. XXXIII). Спираль, выбираемая для вѣнка, имѣли въ длину приблизительно вершокъ; онѣ нанизывались на шерстяные крученые шнурки, на тонкіе ремни или на тонкія мочальныя веревочки, а изрѣдка, кажется, даже на шелковые шнуры, затѣмъ сплетались между собою правильными рядами и звеньями, пока не образовывали ленту достаточной длины, и наконецъ смыкались концами. Ширина вѣнка иногда доводилась до ширины 2 пальцевъ, для чего приходилось брать 5—6 рядовъ спиралей. Отдѣльныя звенья большихъ по размѣрамъ вѣнковъ обыкновенно скрѣплялись узорчатыми пластинчатыми перемычками, и въ такомъ случаѣ концы

вѣнковъ иногда соединялись въ видѣ банта, при помощи котораго можно было нѣсколько распустить и сузить ленту вѣнка. Если спирали для вѣнка выбирались подлиннѣе и покрупнѣе обыкновеннаго, въ такихъ случаяхъ число звеньевъ въ вѣнкѣ уменьшалось; свыше 9 звеньевъ оно никогда не доходило²⁰⁾. Вѣнки иногда имѣли подвѣски: спускающіяся къ низу ленты изъ спиралей, подвѣски въ видѣ собачки, бубенчики, гребешки и бахрому изъ спиралей²⁰⁾. Гребешки, уточки и бубенчики иногда висѣли на короткихъ цѣпочкахъ²²⁾. Въ Цемальденѣ спирали были нанизаны на кишечныя струны и окружали голову безъ пластинчатыхъ перемычекъ²³⁾. Въ Стаббенѣ спирали были болѣе толстыя и нанизаны на черныя шерстяныя нитки²⁴⁾; здѣсь же, по Крузе, были найдены вѣнки, составленные изъ перпендикулярныхъ рядовъ спиралей.

Вѣнки надѣвались поверхъ ушей отъ верхней части лба на затылок²²⁾, и, согласно даннымъ археологовъ, были украшеніемъ мужскимъ и женскимъ²²⁾ ²⁰⁾: въ Люцинѣ, гдѣ было найдено 113 вѣнковъ, они служили украшеніемъ мужскимъ и женскимъ; въ Роннебургѣ пасторъ Vierhuff²⁵⁾ нашелъ вѣнокъ въ женской могилѣ; женскимъ украшеніемъ вѣнки были также и въ Вейсентейнѣ²⁶⁾, Икулѣ²⁶⁾, Гульбернѣ²⁶⁾ и Голговскомъ²⁷⁾.

Эти вѣнки или головныя повязки профессоръ Рихардъ Гаусманъ считаетъ типичными для латышскихъ могилъ Прибалтійскаго края: въ странѣ ливовъ они не найдены, у эстовъ головной уборъ совершенно другого характера²⁸⁾.

Крузе, напечатавшій свой трудъ „Necrolivonica“ въ 1842 году, рассказываетъ²⁹⁾, что въ его время латышскія крестьянки еще носили подобные вѣнки—„Kopfringe oder Diademe“, называя ихъ „wainaks“. Дальше онъ даетъ болѣе подробное описаніе этихъ „wainaks“: „эти вѣнки“, говоритъ онъ, „часто дѣлались изъ цвѣтовъ, часто изъ картона, который пестро оклеивался и расшивался позументомъ и бусами; часто они состояли изъ бронзовыхъ оброчей“.

Когда въ 1904 году латыши готовились къ V пѣвческому празднеству въ Ригѣ, комиссія по національнымъ костюмамъ опубликовала описаніе современныхъ латышскихъ вѣнковъ³⁰⁾ (см.

рисунокъ Мадернека¹²⁾—рис. XXXII): „Рѣзко отличаются латышскіе головные уборы“, говорится здѣсь,—„отъ головныхъ украшеній другихъ народовъ. Вѣнки расшиты продолговатыми бусинами, стеклярусомъ, шерстяными нитками, шелкомъ, кусочками зеркальнаго стекла, золотымъ и серебрянымъ позументомъ, разными блестящими украшениями и камнями. Больше всего распространены вѣнки съ стеклярусомъ. Ширина вѣнковъ различная: встрѣчаются узкіе и широкіе. Для вѣнка берется зеленый, красный или темно-синій бархатъ, атласъ или сукно. Подкладка въ вѣнкахъ твердая. Носятся также металлическіе обручи съ подкладкою внутри“.

Еще болѣе подробное описаніе современныхъ вѣнковъ даетъ статья „Muhšu tautas' uswals'“³¹⁾. Мы читаемъ: „Вѣнки бываютъ изъ черной матеріи и расшиты стеклярусомъ³²⁾ бѣлаго, зеленого и желтаго цвѣта въ нѣсколько рядовъ по срединѣ вѣнка. На вѣнкахъ изъ красной матеріи часто прикрѣпляются кусочки зеркальнаго стекла, около нихъ обвивается золотая тесьма. Иногда они покрыты крестами изъ стекляруса елочкой: зеленые кресты чередуются съ бѣлыми, между крестами зеленые круги съ фигурами изъ золотистаго стекляруса. Вѣнокъ внизу и наверху обшить золотою лентою, наверху къ ней пришиты синія и желтыя бусы. Въ большинствѣ случаевъ вѣнки прямые и круглые, древнѣйшіе нашиты на берестѣ. Но встрѣчаются и вѣнки съ расширяющимся верхомъ. Послѣдняго вида вѣнокъ мы видимъ на рисункѣ Р. Зарина (см. выше, фиг. № 8): это „vizulu vainags“ — вѣнокъ обшитый серебрянымъ позументомъ и по верхнему краю разукрашенный серебряными и золотыми „vizuli“ = цвѣтками и листочками“.

Вѣнки изготовляются и вышиваются дѣвицами, покупается только матеріалъ. Надѣваются они при отправленіи на какую либо пирушку, толоку или въ церковь, между тѣмъ какъ при работѣ головы покрываются бумажными платками, и зимою дѣвицы ходятъ въ шерстяныхъ платкахъ³³⁾.

По Hupel'у и Merkel'у (см. выше) вѣнокъ служилъ украшеніемъ только дѣвицы; онъ былъ символомъ дѣвичьей чести и чистоты. Если дѣвица потеряла свою честь, говорили, что у нея

нѣтъ больше вѣнка; вотъ почему въ одной пѣснѣ мать говорить:
„храни вѣнокъ, какъ искру огня, сосѣдки безъ чести сняли его...“:

„Sarga savu vainadziņu
Ka uguņa dzirkstelīti,
Dzirdu ceema meitiņam
Bez godiņa poņemam“³⁴).

И отвѣчаетъ ей дочь: „лучше пусть у меня будутъ сѣдые волосы подъ вѣнкомъ изъ бумажныхъ цвѣтковъ, чѣмъ на головѣ шапка золотая безъ чести“:

„Labak man sirmi mati
Zem vizulu vainadziņa,
Neka man zelta mice
Bez godiņa galviņā“³⁴).

Весьма много говорятъ о вѣнкахъ народныя пѣсни. Мы слышимъ о вѣнкахъ изъ цвѣтовъ, которыми дѣвицы украшали свои головы; цвѣты естественныя—красныя розы:

„Dzeltan ir man matiņi,
Sarkans rožu vainadziņš“³⁵),

или искусственныя изъ золотой и серебряной матеріи:

„Saglaudu galviņu,
Ka ceelaviņa,
Uzliku vizulu
Vainaciņu“³⁶)

(„Какъ птичка пригладила головку, наложила вѣнокъ изъ блестящихъ цвѣточковъ“). Мы узнаемъ, что вѣнки расшивались бусами:

„Gludu glaužu sev galviņu,
Perļu liku vainadziņu.
Ne pilite nestaveja
Manu matu galiņā“³⁷)

(Гладко пригладила головку, наложила жемчужный вѣнокъ. Ни капельки воды не было на моихъ волосахъ),— и дѣлались изъ тяжелаго металла³⁸):

„Sudrabiņa man matiņi,
Zelta liku vainadziņu.
Ta bij traka dela mate,
Kas man savu delu leedza“

(Серебристы мои волосы, золотой мой вѣнокъ. Не въ своемъ умѣ та мать, что сыну не разрѣшила жениться на мнѣ).

Согласно приведеннымъ пѣснямъ, дѣвицы надѣвали вѣнки на свои свѣтлорусые, гладко причесанные волосы. Волосы называются „dzeltani“ — золотисто-русые и „sudrabiņa“ — серебристо-бѣлокурыми; ихъ гладко причесывали, не смачивая водою: „ne pilite nestaveja mana mata galiņa—ни капельки не было на волосахъ моей головушки“, и „какъ у птичекъ—ka ceelaviņa—были гладки—gludi soglaudu—головы латышекъ“, а на нихъ красовался изящный вѣнокъ.

Каталогъ этнографической выставки въ 1896 году еще упоминаетъ о вѣнкахъ изъ конскихъ волосъ и о латунныхъ „lociņi“. О послѣднихъ, очевидно, намъ говорила и народная пѣсня. Они были съ подкладкою изъ матеріи внутри и иногда въ верхней части выложены бисеромъ³⁸).

Прототипомъ ихъ въ IX—XII вв., кромѣ уже описанныхъ вѣнковъ изъ нѣсколькихъ рядовъ спиралей, мѣстами перехваченныхъ пластинками, — можно считать люцинскіе „малые жгуты“³⁹), найденные въ женскихъ могилахъ Ауленберга, Люцина (II, 78, стр. 14 прил.; II, 8, стр. 8 прил.; III, 81, стр. 24) и Клауэнштейна. Они (см. рис. XXXIV) изготовлялись изъ 5—10 мочальныхъ шнуровъ, скрученныхъ вмѣстѣ, затѣмъ крѣпко увитыхъ нитями и наконецъ унизанныхъ сплошнымъ рядомъ широкихъ и плоскихъ дорожчатыхъ колець.

Концы такихъ жгутовъ иногда связывались въ видѣ банта. Въ Люцинѣ встрѣченъ двойной „малый жгутъ“ 82 сант. длины³⁹).

Итакъ, вѣнки IX—XII столѣтій сохранились въ національномъ костюмѣ латышей еще до нашего времени. Форма тѣхъ и другихъ одна и та же: это круглый обручъ, болѣе или менѣе твердый или гибкій, который надѣвался на голову. Только теперь обѣднѣвшіе латыши уже не всегда дѣлаютъ вѣнки изъ чистаго металла, не всегда встрѣчаются латунные обручи, но зато модные блески, золотистый стеклярусъ, цвѣтки изъ золотой, серебряной бумаги или матеріи и изъ латуни напоминаютъ древніе бронзовые вѣнки, иногда разукрашенные побрякушками. Безъ сомнѣнія, и вышитые вѣнки изъ матеріи, на берестѣ, имѣли

свой прототипъ въ тѣ отдаленныя времена, только намъ еще не удалось найти таковой или земля его не сохранила для глаза изслѣдователя; по крайней мѣрѣ, обычай обшивать бересту весьма древній; въ коллекціяхъ Императорскаго Московскаго Историческаго музея есть нѣсколько латышскихъ поясовъ изъ бересты, обшитой кожей, разукрашенной бронзовыми пластинками...

Въ Голговскомъ, въ женской могилѣ, лежали надъ головою трупа два куска ремня оббитаго бронзою⁴⁰), а въ Люцинѣ повязка „изъ ремня съ красиво орнаментированными квадратными бляхами“⁴⁰).

Спрашивается только, чѣмъ объяснить, что нынѣ вѣнокъ украшеніе только женское, между тѣмъ какъ въ Люцинѣ вѣнки были найдены также и въ мужскихъ могилахъ. Мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что и тогда, въ IX—XII вв., вѣнокъ былъ главнымъ образомъ украшеніемъ женскимъ, а именно дѣвичьимъ. Ибо на ряду съ лентообразными вѣнками встрѣчается еще другой женскій головной уборъ, о которомъ рѣчь будетъ впоследствии, — это головной уборъ замужнихъ, — и народныя пѣсни вѣнокъ никогда не называютъ украшеніемъ мужскимъ. Кроме того, въ западной части края вѣнки въ мужскихъ могилахъ находимы весьма рѣдко и напечатанные протоколы г-на Романова, раскопавшаго Люцинскій могильникъ, отличаются своею неполностью и поэтому и неточностью. В. Сизовъ, который также копалъ въ Люцинѣ и отчетъ котораго также весьма кратокъ, говоритъ, что „черепъ мужского скелета часто сохранялъ слѣды небольшого вѣничка, составленнаго изъ нѣсколькихъ рядовъ бронзовыхъ спиралей; подобные вѣнички на черепѣ женскаго скелета отличались большими размѣрами“⁴¹). Можетъ быть, поэтому г. референтомъ Императорской Археологической комисіи немного смѣло сказано, что „вѣнки составляли преимущественное мужское головное украшеніе“...⁴²). Весьма характерны для г. референта слѣдующія фразы: „Большіе и малые жгуты составляютъ исключительно женскій головной уборъ и служатъ однимъ изъ лучшихъ признаковъ при опредѣленіи пола погребенныхъ“, и „шейные обручи и гривны составляютъ исключительную принадлежность женскаго наряда и служатъ столь же надежнымъ средствомъ для опредѣленія пола погребенныхъ“⁴³).

Кромѣ вѣнковъ, латышскія дѣвушки носятъ еще и головныя повязки—„arpsnitis“; на грубомъ бѣломъ холстѣ здѣсь вышиты узоры цвѣтною шерстью⁴¹). Въ косы вплетаются шерстяныя ленты, длиною въ 2 сажени, иногда узкія, иногда широкія—до 1 дюйма, съ вышитыми бисеромъ или пестрыми узорами концами:

„Es matei veena meita,

Visa laba gribetaja:

Preekšâ gribu preekšautiîu,

Pakalâ mataukliîu“⁴⁵)

(Я единственная дочь моей матери, люблю (хочу) все хорошее: спереди—передникъ, сзади—въ косу ленту), или:

„Melna samta man matiîi,

Zala zida matauklite.

Vajag gudra teva dela,

Kas noîema vainadziîu“⁴⁶)

(Мягкіе, какъ бархатъ, черныя волосы, изъ зеленаго шелка лента въ косѣ. Умень долженъ быть тотъ молодецъ, съ головы моей кто сниметъ вѣнокъ).

Въ Голговскомъ кольца, нанизанныя на конскій волосъ украшали женскій черепъ отъ одного уха до другого, надъ ушами лежали украшенія, спирали, бусы⁴⁷). Въ Воклузе⁴⁸) на черепѣ лежала лента („Streifen“) изъ шерстяной матеріи, разукрашенная спиралями, а по краю бусами, на ней висѣли другія ленты съ вотканными мелкими спиралями и бубенчикомъ. Ленты были 3 см. ширины⁴⁹). Въ Фіанденѣ была найдена сѣтка изъ спиралей⁵⁰). Въ Дранкенскомъ могильникѣ я нашель на совершенно раздробленномъ черепѣ шерстяную ленту, украшенную извивающею нитью мелкихъ спиралей. Такая же найдена въ Роннебургѣ⁵¹). Въ Люцинѣ⁵²) были найдены головныя уборы, сшитыя изъ кольчужной ткани, украшенной бахромой. Въ Имп. Моск. Историческомъ музеѣ имѣется кусокъ ленты изъ конскихъ волосъ (изъ Люцина), на который зигзагомъ нанизаны янтарныя бусы.

Думаю, что въ этихъ головныхъ уборахъ и лентахъ мы видимъ прототипы упомянутыхъ выше головныхъ повязокъ и лентъ для вплетенія въ косы.

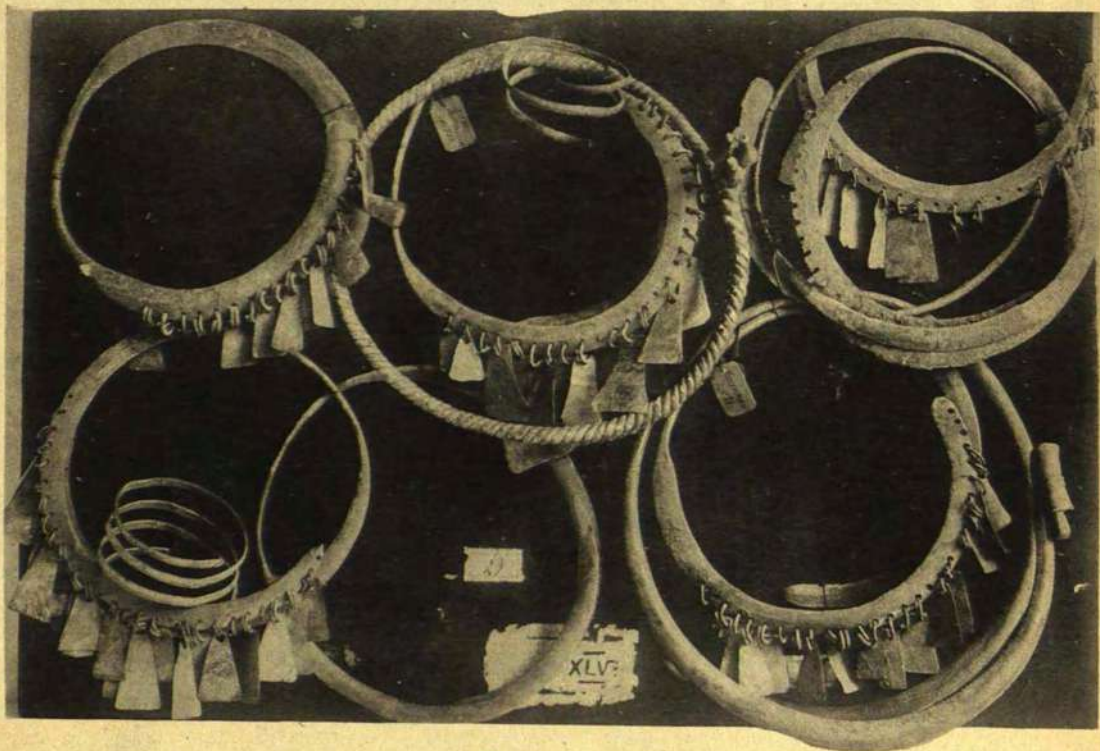
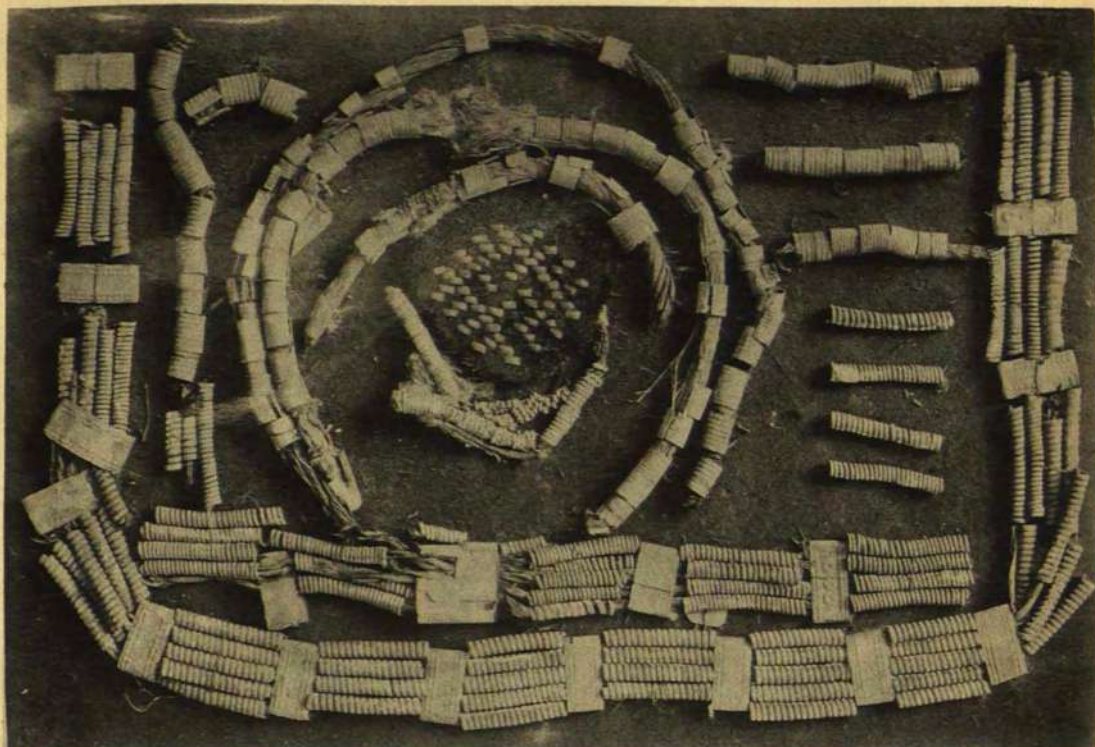
Замужнія женщины въ недавнемъ прошломъ дѣтомъ носили бѣлые чепчики— „mice“, „aube“, нижняя часть которыхъ часто украшалась узорами. Въ окрестностяхъ г. Вольмара и Вендена эти чепчики повязывались на подобіе тюрбановъ, въ Курляндской губерніи же болѣе на затылкѣ⁵³). Чепчики — „banica“ — бывали и изъ темной самотканной матеріи, вышитые черными нитками и окаймленные чернымъ бархатомъ, или, наконецъ, — „stop-mice“ — изготовлялись изъ различной хлопчатобумажной, шелковой матеріи и тафты, вышивались шелкомъ, золотымъ и серебрянымъ позументомъ, а также бисеромъ⁵³).

Носились ли такіе чепчики и въ описываемое мною время, неизвѣстно; по крайней мѣрѣ въ могилахъ ничего подобнаго пока еще не удалось найти. Правда, древніе свадебные обычаи, описанные Нурел'омъ⁵⁴), даютъ нѣкоторое право придти къ заключенію, что чепчики весьма древняго происхожденія: по Нурел'у, послѣ свадьбы, когда молодые въ сопровожденіи вооруженныхъ мечами мужчинъ пріѣзжали въ домъ мужа, свекровь надѣвала на голову молодой чепчикъ, сопровождая это весьма чувствительной пощечиной, которую молодая тотчасъ же возвращала мужу.

Въ Инфлянтіи, гдѣ лежитъ и Люцинъ, кромѣ только что описанныхъ чепчиковъ, замужнія носятъ еще такъ называемый „garais auts“⁵⁵) — длинный кусокъ матеріи, который обматывается вокругъ головы, завязывается большимъ узломъ на затылкѣ и заканчивается вышитыми, низко спускающимися на спину концами. На него навязываютъ пестро вышитую повязку. Какъ мы уже видѣли, замужнія должны были подстригать волосы, и очевидно „garais auts“ съ своими длинными концами замѣнялъ косы.

Прототипы этого головного убора были найдены въ Ауленбергъ-Кевверъ⁵⁶), Стаббенъ⁵⁷), Люцинѣ⁵⁸); только здѣсь онъ состоитъ изъ плотнаго, круглago, шерстяного жгута въ 2 или 3 ряда, сплошь унизаннаго мѣдными кольцами, отъ котораго спускается внизъ болѣе или менѣе длинная кисть, составленная изъ шнуровъ съ напущенными на нихъ спиралями разныхъ размѣровъ (см. рис. XXXV).

О происхожденіи этого головного убора было высказано слѣдующее предположеніе⁵⁹): „первоначально мѣдными кольцами

убиралась, быть можетъ, настоящая коса; затѣмъ вмѣсто настоящей стала убираться ими фальшивая коса, которую приходилось прикрѣплять къ головѣ особыми шнурами и лентами, а ихъ чѣмъ нибудь украшать, и наконецъ постепенное видоизмѣненіе и улучшеніе такихъ шнуровъ должно было дать то, что мы встрѣчаемъ въ видѣ головныхъ жгутовъ, сплошь унизанныхъ кольцами⁶¹⁾.

О женской шапкѣ изъ металла—„zelta mice“—говорить и народная пѣсня⁶⁰⁾.

Вотъ болѣе подробное описаніе этихъ такъ называемыхъ „большихъ жгутовъ“⁵⁸⁾ людинской культуры: „Большіе жгуты изготовлялись изъ довольно значительнаго пучка отдѣльныхъ шерстяныхъ веревочекъ, который скручивался въ видѣ кольца и для прочности плотно обвивался сверху крѣпкими нитями, а затѣмъ унизывался широкими проволочными спиральными кольцами. Наиболѣе изящны тѣ жгуты, которые покрыты спиральными плоскими кольцами, сдѣланными изъ особой нарочно для этой цѣли приготовленной сплющенной проволоки. Иногда на жгутахъ перстни и ручныя кольца. Діаметръ жгутовъ 43—52 см. Къ нимъ прикрѣплялись кистеобразныя привѣски, имѣющія видъ спускающагося внизъ отъ жгута толстаго, обтянутаго спиральными кольцами шнура, постепенно развѣтвляющагося или раздѣляемаго на болѣе и болѣе мелкія отдѣльныя пряди, пока въ общемъ это не составляло довольно длинной кисти въ нѣсколько колѣнъ, къ которой затѣмъ на концахъ, для приданія ей пышнаго вида, прикрѣплялись въ довольно значительномъ количествѣ бубенчики и пластинчатыя подвѣски. По мѣрѣ развѣтвленія отдѣльныхъ прядей, онѣ унизывались соотвѣтственнаго діаметра длинными спиралями, которыя своими размѣрами и опредѣляли длину каждого колѣна и звена кисти“.

Зимній головной уборъ замужнихъ—„seruge“—имѣетъ форму рыцарской каски. Обтянуть онъ обыкновенно матеріей: сукномъ, бархатомъ и тафтой, краснаго, коричневаго, зеленаго и чернаго цвѣта; подкладка мѣховая, обыкновенно бѣлая, иногда сѣрая овчина. Оторочка обыкновенно также изъ мѣха овцы или выдры, иногда изъ чернаго бархата. Въ народныхъ пѣсняхъ есть указанія и

на соболью оторочку⁶²). Иногда верхъ такой шапки вышивался, или же на него нашивались крестъ на крестъ серебряныя или золотыя ленты, которыя, схваченныя вмѣстѣ, на верхушкѣ шапки образовали что-то вродѣ султана⁶³).

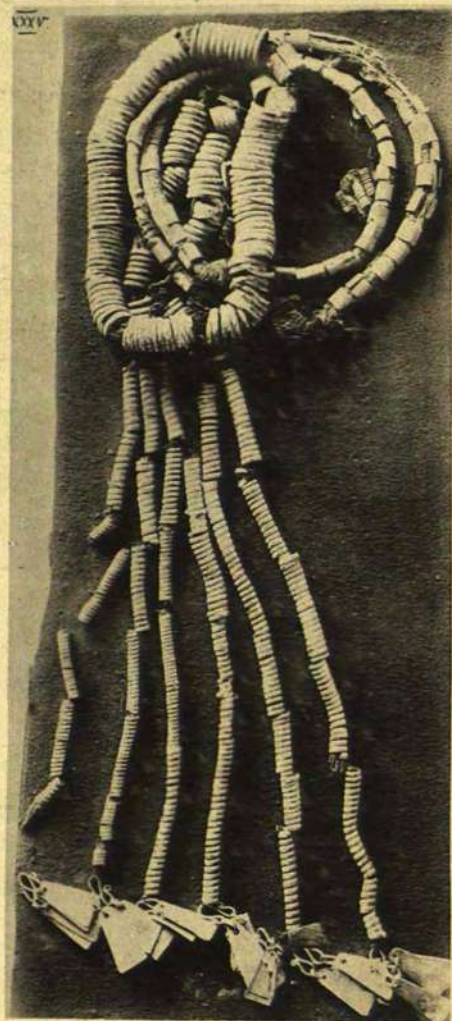
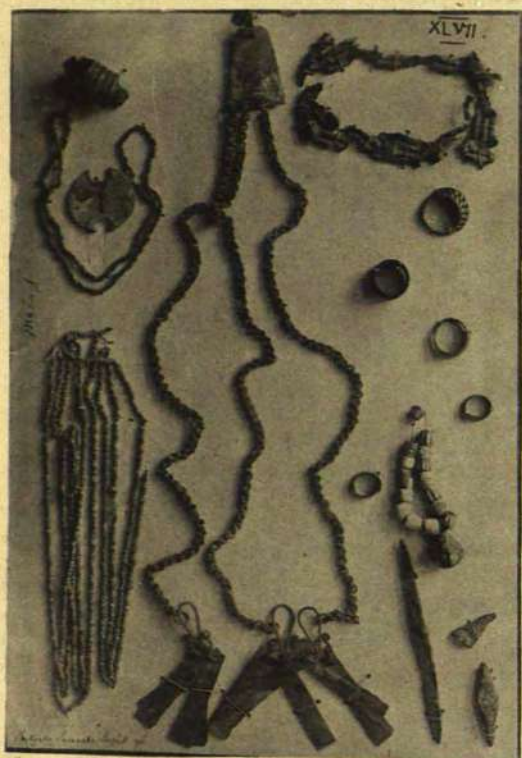
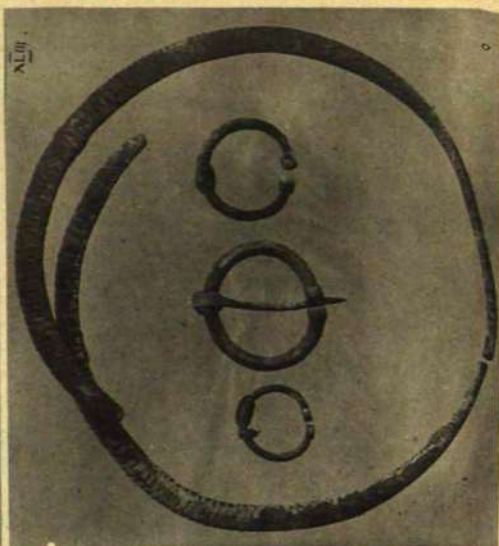
Эти зимніе головные уборы весьма мало отличаются отъ мужскихъ, которые мною уже описаны (у женщинъ они сзади длиннѣе; ср. „garais auts“ и „большіе жгуты“), и навѣрное— весьма древняго происхожденія. На это указываетъ общее названіе съ мужскими шапками— „serigne“, найденными въ могилахъ; а также то, что они иногда вышиваются золотыми лентами, похожими на древнюю бронзу, и что они, какъ и большіе жгуты, сзади длиннѣе. Въ могилахъ женскія шапки не найдены,

Ашераденъ: Шапка изъ бронзовыхъ спиралей.

но тѣмъ не менѣе въ виду всего выше сказаннаго я считаю себя въ правѣ назвать ихъ также головнымъ уборомъ и древнихъ латышекъ.

Но если вопросъ объ головныхъ уборахъ древнихъ латышей и латышекъ въ мирное время рѣшить сравнительно легко, то мы и до сихъ поръ не знаемъ, каковы были латышскіе шлемы. Въ могилахъ они не найдены; между тѣмъ у Генриха Латыша⁶⁴ читаемъ, что князь Русинъ, привѣтствуя Бертольда Венденскаго, снялъ шлемъ. Далѣе, ведя войны съ русскими и литовцами⁶⁵, латыши должны были ознакомиться съ шлемами⁶⁵, и такъ какъ въ краѣ существовало собственное металлическое производство⁶⁶,

то навѣрное они сами сооружали металлическія шапки, подражая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и придерживаясь уже знакомыхъ національныхъ формъ.

Изъ бронзы изготовлялись женскіе головные уборы— „большіе жгуты“, которые, безъ сомнѣнія, также могли оказать нѣкоторую защиту отъ ударовъ.

Мужскія зимнія шапки отличались отъ женскихъ только тѣмъ, что онѣ были сзади короче.

Почему не допустить, что шлемъ Русина былъ именно такою бронзовою шапкою, сдѣланною на подобіе хотя бы литовскихъ шлемовъ и подѣ образецъ женскихъ „большихъ жгутовъ“ (только сзади безъ кисти)?

Русинъ снимаетъ шлемъ передъ началомъ битвы; не думаю, чтобы у него былъ тяжелый рыцарскій шлемъ, похищенный у нѣмцевъ, который снимать и надѣвать было не такъ легко. Крузе⁶⁷⁾ говоритъ о бронзовой шапкѣ воиновъ на войлочной подкладкѣ: въ Ашераденѣ, гдѣ было смѣшанное латышско-ливское населеніе, въ мужской могилѣ нашли шапку изъ бронзовыхъ спиралей, которыя лежали на войлочной подкладкѣ⁶⁸⁾. Въ Роннебургѣ-Странте нашли такую массу спиралей, что казалось, будто и здѣсь лежала такая шапка, почему изъ найденныхъ спиралей она и была реставрирована⁶⁹⁾.

Рубашки.

„Smalki verpu, beezi audu

Deliñam kara kreklu,

Lai viñš mani peemineja,

Svešu zemi staigadams“⁷⁰⁾— „Тонко пряла, плотно ткала я для сына рубашку, чтобы на войнѣ, въ чужой странѣ онъ меня не забылъ“,—поетъ мать, работая надъ рубашкой для сына.

Дочь же готовитъ себѣ приданое: для суженаго шьетъ льняныя сорочки и прячетъ ихъ въ своемъ сундукѣ:

„Ceeti tinu linu kreklu,

Smagi laidu puriñâ,

Kamer man gadijas

Pa pratam valkatajs⁷¹⁾

(Плотно сложила льняную сорочку, тяжелую положила въ сундукъ; пусть лежитъ, пока придетъ, кто понравится мнѣ). Но не забываетъ она и себя и просить мать для любимой дочери сшить рубашку съ короткими рукавами:

„Šun, mamiń, smalku kreklu

Ar isam peedurknem,

Lai doma ja ceema puīši:

Redz, kur smalka šuvejiņa!⁷²⁾

(Шей, мамочка, мнѣ тонкую рубашку, съ короткими рукавами; пусть думаютъ сосѣдніе парни: „смотри, какая искусная швейка!“), вышитую богатыми узорами:

Šuj, mamiņa, man krekliņu,

Šuj raženi rakstidama!

Vedis man caur ceemiņu

Pašā ceema gāliņā;

Ceemiņā daudz meitiņu,

Naks rakstiņu raudzītees⁷³⁾

(Шей, мамочка, мнѣ рубашку, вышивай искусно узорами. Пове- дуть меня черезъ все село, на самый край его; въ селѣ много дѣвушекъ, придутъ посмотрѣть на узоры), длинную до ступни:

„Šuj, mamiņa, man krekliņu

Līdz kajiņu galiņeem...⁷⁴⁾

(Шей, мамочка, мнѣ рубашечку до кончиковъ ножекъ), широкоую:

„Aud, mamiņa, man krekliņu

Ezeriņa platumiņ...⁷⁵⁾

(Тки, мамочка, мнѣ рубашечку шириной въ озерышко), съ не- большимъ вырѣзомъ для шеи:

„Suj, mamiņa, man krekliņu,

Negreez leelu kakla veetu,

Lai nebaza ceema puīši

Saltas rokas azotē⁷⁶⁾

Шейный вырѣзъ рубашки застегивался пряжкой, у богатыхъ лю- дей даже двумя:

„Es nebiju lepnu ļaužu,
 Es tik lepni nenesos,
 Es nesedzu div' saktiņu
 Savā krekla vilitē“⁷⁷⁾

(Я не изъ знатнаго рода, я не одѣваюсь богато, я не застегиваю двумя пряжками обшивку моей рубашки). Вотъ все, что узнаемъ о рубашкѣ изъ народныхъ пѣсень.

Крузе рассказываетъ, что въ его время латышки носили льняныя рубашки, которыя, какъ подтверждаетъ и приведенная народная пѣсня, застегивались большими серебряными брошками⁷⁸⁾.

Льняныя ткани были находимы также и въ могилахъ, при этомъ нерѣдко подъ какую нибудь другою тканью; это, очевидно, жалкіе остатки рубашекъ.

Въ Люцинѣ (гдѣ находимый холстъ былъ весьма плотенъ, крѣпокъ и толстъ, а также сотканъ весьма чисто), въ мужской могилѣ, былъ найденъ (подъ шерстяною тканью) „прекрасно сохранившійся“ кусокъ холщеваго рукава рубахи⁷⁹⁾, въ женской— на спиральномъ наручникѣ остатки льняной ткани рукава, очевидно, болѣе широкаго⁷⁹⁾. Въ Цемальденѣ, въ женской могилѣ, грубая льняная ткань, украшенная фибулою, лежала на груди костьяка подъ кусками кожи и подъ бронзовыми украшеніями⁸⁰⁾. Крузе⁸¹⁾ рассказываетъ, что имъ на груди костьяковъ были находимы остатки льняной рубашки, и что пасторъ Neuenkirch въ женской могилѣ на груди, непосредственно подъ бронзовыми украшеніями, нашелъ остатки льняной матеріи (здѣсь рубашка одновременно и служила какъ бы кофтою); надъ бронзовыми украшеніями лежала кольчужная ткань накидки. Въ Голговскомъ, въ женской могилѣ, былъ найденъ воротникъ рубашки и надъ плечевою костью (лѣвою) остатки рукава⁸²⁾.

Теперь⁸³⁾ рубашки латышекъ состоятъ изъ 2 частей: верхней и нижней, такъ называемой „reeretnis“. Нижнюю часть шьютъ изъ грубой матеріи, для верхней берутъ тонкій холстъ. Воротничекъ, плечи, грудь и концы рукавовъ часто вышиваются. Если же почему либо воротникъ не вышить, то носятъ особый изящный накладной воротникъ, вышитый стеклярусомъ— „smeldžota arpkaķe“, который при стиркѣ снимается и пришивается къ дру-

гой рубахѣ. („Smeldžota apkakle“, очевидно, является пережиткомъ шейныхъ гривень, о которыхъ рѣчь будетъ ниже).

Мужскія рубашки шьются съ широкими воротниками, расшитыми цвѣтною шерстью или гладью и застегиваемыми маленькою пряжкой „sakta“ или особою пуговицею—„benk'kajknore“⁸⁴). Эти два описанія и данныя Крузе почти вполнѣ соотвѣтствуютъ той картинѣ, которая получается, если прочитатъ народныя пѣсни и изучить найденныя въ могилахъ остатки рубашекъ. Какъ и тамъ, здѣсь верхняя часть женской рубашки застегивается пряжкой (и можетъ быть вышита⁷³), служить одновременно и кофтою, имѣть болѣе или менѣе длинные рукава (смотря по величинѣ узоровъ). Только шейныя гривны замѣнены уже накладнымъ воротникомъ, вышитымъ стеклярусомъ.

Противорѣчатъ другъ другу данныя автора „Des veränderten Russlandes Dritter Theil“⁸⁵) и народная пѣсня № 7373, и кажется болѣе соотвѣтствующимъ дѣйствительности, что древнія латышки носили рубашки, приписываемыя имъ выше названнымъ авторомъ: подъ юбками изъ кольчужной ткани не сохранилось остатковъ рубашекъ и современныя рубашки, какъ мы видѣли, состоятъ изъ 2 частей.

Далѣе, и мужская рубашка украшена традиціонною пряжкой, имѣетъ длинные рукава и, какъ говорилось уже раньше, при описаніи карты Меллина, могла быть выпущена поверхъ штановъ, если сверхъ ея не одѣвалось шерстяное платье.

Брюки.

Брюки носятъ лѣтомъ бѣлыя или синеватыя холщевыя, зимою—суконныя и застегиваются двойною пуговицею или же просто деревянною запонкою. Еще недавно носились короткія брюки—„uzas“, нижніе концы которыхъ подвязывались лентами или застегивались пуговицами⁸⁶).

Приблизительно таковы же были и брюки древнихъ латышей. Люцинская находка ткани на колѣнахъ и здѣсь же пряжки⁸⁷) какъ будто говоритъ о короткихъ брюкахъ, нижніе концы которыхъ застегивались пряжками. Принимая во вниманіе, что Лю-

цинскіе латыши носили онучи, можно предполагать, что брюки носились немного ниже колѣнъ, какъ это видно также и на рисункѣ Hupel'a. По Крузе⁸⁸⁾ онѣ застегивались на лѣвомъ бедрѣ, такъ какъ здѣсь почти у всѣхъ мужскихъ костюмовъ была найдена плоская, круглая пряжка.

Ю б к и.

Объ юбкахъ Крузе рассказываетъ, что современные ему латышки носили „нижнія юбки“ отъ поясницы до пятъ, что онѣ были изъ самотканной матеріи съ продольными синими, красными, желтыми и зелеными полосами, и носились постоянно⁸⁹⁾. Иногда подолъ ихъ украшался побрякушками или же въ подолъ узорами были вотканы бусы. Очевидно мы подъ „Unterröcke“ (нижнія юбки) Крузе должны подразумѣвать верхнія.

Согласно даннымъ этнографической выставки юбки (верхнія) большею частью полосатая, хотя бываютъ и одноцвѣтныя. Спускаются онѣ отъ поясницы до ступней, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до половины голени⁹⁰⁾.

Что касается полосатыхъ юбокъ, то весьма интересна комбинація полосъ: широкія желтыя, свѣтло-зеленыя, красныя и оранжевыя полосы чередуются съ узкими темно-зелеными и синими, что при ходьбѣ даетъ смѣсь красокъ, напоминающую свѣтящуюся бронзу.

Въ одноцвѣтныя юбки часто вотканы въ подолъ полосы другого цвѣта, или же нашиты золотыя и серебряныя ленты:

„Man mamīna izaudusi
Dancojumu lindraciāu;
Zidu veen apmetusi
Sudrabiāu ataudusi“.

Иногда одноцвѣтныя юбки (коричневая, синія, зеленая) весьма богато вышиты по подолу: узоры нашиты на красную полосу шириною въ ладонь; на узорѣ чередуются двѣ фигуры — первая, по обѣ стороны синей линіи идутъ поочередно елочкой 9 мелкихъ линій—зеленыхъ и фіолетовыхъ,—вторая—идутъ двѣ желтыя линіи по краямъ, на внутренней сторонѣ той и другой

5 треугольниковъ, 3 зеленыхъ чередуются съ 2 фиолетовыми, посрединѣ бѣлые четырехугольнички⁹¹⁾). При ходьбѣ и эти фигуры даютъ смѣсь красокъ, напоминающую цвѣтъ бронзы.

Народныя пѣсни рассказываютъ, что юбки были коричневаго цвѣта:

„Es matei pirma meita,
Pirma maļa malejiņa;
Man palika bruni brunči,
Ar bantem vilnainite“⁹²⁾).

(Я любимая дочь матери (старшая дочь), ея лучшая работница; мнѣ осталась коричневая юбка, разукрашенная лентами накидка). Итакъ, коричневая юбка что-то дорогое, древнее, что унаследовала любимая дочь отъ умершей матери...

„Es matei veena meita,
Es raženi turejos;
Līdz zemīti bruni svarki,
Sarkans rožu vainādziņš“⁹³⁾

(Я у матери единственная дочь, хорошо одѣвалась; до земли носила коричневую юбку, на головѣ вѣнокъ изъ красныхъ розъ). Опять дорогую коричневую юбку носить единственная дочь, носить ее до земли, длинную.

Но, очевидно, носили и короткія юбки:

„Aud, mamiņa, man svarcīnus
Veenu isu, otru garu:
Is' tautam dublus brist,
Garu, serst pee baliņa“⁹¹⁾),—дѣвушка проситъ

мать соткать ей одну длинную, другую короткую юбку, одну для гостей, другую для непогоды.

На юбки не жалѣли материн:

„Meit uz meitu vaicajas,
Cik olekšu lindrakos.
Cītai peecas, cītai sešas,
Kas bagata, tai deviņas“⁹¹⁾,

(Дѣвица спрашиваетъ дѣвицу, сколько локтей [= $\frac{3}{4}$ арш.] материн въ юбкѣ. У одной пять, у другой шесть, кто богата, у той

девять). Для пышности даже носили нѣсколько юбокъ, одну надъ другою:

„Es uzvilku treju brunču,
Apsagreežu ritenu;
Divi manis pašas austi,
Treši manas mamuliņas“⁹¹⁾ (Я одѣла три

юбки, ... двѣ моей работы, третью—матери).

Итакъ, какими же мы должны себѣ представить на основаніи всего выше сказаннаго юбки древнихъ латышекъ?

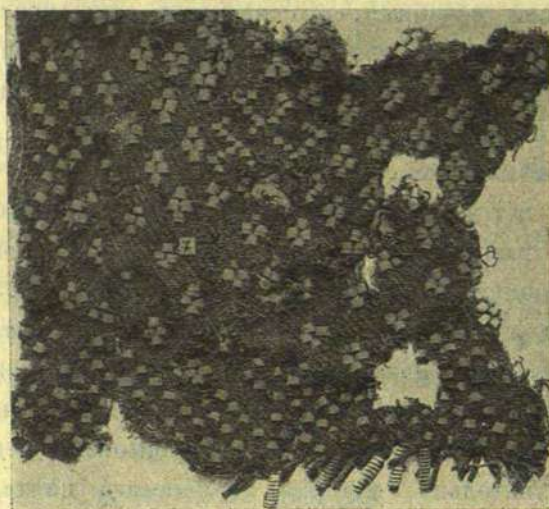
Думаю, что не можетъ быть рѣчи о полосатыхъ юбкахъ. Да и въ пѣснѣ слышимъ, что любимая дочь унаслѣдовала отъ своей матери дорогую, древнюю, одноцвѣтную, коричневую юбку. Но одноцвѣтныя юбки по подолу украшены узорами: здѣсь, очевидно, шла полоса вотканныхъ бронзовыхъ фигуръ, только впоследствии замѣненныхъ вышивкой.

Однако потомъ, когда мода изковеркала народный вкусъ, когда стали ткать полосатую ткань для юбокъ, народъ, вѣроятно, не хотѣлъ окончательно отказаться отъ древнихъ образцовъ: подбирали цвѣта для полосъ въ такой комбинаціи, что при ходьбѣ отъ смѣшенія ихъ получалось впечатлѣніе бронзы. Очевидно, древнія коричневыя юбки украшались бронзой не только по подолу, но по нимъ всюду были разбросаны бронзовыя блестки.

И дѣйствительно, матерію коричневаго цвѣта, съ бронзовыми украшеніями умѣли ткать древніе латыши. Мы находимъ въ могилахъ цѣлые куски толстой, грубой шерстяной матеріи темнаго коричневаго цвѣта. На этихъ кускахъ иногда бахрома и пришиты шнуры,—и въ этой шерстяной бахромѣ, въ шнурахъ и узлахъ мы замѣчаемъ еще и другіе цвѣта, именно: совершенно черный, бурый⁹⁴⁾, сѣрый и синій. Такого цвѣта матеріи были найдены въ Люцинѣ; въ Цемальденѣ — коричневыя⁹⁵⁾. Изучая люцинскія древности въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, я, кромѣ довольно большого куска черной матеріи (см. рис. XXXVII), встрѣтилъ еще маленький кусочекъ ткани „изъ тонкой шерсти“⁹⁶⁾ коричневаго цвѣта съ лиловымъ отливомъ, въ которую въ видѣ полосы орнамента была воткана свастика желтовато-коричневаго цвѣта (см. рис. XXXVI).

По Крузе древняя ткань ⁹⁷⁾ черного, коричневого или красновато-коричневого цвета („braun oder rotbraun“), но вмѣстѣ съ тѣмъ ему казалось, что нѣкоторые потемнѣвшіе куски раньше были красными и синими ⁹⁸⁾. Въ Дранкенскомъ могильникѣ я, кромѣ черного и коричневого цвета, замѣтилъ сѣрый и синій.

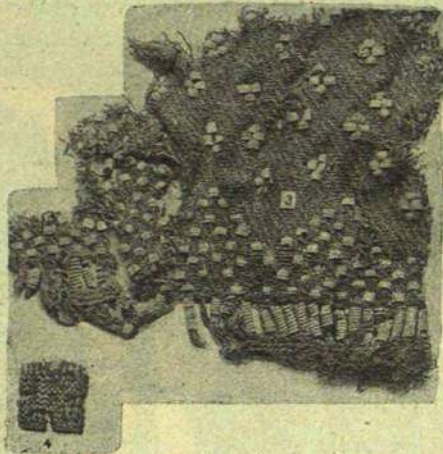
Итакъ, древніе ткали одноцветную матерію коричневого, бурого, черного и сѣраго и, можетъ быть, краснаго и синяго цвѣтовъ; называли они ее „watmal“ ⁹⁹⁾, что, можетъ быть, указываетъ на заимствованіе ея съ запада(?).

Ауленбергъ-Келеръ: кусокъ шерстяной матеріи.

Но если дѣйствительно мы находимъ въ могилахъ такое сравнительное богатство красокъ матеріи, то не безынтересно узнать и способы окрашиванія у древнихъ латышей. Этнографическія данныя позволяютъ намъ предполагать, что для окрашиванія нитокъ или тканей употреблялись нѣкоторыя растенія, которыми научилъ пользоваться долготнній опытъ. Растенія разрѣзывались на мелкіе кусочки и обливались горячею водою, или же ихъ кипятили, чтобы извлечь красящія вещества; послѣ этого жидкости давали нѣсколько дней бродить, иногда подкладывая вещества, способствующія броженію.

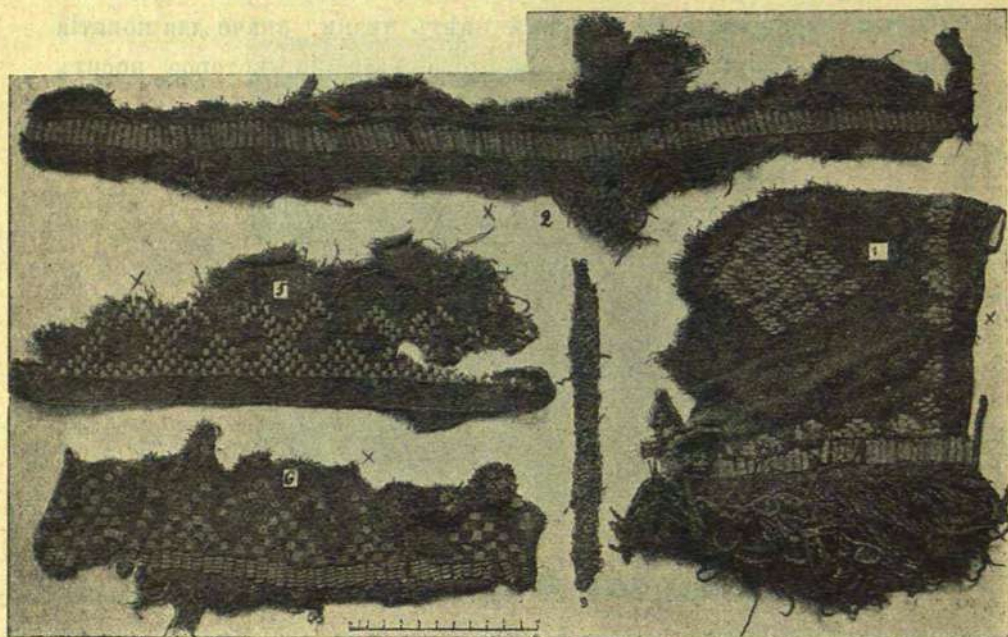
Что касается вопроса, какая изъ красокъ была раньше извѣстна латышамъ, то М. Скрузитъ¹⁰⁰⁾ на основаніи того, что, согласно хроникѣ, у древнихъ латышей былъ боевой флагъ красный и бѣлый, и что до сихъ поръ въ узорахъ преобладаетъ красный цвѣтъ, полагаетъ, что и въ отдаленнѣйшія времена красный являлся самымъ излюбленнымъ, національнымъ цвѣтомъ и можетъ быть первымъ. Онъ указываетъ на то, что растеніе, которымъ нынѣ окрашиваютъ пряжу въ красный цвѣтъ (*Origanum vulgare*), еще до сихъ поръ носить у латышей названіе „sarkanes“ = красныя („sarkans“ = красный). Очевидно латыши сами научились окрашивать въ красный цвѣтъ ткани, иначе для понятія „красный“ у нихъ не было бы того названія, которое носить

Куски кольчужной ткани изъ Анненгофа (3) и Роннебурга (4).

само окрашивающее растеніе. Далѣе, разъ—по хроникѣ¹⁰¹⁾—въ началѣ XIII столѣтія флагъ латышей содержалъ красный цвѣтъ, то они тогда уже были знакомы съ способами окрашиванія въ него. Для окрашиванія въ красный цвѣтъ брали *Origanum vulgare* („sarkane“, wilder Majoran) и прибавляли къ нему листьявъ дикой яблони (*Pyrus malus*). Въ тотъ же цвѣтъ окрашивали также и корнями *galium* („madars“, Labkraut).—Для окрашиванія въ коричневый или красновато-коричневый цвѣтъ пользовались мхомъ отъ камней или корою *Alnus glutinosa* („melnais alksnis“). Отъ послѣдней получался черный цвѣтъ, когда ее смачивали мо-

чею. Весьма многія растенія давали желтый цвѣтъ; пользовались *Agrimonia eupatoria* („dadziši“, вынутую изъ раствора пряжу за-вертывали въ тряпку и держали въ парахъ горячо вытопленной бани), листьями березы (*Betula alba*), листьями дикой яблони (*Pyrus malus*), *Lycopodium*, *Conium maculatum*, *Calix praesox*, *Anthemis tinctoria*, *Alchemilla vulgaris*. Желтовато-зеленый цвѣтъ получали отъ *Scabiosa succissa*; вынутую изъ окрашивающей жидкости пряжу вѣшали въ горячемъ воздухѣ передъ топящеюся печкою. На окраску синимъ употреблялся *Vaccinium myrtill*.

Кольчужныя ткани изъ **Голговскаго** (1, 5, 6, 9) и **Роннебурга** (2).

Подобнымъ образомъ окрашенныя ткани украшались вотканными бронзовыми кольчужками 3 видовъ: пластинчатыми колечками, величиною въ горошину, бусами или мелкими, неширокими колечками¹⁰²). Кольчужки были разсыпаны по всей ткани группами по четыре. Нерѣдко край украшала полоса изъ бронзовыхъ спиралей, расположенныхъ параллельно; надъ ней иногда встрѣчался орнаментъ въ видѣ свастики или треугольниковъ изъ кольчужекъ¹⁰³).

Кольчужныя ткани, говоряція о весьма высокомъ развитіи текстильной техники, найдены: въ Роннебургѣ-Странте, Викснасъ-Капусилсъ, Ауленбергѣ, Анненгофѣ, Ференѣ, Гульбернѣ, Голговскомъ¹⁰⁴), Фельдгофѣ, Зессавѣ, Цемальденѣ¹⁰⁵), Дранкисѣ и Люцинѣ. Въ Луббенгофѣ найдена даже золотая парча¹⁰⁴).

Что ткани работались на мѣстѣ¹⁰⁷), объ этомъ свидѣлствуютъ, кромѣ умѣнья окрашивать, еще находки пряслицъ¹⁰⁶) и народныя пѣсни.

Народныя пѣсни рассказываютъ, какъ умѣло пряли латышки:

„Gana verpu, gana verpu,
Nepanacu mamuliņas:
Mamuliņa smalki verpa,
Garus laida pavedeenus“¹⁰⁸)

(Пряла я, старалась я, далеко мнѣ до матери: мамочка тонко пряла, пряла длинныя нитки). Тонкія нитки вымывались бѣло, какъ снѣгъ:

„Gan maceju smalki verpt,
Gan ar balti izmazgat“¹⁰⁹)

(Умѣла я тонко прясть, умѣла бѣло вымыть),—и изъ нихъ ткалась бѣлая матерія:

„Verpu, verpu, steidzu, steidzu,
Baltas vilnas erkuliņu,
Svetdeen eešu baznicā,
Segšu baltu villainiti“¹¹⁰)

(Пряла, пряла бѣлую шерсть, снѣшила, снѣшила къ воскресенію соткать бѣлую накидку). Умѣли также и красить нитки:

„Meitas gaja madaros,
Es ar lidzi taisijos,
Meitas pluca madariņas,
Es lasiju daboliņu,
Meitas vira dzipariņas,
Es baroju kumeliņu.
Meitam skaisti dzipariņi,
Man bij labs kumeliņš...“¹¹¹)

(Дѣвицы шли за подмаренникомъ, я съ ними вмѣстѣ въ путь готовился; дѣвицы срывали подмаренникъ, я собиралъ клеверъ; дѣ-

вицы красили нитки, я кормилъ коня; у дѣвиць красивыя нитки, у меня хорошій конь), и знали, гдѣ найти красящія растенія:

„Silâ eemu, silâ teku,

Silâ man vajadzeja:

Silâ man dzeltēs auga,

Pasilē madariņas“¹¹²)

(Въ боръ иду, въ боръ спѣшу, въ бору собирать должна репейникъ, на опушкѣ—подмаренникъ). Окрашенную *Origanum vulgare* пряжу сушили на солнцѣ; окрашенную корнями *galium* вывѣшивали только рано утромъ до восхода солнца, когда еще трава покрыта росой, т. к. она выцвѣтала:

„Sarkanite, madariņa,

Pašas divi eetaliņas;

Veena koda saulitē,

Otra rita rasiņā“¹¹³).

Изъ нитокъ ткали длинные куски ткани:

„Apsametu audekliņu

Daugaviņas garumiņu;

Jau audam div masiņas,

Vel palika trešajai“¹¹⁴)

(Приготовили нитки для ткани, длиною въ Двину; уже ткали мы двѣ сестры, еще третьей осталось), и куски эти умѣло валяли:

„Velees, mana vadmaliņa,

Krimaldiņas beezumā,

Krimaldiņas beezumā,

Leepu lapu mikstumā“¹¹⁵), или:

„Velees mana vadmaliņa,

Krimildiņas beezumiņu,

Krimildiņas beezumiņu,

Magoniņas skaistumiņu“

(Валяйся, сукно, толщиною въ грибокъ, мягкимъ, какъ листь липы, прекраснымъ, какъ макъ).

„Мяжки и красивы“ были латышскія ткани, „sudrabiņa ataudusi“ (см. выше)—иногда съ вотканными металлическими полосами; изъ нихъ шили юбки.

Въ Плангофѣ на ногахъ костяка лежали мелкія бронзовыя спиральки, когда-то вотканныя въ подолъ юбки¹¹⁶). Въ Цемальденѣ надъ тазомъ женскаго костяка сохранились остатки шерстяной матеріи¹¹⁷). На онучахъ, откопанныхъ въ Люцинѣ, въ женской могилѣ¹¹⁸), нынѣ хранимыхъ въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ,—на одной отпечтался орнаментъ кольчужекъ юбки, на другой еще сохранился кусокъ потемнѣвшей коричневой кольчужной ткани юбки, а тамъ, гдѣ она сгнила—ея отпечатокъ. Ткань покрывала онучу сверху, снизу и съ вѣшняго бока. Какъ показываетъ приложенный рисунокъ онучи (см. рис. XXXVIII), юбка была довольно короткая: на 25—26 сантиметровъ ниже колѣна. Кольчужный орнаментъ юбки состоялъ изъ полосы параллельныхъ спиралей, двухъ сантиметровъ длины, и изъ разсыпанныхъ по всей ткани кольчужекъ, 8 мм. длины и такого же діаметра.

Въ другой женской могилѣ, въ Люцинѣ, на колѣняхъ лежала кольчужная ткань, у пояса пряжка¹¹⁹), въ третьей—у пояса пряжка и остатки кольчужной ткани¹²⁰), въ четвертой — на ногахъ широкой кусокъ кольчужной ткани съ спиральной бахромой и съ витою пряжкой на одномъ концѣ¹²¹). Последнія три находки какъ будто говорятъ о юбкѣ, описанной авторомъ „Des veränderten Russlandes Dritter Theil“ (см. выше): о четырехугольномъ кускѣ матеріи, который обматывался вокругъ бедеръ и сбоку застегивался пряжкой; около поясицы его придерживалъ поясъ, у дѣвиць (по Меркелю, см. выше) украшенный бубенчиками или побрякушками¹²²).

О н у ч и .

Онучи нынѣ уже не носятъ, ихъ замѣнили чулки и носки¹²³); но объ онучахъ говорить народная пѣсня:

„Baltus autus kajas avu,

Baltu mavu snateniti;

Tam puisam žel dariju,

Kas man mazu nicinaja“¹²³)

(Обула я ноги въ бѣлыя онучи, обвязала бѣлымъ шнуркомъ; тому парню жалко стало, кто меня малую презиралъ),—мы слышимъ, что онучи были бѣлаго цвѣта.

Найденныя въ Люцинѣ¹¹⁸) онучи (см. рис. XXXIX) имѣютъ видъ полоски изъ плотной шерстяной матеріи до 3 вершковъ ширины, облегающей ногу вкось и мѣстами скрѣпленной въ этомъ положеніи шнуромъ. Шнуръ (современное „preevite“) весьма нѣженъ, мягокъ и сплетенъ изъ двухъ скрученныхъ шнуровъ. Какъ былъ цвѣтъ онучей, трудно установить въ виду того, что онѣ потемнѣли. Но подъ онучами (теперь хранимыми въ Историческомъ музеѣ) я нашелъ небольшой кусочекъ матеріи такого же характера и толщины, какъ онѣ: цвѣтъ его грязновато-бѣлый. Очевидно, это оторвавшійся кусочекъ отъ онучи и онѣ также были бѣлаго цвѣта, какъ о нихъ рассказываетъ и выше приведенная народная пѣсня. Онучи носились почти до колѣнъ, какъ это видно также и на рисункѣ Hupel'a¹²⁴).

Красивымъ считалось имѣть бѣлыя онучи при коричневомъ костюмѣ:

„Araivos baltas kajas

Pee bruneem (melneem) lindrakeem;

Jauni puīši no rakatas

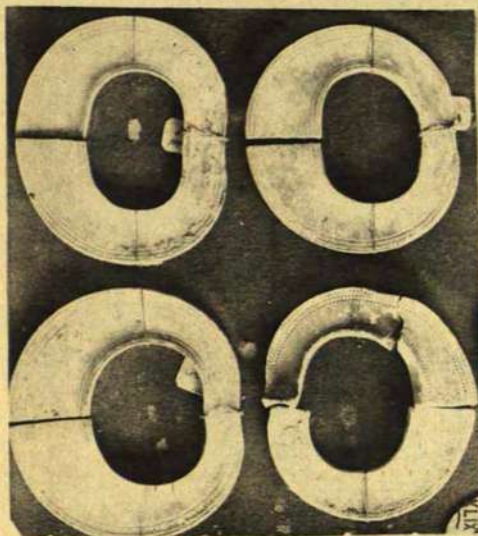
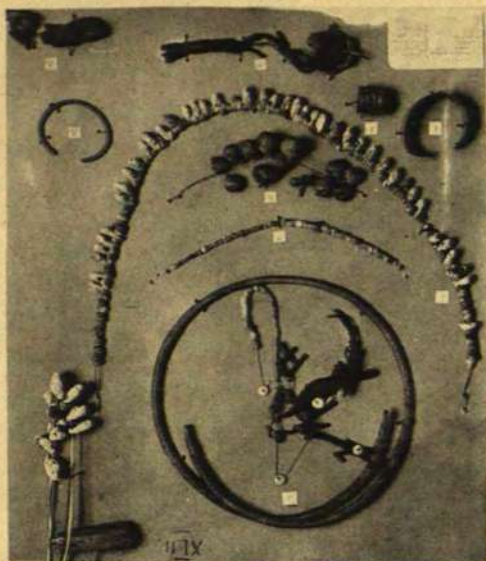
Zobus veen klabinaja“¹²⁵)

(Одѣла я бѣлыми ноги, одѣла коричневую (черную) юбку; у парней глаза загорѣлись).

О б у в ѣ .

Обуви въ могилахъ нигдѣ не найдено. Воў¹²⁶) высказываетъ предположеніе, что древними цемальденскими латышами носились легкіе плетеные лапти изъ лыка, которые скрѣплялись, подобно современнымъ латышскимъ пасталамъ, тонкими кожаными ремнями. Крузе¹²⁷) тоже высказывается въ пользу кожаныхъ или лыковыхъ лаптей, такъ какъ современные ему крестьяне Прибалтійскаго края (кромѣ живущихъ на островахъ Эзель и Дагденъ) носили пасталы („Basteln“), вырѣзанныя изъ одного куска кожи или плетеныя изъ лыка.

Безъ сомнѣнія, самая старинная и простая обувь въ латышскомъ краѣ—лапти: башмаки и сапоги латыши надѣваютъ лишь отправляясь на какое-нибудь торжество или въ церковь. Въ преж-

нія времена отправляющіеся въ церковь шли босикомъ или въ лаптяхъ, а сапоги несли въ рукахъ и надѣвали ихъ только передъ входомъ въ церковь.

Изъ лаптей лыковые (изъ ивы и липы) являются болѣе древними¹²⁸). Только съ теченіемъ времени кожаными пасталами вытѣснены липовые лапти, такъ что послѣдніе сохранились только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ достаточно липъ. Между тѣмъ пасталы изъ дубленой или сырой кожи еще повсюду въ употребленіи (= „pastala“).

Форма лаптей почти повсюду одинакова, только носки бываютъ различныя: закругленные или острые.

Народныя пѣсни также поютъ о лыковыхъ лаптяхъ:

„Labak man vize plisa,

Ne ka man aukla truka:

Patj vizu pinejiņa,

Nava auklu vijejiņa“¹²⁹): „лучше бы износились

у меня лапти („vize“), чѣмъ порвались ихъ шнуры; сама плету я лапти, некому скручивать шнуры“.

И: „Adu cimduš, adu zekes

Nevar puru peedarit;

Pinu vizes, viju auklas,

Tad puriņu peelociju“¹³⁰): „вязала перчатки, вяза-

зала чулки, все недостаточно приданаго; плела лапти, скручивала шнуры—наполнялись сундуки“.

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что древніе латыши носили именно лыковые лапти, которые не могли уцѣлѣть въ могилахъ (какъ уцѣлѣли бы башмаки „съ гвоздями или серебряными подковами“, о какихъ мы также слышимъ въ народныхъ пѣсняхъ).

С ю р т у к и.

Сюртуки современныхъ латышей двухъ видовъ—длинные и короткіе¹³¹). Длинные сюртуки по бокамъ имѣютъ складки. Преобладающій цвѣтъ сѣрый; только у курляндскихъ бѣлопашцевъ („konīni“) — бѣлый. Шьются сюртуки изъ сукна; лѣтъ 50—70 тому назадъ они застегивались крючками, теперь — металличе-

скими, латуными или костяными пуговицами. По Крузе¹³²⁾ въ Курляндской губерніи сюртуки голубого или сѣраго цвѣта, снабжены рукавами и опоясываются поясомъ.

Народная пѣсня рассказываетъ:

„Divi veen mes baliņi,
Abi veenu leelumiņu.
Pirksim veenus brunus svarkus
Abi lidzi valkasim“¹³³⁾, или:

„Divi veen mes baliņi,
Abi veenu leelumiņu.

Velkam veenus brunus svarkus,

Jožam veenu zobeniņu“¹³⁴⁾ — „насъ только два

брата, оба мы одного роста; оба одѣваемъ одинъ и тотъ же коричневыи сюртукъ, опоясываемся однимъ и тѣмъ же мечемъ“.

Въ могилахъ часто находятъ на груди, рукахъ и надъ тазомъ мужскихъ костюмовъ уже описанную кольчужную ткань; иногда сохранились цѣлыя рукава, поверхъ которыхъ надѣты иногда браслеты; на поясицѣ лежитъ поясъ; воротъ застегнутъ пряжкой¹³⁵⁾. Кольчужная ткань, опоясанная поясомъ, доходитъ до колѣнъ и здѣсь оканчивается спиральною оторочкою. Рукава покрываютъ локтевую кость и иногда украшены изящнымъ богатымъ орнаментомъ изъ кольчужекъ¹³⁵⁾.

Отсюда выводъ, что сюртуки древнихъ латышей шились изъ кольчужной ткани и не многимъ отличались отъ современныхъ; какъ послѣдніе, имѣли длинныя рукава, опоясывались ремнемъ, но вмѣсто пуговокъ застегивались пряжкой, такъ какъ не имѣли разрѣза до низа.

Въ Люцинѣ—это были длинныя или короткія рубахи, надѣваемые черезъ голову, застегиваемыя у ворота небольшою пряжкой и перехваченныя кожанымъ поясомъ¹³⁶⁾.

Такія рубахи-сюртуки мы уже видѣли у Hupel'a и Меллина. На рисункѣ Р. Зарина грудь сюртука вышита; вотканныя спирали найдены здѣсь и въ могилахъ.

Такіе сюртуки-рубахи изъ кольчужной ткани весьма высоко цѣнились древними и служили богатою добычею врагамъ: „Веко узналъ князя Лембита, убилъ его и похитилъ одежду“,—рассказываетъ намъ Генрихъ Латышъ¹³⁷⁾.

Прим.: Весьма интересно, что подобнаго рода одежда носилась въ Прибалтійскомъ краѣ уже въ II—IV столѣтіяхъ; въ Сантенѣ, Курл. губ., на границѣ Земгаліи, была откопана проф. Гаусманомъ могила, относящаяся къ этому времени: въ ней нашли трупъ взрослого мужчины, одѣтаго въ шерстяную одежду, съ богатыми украшеніями и оружіемъ; рубаха была застегнута пряжкой¹³⁸).

Мужскіе жилеты и женскія кофты.

Жилеты изготовляются изъ такой же матеріи, какъ и сюртуки. Богатые крестьяне носятъ жилеты изъ дорогой матеріи и нерѣдко ихъ вышиваютъ. Чтобы похвастаться своимъ богатствомъ, раньше иные надѣвали по нѣсколько жилетовъ— „veste“¹³⁹).

Кофты бываютъ или съ рукавами и со складками на спинѣ, или безъ рукавовъ. Въ первомъ случаѣ складки подбиты красною матеріею и имѣютъ значеніе: у служанокъ такихъ складокъ не больше 5, у хозяекъ же до 12. Во второмъ случаѣ по бокамъ кофты—по двѣ складки, вышитыя пестрою шерстью¹⁴⁰).

Носились ли жилеты и кофты, составляющіе необходимую принадлежность національнаго костюма современныхъ латышей, опубликованнаго костюмною комиссіею V латышскаго пѣвческаго праздника¹⁴¹), — также и въ IX—XIII вѣкахъ, рѣшить трудно. Очень можетъ быть, что нѣтъ: жилеты, очевидно, продуктъ нѣмецкаго вліянія; кофты съ рукавами носятъ только въ сѣверной и западной части Лифляндской губерніи; кофты безъ рукавовъ встрѣчаются въ Лифляндской губерніи рѣже, чѣмъ въ Курляндской. Сами ихъ названія не всѣ латышскія, напр.: „libk'ens“, „kamzols“, „vamzis“, „lamzis“, „jaka“ и „veste“.

Но—въ Цемальденѣ, въ могилѣ № 22 (женской), на груди костяка лежали куски кожи и матеріи¹⁴²), въ Люцинѣ, въ могилѣ II, 63,—мѣховой воротникъ¹⁴³): можетъ быть это остатки женской кофты—„neeburs“?

Накидки—„vilaine“.

Самую типичною частью латышскаго національнаго костюма является—накидка¹⁴⁴). Это большой четырехугольный платокъ, ко-

торый набрасывается на плечи и застегивается или на груди или на правомъ плечѣ большою разукрашеною камнями серебряною пряжкой. Онъ по большей части изъ шерстяной матеріи, нерѣдко съ бахромой, съ вытканными или вышитыми узорами по краямъ и иногда разукрашенъ латунными спиралями, цѣпочками и блестками. Послѣдняго вида платокъ былъ доставленъ въ 1896 году на латышскую этнографическую выставку въ г. Ригѣ. Крузе также рассказываетъ о подобной разукрашенной бронзовыми побрякушками и бубенчиками накидкѣ изъ плотной шерстяной ткани у гольдингенскихъ латышекъ. Съ большою любовью говорить о накидкѣ народная пѣсня, называя ее, по большей части, бѣлою:

„Balta eeva kalniņā,
Vel baltaka lejiņā;
Baltu sedzu vilainiti
Vel baltaka puriņā“¹⁴⁵)

(Бѣлая черемуха стоитъ на холмѣ, другая, еще бѣлѣе, — на равнинѣ; бѣлая накидка у меня на плечахъ, другая, еще бѣлѣе, — въ сундукѣ).

На накидкѣ красные узоры:

„Balta mana vilainite,
Sarkaneem rakstiņeem;
Sarkans mans vainadziņš,
Sudrabiņa lapiņam“¹⁴⁶)

(Бѣлая моя накидка, съ красными узорами; красный мой вѣнокъ, съ серебряными листочками). Излюбленною была бѣлая накидка при коричневой юбкѣ:

„Gadajeet baleliņi,
Nav man teva gadataja,
Gadajeet brunus svarkus
Pee baltas vilnainites“¹⁴⁷)

(Заботьтесь обо мнѣ, братья, вѣтъ у меня отца, который бы обо мнѣ заботился, приготовьте для меня коричневую юбку съ бѣлой накидкою). Но накидка могла быть и красной, какъ цвѣтокъ мака:

„Aitiņ manu, vilniņ tavu,
Mamiņ, tavu darijumu!

Ka abeli sagšu sedzu,
Ka magoni vilnainiti“¹⁴⁸)

(Овечки моей — шерсть, матери — работа; то накрываюсь я бѣлою, какъ яблоня, накидкою, то — красною, какъ макъ); иногда украсалась металломъ:

„Peecu braļu masa bijū,
Peecas sedzu vilainites,
Lai spideja sturišos
Peecu braļu sudrabiņš“

(Было у меня пять братьевъ, было у меня пять накидокъ; пусть блеститъ въ уголочкахъ накидокъ серебро моихъ братьевъ), и:

„Man bij veena villainite
Ozoliņa smagumā;
Vel dzinas baleliņi
Sturōs kalt sudrabiņu“

(У меня была одна накидка, но тяжелая какъ дубъ; и еще готовились братья въ уголки вковать серебро). Въ дождливую погоду надѣвалась сѣрая накидка:

„Kada kura deena bija,
Tadu sedzu vilainiti:
Saules deenu baltu sedzu,
Leetus deenu peleko“¹⁴⁹⁾

(Какова погода, такова — накидка: при солнцѣ — бѣлая, при дождѣ — сѣрая). Въ болѣе позднее время „vilaine“ встрѣчалась и клѣтчатая¹⁴⁴⁾.

Накидка являлась принадлежностью національнаго костюма, какъ женскаго, такъ и мужскаго¹⁵⁰⁾ (: „ganam audu villainiņu“ — для пастуха твала накидку¹⁵⁰⁾) уже въ древнѣйшія времена. Въ Ронненбургъ-Странте¹⁵¹⁾ была найдена весьма богатая накидка изъ толстой шерстяной матеріи. Спускающийся по груди край накидки былъ украшенъ богатымъ орнаментомъ изъ бронзовыхъ кольчужекъ треугольниками, по всей накидкѣ были разбросаны гнѣздами по 4 кольчужки. Подолъ накидки былъ украшенъ вотканными спиралями и шерстяною бахромой. Остатки такой же накидки лежали въ мужской могилѣ въ Голговскомъ¹⁵²⁾. Въ Ауленбергъ-Кеверъ надъ шейной гривной были найдены куски коричневой накидки¹⁵³⁾. Въ Лаунекальвѣ пасторъ Vierhuff нашель (повидимому

въ женской могилѣ) около головы костяка сложенную накидку, богато украшенную бусами, раковинами и спиралями¹⁵⁴). Куски шерстяной накидки съ пряжкой лежали на груди мужского костяка въ Стаббенѣ, а также и подъ нимъ¹⁵⁵). Въ Цемальденѣ накидки были изъ кольчужной ткани¹⁵⁶), такія же въ Люцинѣ, гдѣ онѣ иногда украшались бахромой и пластинчатыми подвѣсками и покрывали нерѣдко даже и голову (сравни. описаніе Hupel'a)¹⁵⁷).

Въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ я встрѣтилъ два куска шерстяной матеріи изъ Люцина: одинъ—съ кольчужками, полосой изъ спиралей и бахромой, другой—безъ кольчужекъ, но съ бахромой (см. рис. XL). Послѣдній (хотя сильно пострадалъ отъ времени), кажется, былъ когда-то бѣлымъ; теперь онъ—грязно-сѣрый. Такъ какъ ни на одной части костюма, кромѣ накидки, не бывало бахромы, то думаю, что эти два куска именно части таковой. Кольчужная ткань перваго куска — общаго характера съ уже описанными тканями; другой кусокъ—это діагональная матерія, нижній край которой сотканъ изъ 4 шнуровъ и заканчивается бахромой, длиною въ 7 см. — Вообще, остатки накидокъ найдены почти во всѣхъ могильникахъ латышскаго края. Онѣ повсюду застегиваются подковообразною пряжкой — или на плечѣ, или на груди, и согласно съ этимъ, очевидно, были двухъ видовъ, какъ и современные накидки. Накидка перваго вида („vilaine“, „vilnaine“) застегивалась на правомъ плечѣ и рѣдко на груди. Ее набрасывали такъ, что ея середина приходилась подъ лѣвою рукою, а углы застегивались на правомъ плечѣ пряжкой. Второго вида накидка („sagša“, „seg'ene“) носилась въ видѣ шали на обоихъ плечахъ; если сравнивать ее съ первою, то она или уже или длиннѣе. Эта накидка покрывала спину, шла черезъ плечи и на груди застегивалась пряжкой; такая найдена въ Роннебургѣ-Странте.

Послѣдняго вида накидки, очевидно, болѣе древнія: на это указываетъ ихъ названіе „sagša“, „seg'ene“, отъ глагола „segt“ = покрывать, накрывать. Пряжка, которою застегивается накидка, называется „sakte“.

Пояса.

Въ новѣйшее время пояса по большей части ткуются изъ льна или шерсти (на специально для этого изготовленномъ станкѣ) и достигаютъ до 10 дюймовъ ширины. Но встрѣчаются и металлическіе, разукрашенные разноцвѣтными камнями и привѣсками ¹⁵⁸). На латышской этнографической выставкѣ въ Ригѣ въ 1896 г. можно было видѣть поясъ изъ латунной цѣпи съ длинною, широкою пряжкой, ременной поясъ съ латунною пряжкой и поясъ изъ оленьей шкуры съ широкою пряжкой ¹⁵⁹). Ременной поясъ съ пряжкой мы видѣли на рисункахъ Меллина и Нурел'а. Меркель рассказываетъ, что дѣвѣцы на поясѣ носили бубенчики; это подтверждаетъ и народная пѣсня:

„Diklo daklo
 „Par istabiņu,
 „Kam brali nepirka
 „Vizuļa kroņa,
 „Vizuļa kroņa,
 „Zvarguļa jostas.
 „Vizuļa kronis
 „Spidet spideja,
 „Zvarguļa josta
 „Skānet skaneja“ ¹⁶⁰).

Въ могѣлахъ около поясицы часто находятъ пояса, отдѣланные бронзою ¹⁶¹): они украшены бронзовыми пластинками, палочками, кольцами, бубенчиками и снабжены пряжкой ¹⁶²); такъ въ Пуссенѣ, Иленѣ, Дюнгюфѣ, Альтъ-Раденѣ, Цемальденѣ и Кронсъ-Зессау (къ югу отъ Двины), Гульбернѣ, Фистеленѣ, Игулѣ, Голговскомѣ, Кайпенѣ, Странте, Викснасъ, Кеверѣ, Пebaльгѣ и Люцинѣ (къ сѣверу). Поясъ по преимуществу украшеніе мужское; на немъ, на лѣвомъ или правомъ боку, часто виситъ кинжалообразный ножъ въ деревянныхъ ножнахъ, покрытыхъ кожею и обитыхъ бронзовыми пластинками, иногда посеребренными.

Въ Цемальденѣ ременной поясъ отличался весьма красивымъ орнаментомъ на бронзовыхъ посеребренныхъ пластинкахъ, съ

кольцами и запорами изъ того же металла; около него лежалъ бубенчикъ ¹⁶³). Въ другой могилѣ лежала бронзовая оковка ремня, 7 четырехугольныхъ палочекъ съ пуговкообразными концами. Палочки 4 см. длины и на концахъ пробуравлены; здѣсь сохранилась кожа, прикрѣпленная бронзовыми штифтиками ¹⁶⁴). На третьемъ поясѣ ¹⁶⁵) на крючкахъ при искусно сдѣланныхъ и со-

Ашерадень: ножны для кинжала.

единенныхъ по нѣсколько вмѣстѣ бронзовыхъ спиралейхъ и пластинокъ висѣли деревянные ножны, покрытыя кожей и украшенныя бронзовыми спиралями; въ нихъ—длинный кинжалообразный ножъ. На поясѣ же здѣсь висѣлъ на цѣпочкѣ точильный камень, про-

Люцинъ: кусокъ кожаного пояса (И. Р. И. М.).

буравленный на одномъ концѣ ¹⁶⁶). Въ Люцинѣ, наряду съ болѣе или менѣе узкими ремнями съ литыми запорами, встрѣчаются большіе богато обитые бронзою кожаные пояса. Они сработаны изъ тонкой кожи, такъ что приходилось складывать ее вдвое и прокладывать поясъ внутри нѣсколькими лентами бересты; укра-

шны пояса бронзовыми бляшками, кольцами, пряжкой и подвѣсками въ видѣ бубенчиковъ или пластинокъ¹⁶⁷). На такихъ поясахъ иногда висѣли деревянные ножны, обтянутыя кожей, которыя съ одного бока имѣли особую мѣдную оковку, состоявшую изъ 3 частей: гладкаго носка, нѣсколькихъ промежуточныхъ пластинокъ, расположенныхъ по шву, и крѣпкой, красиво и оригинально орнаментированной пластинки, снабженной ушкомъ для кольца, помощью котораго ножны прикрѣплены къ поясу; въ ножнахъ—кинжалообразный ножъ 27 сант. длины. Иногда встрѣчались ножи всего въ 12 сант. длины съ рукояткой изъ двухъ скрѣпленныхъ мѣдными гвоздиками деревянныхъ половинокъ. Здѣсь же, въ женской могилѣ П. 12¹⁶⁸), лежалъ поясъ, унизанный бляшками, съ пластинчатою подвѣскою; но вообще въ люцинскихъ женскихъ могилахъ, чаще на лѣвомъ боку, встрѣчается только одно шило, прикрѣпленное на бронзовой пѣпочкѣ: очевидно, въ

Игуль: оковка пояса.

послѣднемъ случаѣ шило висѣло на шерстяномъ поясѣ, который сгнилъ. Богатый обитый бронзою кожаный поясъ лежалъ въ могильникѣ усадьбы Массули¹⁶⁹); его украшали четырехугольныя пуговицы съ орнаментомъ въ видѣ листьевъ, сложенныхъ крестъ на крестъ. Въ ножнахъ при поясѣ находился ножъ съ деревянною рукояткою изъ двухъ скрѣпленныхъ вмѣстѣ пластинокъ. Поясъ изъ тонкой кожи, проложенный внутри нѣсколькими лентами бересты, украшенный бронзовыми пластинками и кольцами, былъ найденъ въ Гульбернѣ¹⁷⁰). Весьма красивый поясъ¹⁷¹), украшенный пластинками, зубчатыми (зубцы въ видѣ треугольниковъ) по нижнему краю, былъ откопанъ въ Роннебургѣ-Странте; кожаный поясъ съ четырехугольными бронзовыми пуговками въ два ряда—въ Стаббенѣ¹⁷²). Но самое излюбленное изображеніе на бронзо-

выхъ бляшкахъ—это небольшія выдавленные лошадки; такія встрѣчаются: въ Икулѣ, Фистеленѣ, Голговскомъ и др.¹⁷³).

(Прим.: Въ Имп. Росс. Историческомъ музеѣ имѣется нѣсколько кусковъ пояса изъ Люцина: береста шириною въ 4 сантим. обшита съ краевъ лентою весьма тонкой кожи; на нее надѣты бронзовыя четырехугольныя пластинки, концы которыхъ загнуты въ видѣ крючковъ; пластинки, не считая загиба, на 7 мм. длиннѣ бересты и прикрѣплены 4 бронзовыми штифтиками. Люцинскіе узкіе ремни имѣють запоры почти современной формы).

Согласно даннымъ профессора Гаусмана пояса носились только мужчинами¹⁷⁴), но этому противорѣчатъ выше приведенныя этнографическія данныя и то обстоятельство, что въ женскихъ могилахъ на соответствующемъ мѣстѣ найдены пряжка¹⁷⁵), а на боку ножъ и шило на цѣпочкѣ. Кромѣ того въ Люцинѣ въ женской могилѣ (см. выше) найденъ поясъ съ подвѣсками. И если въ другихъ мѣстахъ пояса пока еще не откопаны въ женскихъ могилахъ, то на чемъ же висѣли шилья и ножи, для чего пряжки? Можетъ быть латышки носили тканые пояса, какіе описаны Нурел'омъ? Я лично въ виду того, 1) что народныя пѣсни рассказываютъ о поясахъ, какъ женскомъ украшеніи, 2) что Меркель приводитъ весьма древній обычай, что женщины до рожденія перваго сына должны были носить пояса съ бубенчиками, 3) что пояса съ бубенчиками и пластинчатыми подвѣсками вообще найдены, 4) что на соответствующемъ мѣстѣ найдены пряжки, 5) что шилья и ножи на чемъ нибудь должны были висѣть,—думаю, что и латышки носили пояса, какъ шерстяные, такъ, можетъ быть, и кожаные, только послѣдніе не были украшены бронзовыми бляшками, предохраняющими отъ гніенія. Крузе также утверждаетъ, что женщины носили пояса¹⁷⁶). Народная пѣсня говоритъ:

„Pirc, braliti, platu jostu

„Lai masiina teeva aug!“ — „купи, братъ, широкій поясъ, чтобы сестра твоя стройно росла“, и:

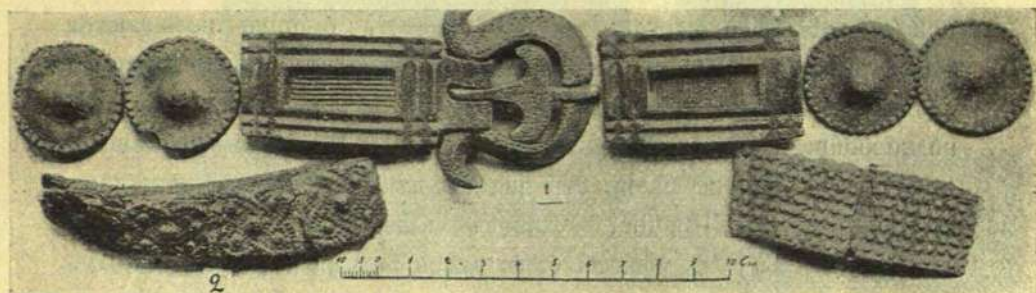
„Saimneeka meita biju.

„Gaju ganu pavadit.

„Kurpes gaja kripu, krapu,

„Zelta josta švingu, švangu“¹⁷⁷): „я дочь домо-

хозяина, пошла провожать пастуха; башмаки мои стучали, золотой пояс звенѣлъ“.

Кайпенъ: поясъ.

Пряжки.

Самое распространенное женское украшеніе при современномъ національномъ костюмѣ—это своеобразныя брошки—„sakte“; большія изъ нихъ употребляются для застегиванія накидокъ, меньшія—для застегиванія воротника рубахи. Онѣ бывають иногда весьма изящны; часто встрѣчаются дорогія серебряныя вѣсомъ въ фунтъ, а то и больше. По формѣ онѣ весьма разнообразны, но преобладають кольцеобразныя, которыя бывають гладкія, шероховатыя, украшенныя пуговками, красными и зелеными камнями¹⁷⁸). Серебряныя кольцеобразныя „sakte“ имѣють иногда до 18 зеленыхъ и красныхъ камней, по числу которыхъ опредѣляется цѣна брошки: по талеру (120 коп.) за каждый камень. Встрѣчаются брошки цѣною до 80 рублей. Иногда ихъ носятъ по нѣскольку: въ срединѣ большой кольцеобразной прищипливается другая поменьше, въ послѣдней еще поменьше и т. д., такъ что наконецъ наполняется вся середина кольца.

По Arndt'у въ 18 столѣтіи „большія, круглыя серебряныя брошки, которыми латышки застегивали рубашки и накидки, назывались „Oeseringe“¹⁷⁹). Генрихъ Латышъ рассказываетъ, что латышскій князь Таливальдъ предложилъ эстамъ въ качествѣ выкупа 50 озеринговъ, прибавивъ, что пусть его убьютъ, но всѣхъ своихъ денегъ онъ имъ не отдастъ¹⁸⁰).

Не являются ли этими озерингами столь часто находимыя въ латышскихъ могилахъ подковообразныя пряжки? Теперь цѣнность брошекъ опредѣляется числомъ красныхъ и зеленыхъ камней — безцѣннаго стекла; въ 18 столѣтіи брошки называются озерингами; въ XIII столѣтіи озерингами платять; форма брошекъ сходна съ формой подковообразныхъ пряжекъ. — По Аспелину ¹⁸¹⁾ подковообразными пряжками изобилуютъ Прибалтійскія провинціи; отсюда эта форма распространилась къ восточнымъ финскимъ племенамъ и въ Швецію. Булавокъ въ латышскомъ краѣ найдено весьма немного ¹⁸²⁾; можетъ быть здѣсь родина подковообразныхъ пряжекъ на сѣверѣ: онѣ у латышей самое распространенное украшеніе, необходимая часть костюма и служили монетой при мѣн-ной торговлѣ.

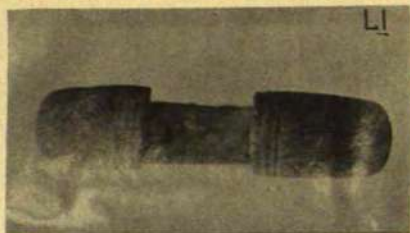
Вотъ описаніе ¹⁸³⁾ латышскихъ пряжекъ (см. рис. XLI): „Это кольцо, въ діаметрѣ отъ 3 1/2 до 10 см., разомкнутое въ одной части и снабженное съ боку передвижной иглой. Кольца обыкновенно гладкія, сплюсненныя (въ поперечномъ сѣченіи миндалевидныя), иногда витыя или обработанныя на грани, всегда орнаментированныя узоромъ: плетенымъ, точечнымъ, кружковымъ, зубчатымъ, линейнымъ или точечными рубчиками. Несомкнутыя части колець оканчиваются головками: гранчатыми, шаровидными, пластинчатыми, перегнутыми, или спиральнымъ завиткомъ или въ видѣ головки мака, звѣря или хвоста рыбы. Также и головки украшены орнаментомъ, по большей части кружковымъ, иногда свастикой. Пряжки бываютъ бронзовыя, желѣзныя, а иногда серебряныя, посеребренныя и позолоченныя“.

Носились онѣ женщинами и мужчинами и въ могилахъ были находимы на груди, шеѣ и поясѣ ¹⁸³⁾.

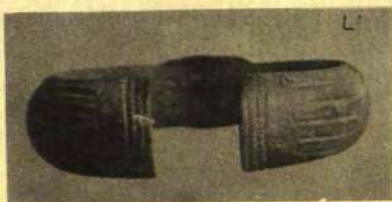
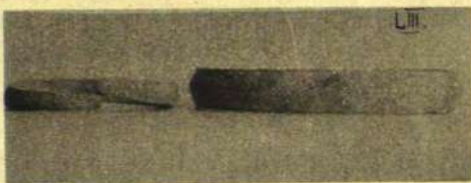
Шейныя, нагрудныя и ручныя украшенія.

Выше названныя три вида украшеній не являются непременной принадлежностью древняго латышскаго костюма, почему я намѣренъ о нихъ говорить въ отдѣльной главѣ. Но все же я считаю нужнымъ дать здѣсь хоть краткое ихъ описаніе.

Древніе латыши и латышки любили шейныя украшенія.

Case XXXV

„Es savōs baliōs

„Skanedama veen staigaju:

„Skan zilites, skan krelites,

„Skan vizuļu vainadziņš“¹⁸⁴)— „я среди братьевъ

своихъ стояла звенящая, звенѣло ожерелье (цѣпочки?), звенѣли бусы, звенѣлъ вѣнокъ съ металлическими цвѣточками“, говоритъ въ народной пѣснѣ дѣвица.

Обычно носили нѣсколько гривенъ. Еще встрѣчаются, какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ могилахъ, ожерелья изъ раковинъ, бусъ, цѣпи изъ мелкихъ и крупныхъ колецъ.

Бусы изъ стекла не представляютъ отличій сравнительно съ извѣстными изъ раскопокъ въ Россіи. Онѣ преимущественно сдѣланы изъ синяго, бѣлаго и зеленого стекла. Встрѣчаются также бусы изъ такъ называемаго византійскаго стекла; кромѣ того бываютъ бусы изъ янтаря, глины, бронзы, серебра, пасты и кости¹⁸⁵). Ожерелье изъ пестрыхъ бусъ лежало въ Роннебургѣ-Странте¹⁸⁶). Въ Люцинѣ были найдены крупныя граненныя блѣдно-синія, серебристыя и золотистыя круглыя¹⁸⁷). Въ Кайпенѣ, въ женской могилѣ лежало ожерелье изъ янтарныхъ и глиняныхъ бусъ, спиралей и колокольчиковъ¹⁸⁸).

Ожерелье изъ раковинъ лежало въ Голговскомъ¹⁸⁹). Въ Дранкенскомъ могильникѣ я нашелъ весьма большое ожерелье изъ раковинъ, стеклянныхъ и янтарныхъ бусъ (см. рис. XLII). Также и въ Люцинѣ раковинныя ожерелья изготовлялись почти всегда съ прибавленіемъ: мѣдныхъ кольчужекъ, стеклянныхъ и бронзовыхъ бусъ, спиралей, бубенчиковъ, пластинчатыхъ подвѣсокъ, и украшались подвѣсками въ видѣ утокъ, собачекъ, крестовъ, медвѣжьихъ и бараньихъ зубовъ и костей¹⁹⁰). Въ Плангофѣ богатое раковинное ожерелье, съ бусами, съ мелкими спиральми, было нанизано на шерстяныя нитки¹⁹¹).

Шейныя цѣпи по большей части изъ крупныхъ или мелкихъ дорожчатыхъ колецъ. Такія были найдены въ Клауэнштейнѣ¹⁹²), Кайпенѣ¹⁹²), въ Люцинѣ¹⁹³), гдѣ другая цѣпь состояла изъ пластинчатыхъ колецъ, украшенныхъ выпуклою бороздкою¹⁹³). Дорожчатая цѣпь была найдена въ Кокенгузенѣ¹⁹⁴); она состояла изъ 18 колецъ. Въ Голговскомъ на такой цѣпи висѣлъ крестъ¹⁹⁵).

Въ Клауэнштейнѣ¹⁹⁶⁾ и Стаббенѣ¹⁹⁷⁾ лежала цѣпь изъ бронзовыхъ спиралекъ въ 2—3 ряда, нанизанныхъ на шерстяныя нитки.

Между тѣмъ какъ раковины и бусы носились также и мужчинами, шейныя цѣпи—украшеніе только женское.

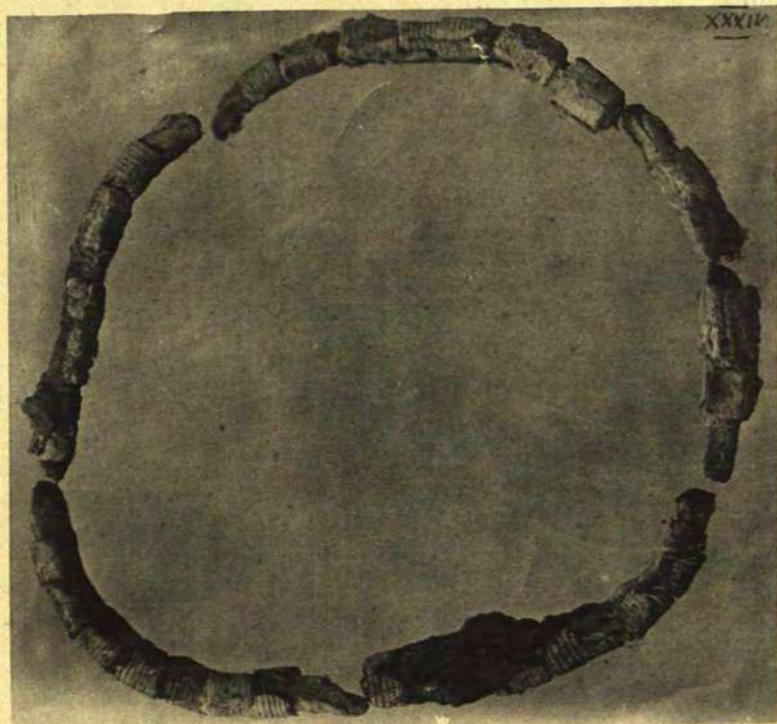
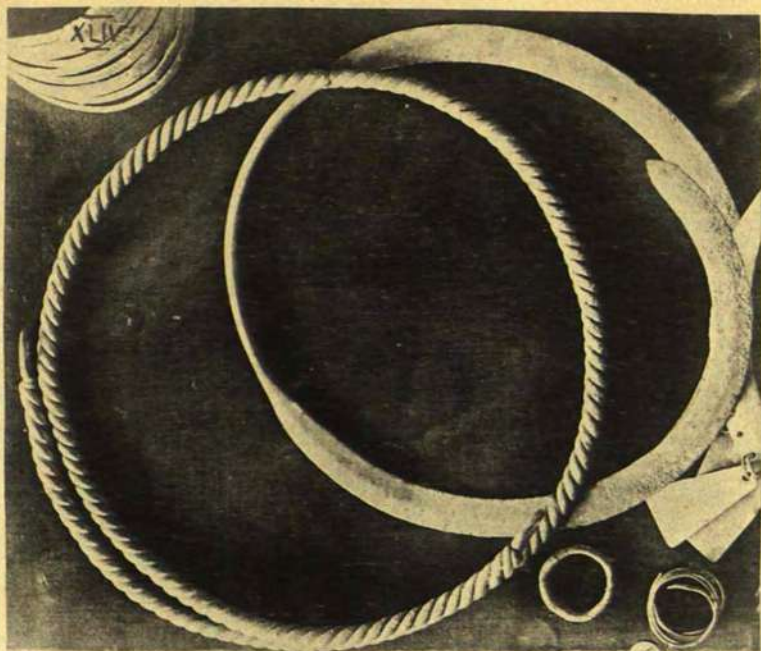
Шейныя гривны¹⁹⁸⁾, пережитки которыхъ сохранились въ описанномъ накладномъ воротникѣ, преимущественно женское украшеніе и по величинѣ дѣлятся на 2 группы: массивныя и средней величины. Гривны первой группы оканчиваются ориги-

Кайпенъ: шейная цѣпка.

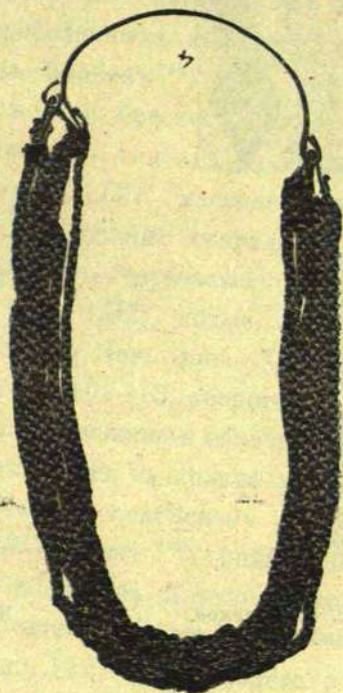
нальными петлями, въ видѣ сгиба на одномъ концѣ и булавъ на другомъ (см. рис. XLV). Или же онѣ бываютъ съ заходящими слегка другъ за друга концами, оканчивающимися рѣпчатовидными шишечками, одной на одномъ концѣ и 2 или 3 на другомъ (см. рис. XLV). Иногда онѣ оканчиваются петлями (см. рис. XLV) или тупыми пропиленными четырехугольными стержнями. Всѣ эти 4 типа гривень бываютъ или витыя или же въ продольномъ разрѣзѣ кольца имѣютъ миндалевидную форму и по всему протяженію украшены рубчатой нарѣзкой. Гривны второй группы бываютъ или пластинчатая (см. рис. XLIII) или круглая въ разрѣзѣ, гладкія или витыя. Последнія снабжены на концахъ петель и граненой широкой колбочкой, или же сгибнемъ и булавой; или же, наконецъ, онѣ съ тупыми четырехугольными стержнями на концахъ. Пластинчатая часто украшена лодвѣсками (см. рис. XLV).

Пластинчатая шейныя гривны съ пластинчатыми подвѣсками и бубенчиками были находимы Крузе въ мужскихъ и женскихъ

могилахъ; въ Роннебургѣ, въ мужской могилѣ, лежала витая гривна¹⁹⁹). Въ Ауленбергѣ-Кеверъ пластинчатая гривна имѣла 64 подвѣски; ее украшалъ весьма нѣжный узоръ змѣйкой²⁰⁰). Такая же вмѣстѣ съ другой, витой, лежала въ Роннебургѣ-Странте²⁰¹). Также и въ Люцинѣ встрѣчалось иногда въ одной могилѣ нѣсколько гривенъ²⁰²). Въ Цемальденѣ, въ мужской могилѣ, лежали 4 гривны, связанные вмѣстѣ проволокой²⁰³). Въ Голговскомъ женскій костякъ украшали 3 витыя и одна пластинчатая гривна съ подвѣсками²⁰⁴).

Кромѣ уже описанныхъ шейныхъ цѣпей носились нагрудныя цѣпочки 3 видовъ. Женщины носили нѣсколько мелкихъ и

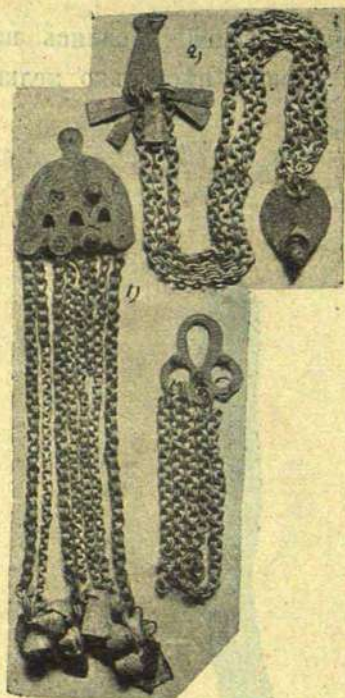

Альтъ-Пебальтъ: женскія нагрудныя цѣпочки*).

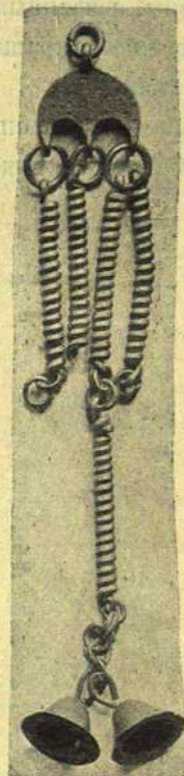
длинныхъ цѣпочекъ, прикрѣпленныхъ концами къ петлямъ особой пластинки, плотно облегающей сзади шею *).

Пластинку иногда замѣняла толстая проволока (см. рис. XLIV); къ цѣпочкамъ прикрѣплялись подвѣски въ видѣ бубенчиковъ, гребешковъ и др. По проф. Гаусману описанное нагрудное украше-

не является типичнымъ для женскихъ могилъ латышскаго края²⁰³). Въ Люцинѣ, гдѣ всего найдено 7 такихъ уборовъ, цѣпочки были составлены изъ проволочныхъ колець, а одна изъ нашейныхъ пластинокъ украшена серебромъ²⁰⁶). Весьма роскошный экземпляръ былъ найденъ въ Гульбернѣ²¹⁰) и Луббенгофѣ, гдѣ откопавшими его крестьянами онъ былъ принятъ за брони²⁰⁷).

1. Ауленбергъ-Кеверь, 2. Голговское,
3. Ашераденъ: нагрудныя цѣпочки.

Нагр. цѣпочка изъ
Зербена.

Цѣпочки второго вида¹) носились мужчинами и женщинами: это довольно длинныя цѣпочки, прикрѣпленныя къ какой-нибудь бляшкѣ; послѣдняя чаще всего имѣла видъ полумѣсяца, иногда была ажурная, иногда украшалась особыми пуговками. На цѣпочкахъ висѣли бубенчики и пластинчатые подвѣски. Бляшка прикрѣплялась къ плечу, иногда пряжкой²⁰⁸). Въ Люцинѣ бляшка была орнаментирована лошадиными головками, другая была—треугольная, по-

серебряная²⁰⁹). Въ Роннебургъ-Странте цѣпочки были 30 см. длины и прикрѣплялись къ ажурной бляшкѣ²¹¹). Въ Голговскомъ женскій костюмъ украшалъ уборъ изъ 6 цѣпокъ съ 6 бубенчиками²¹²); откопавшій его баронъ Менгенъ называетъ его „Halsschmuck“ — шейное украшеніе. Такой же уборъ найденъ въ Лаунекальнѣ²¹³).

Цѣпочки третьяго вида (см. ²)—это уборъ составленный изъ 3—4 короткихъ цѣпочекъ съ какими нибудь подвѣсками, пластинчатыми, бубенчиками, гребешками. При помощи пряжки онъ прикрѣплялся къ правой или лѣвой сторонѣ груди²¹⁴). Приложенный рисунокъ (см. рис. XLVII) показываетъ цѣпочки третьяго вида изъ Люцина, такія же найдены въ Голговекомъ²¹⁵). Кромѣ цѣпочекъ изъ проволочныхъ колечекъ, встрѣчаются — изъ спиралекъ *), такъ въ Зербенѣ²¹⁶).

На рукахъ носили браслеты, иногда по нѣсколько на той и другой. Ихъ нѣсколько типовъ²¹⁷): имѣются массивные кастетообразные (см. рис. XLIX), массивные круглые кольцообразные (см. рис. I и II), массивные спиральные въ 3 оборота съ рѣзко выступающими гранями, трубчатые (см. рис. XLVIII), пластинчатые (см. рис. III и IIII), витые. Сюда же относятся широкіе спиральные наручники (см. рис. XLVIII) изъ длинной мѣдной ленты, свернутой въ 10—13 оборотовъ; далѣе, наручники изъ нѣсколькихъ рядовъ ремешковъ обвитыхъ спиралью, и, наконецъ, браслеты изъ сомкнутыхъ въ кольцо мелкихъ цѣпочекъ въ одинъ рядъ, съ пластинчатыми подвѣсками.

Въ Плангофъ-Маскатъ²¹⁸) спиральный наручникъ лежалъ вокругъ плечевой кости, въ Клаунштейнѣ²¹⁹) и Люцинѣ²²⁰) онъ былъ одѣтъ на локтевую кость. Въ Стаббенѣ²²¹) спиральный наручникъ (см. рис. LIV) былъ найденъ въ дѣтской могилѣ около локтевой кости, около плечевой—два пластинчатыхъ браслета. Наручники носились преимущественно женщинами. Кастетообразные браслеты носились на кисти преимущественно лѣвой руки только мужчинами²²²), такъ въ Люцинѣ, Клаунштейнѣ и Кокенгузенѣ-Айселкѣ. Трубчатые браслеты съ выпуклымъ рубцомъ, выдавленнымъ поперекъ составляющей браслетъ пластинки, носились на кисти той и другой руки, такъ въ женской могилѣ въ

Кокенгузенѣ ²²³), Люцинѣ ²²⁴). Массивные круглые носились на правой рукѣ ²²⁵). Пластинчатые браслеты (см. рис. LV), наружная сторона которыхъ раздѣлена на 2 грани или выпукла и украшена орнаментомъ изъ зубчиковъ, елочекъ и плетенья, или же орнаментирована чешуйчатымъ узоромъ, и которые въ послѣднемъ случаѣ украшены змѣиными головками,—найлены на обѣихъ рукахъ на мѣстѣ пульсовыхъ артерій несомкнутыми концами надъ ними ²²⁶) и носились мужчинами и женщинами. Браслеты носились и дѣтьми. Въ Люцинѣ, въ мужскихъ могилахъ, браслеты лежали надъ шерстянымъ рукавомъ ²²⁷); въ западной части края въ женскихъ могилахъ часто надъ бронзовыми браслетами—спиральными наручниками—были находимы остатки холщевой ткани, очевидно, широкаго рукава кофты-рубашки.

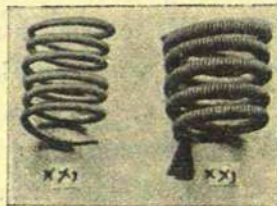

Голговское: перстень.

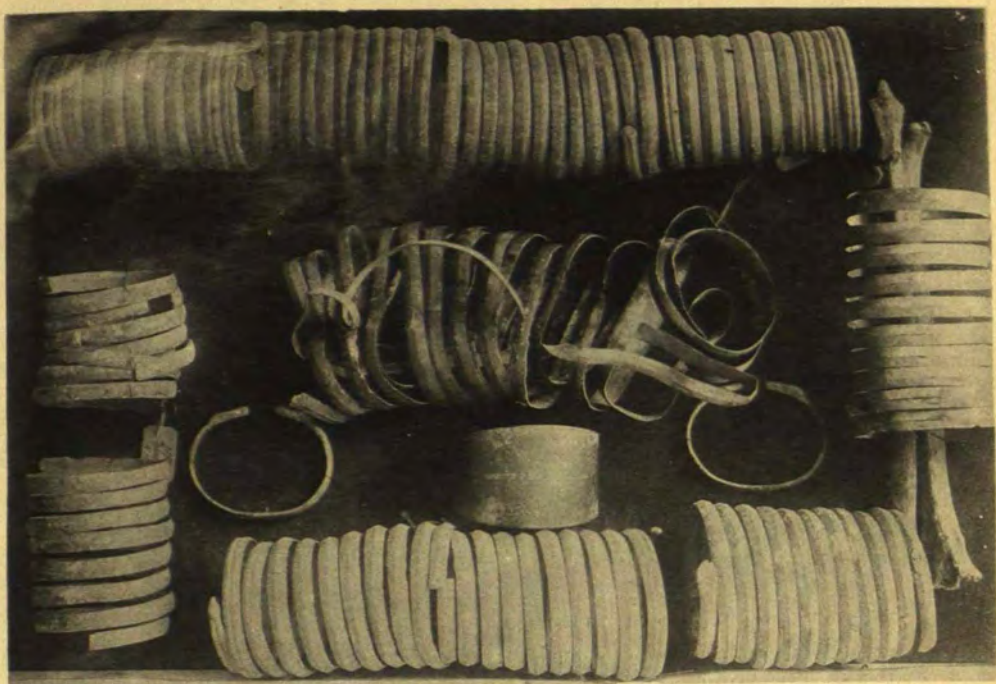
Голговское: перстень витой съ перевитью.

На пальцахъ обѣихъ рукъ мужчинами, женщинами и даже дѣтьми (см. рис. LVI) носились перстни и кольца, спиральные, пластинчатая, витая и круглая въ одинъ оборотъ. Они носились на всѣхъ пальцахъ той и другой руки; въ Люцинѣ въ одномъ

Роннебургъ.

погребеніи нашли 9 колець ²²⁷). Въ Клауэнштейнѣ на лѣвой рукѣ мужск. костяка было спиральное кольцо, тамъ же оно было найдено въ женской могилѣ ²²⁸). Въ другой могилѣ (мужской) спиральное кольцо было на указательномъ пальцѣ, другое, но меньше, на ми-

Бронза. Шпатель. Французская пика

зинцѣ. На правой рукѣ, на мизинцѣ и второмъ пальцѣ лежали кольца въ Кокенгузенѣ-Айселкѣ ²²²).

Изъ перстней витые съ перевитью носились *) латышами еще въ 19 столѣтїи и тогда, согласно словамъ Крузе, они служили талисманами отъ разнаго рода несчастій ²³⁰).

О кольцахъ говорить и народная пѣсня: „выросла я стройная, любимая дочь матери, всѣ пальцы унизаны витыми колечками (спиральными?)“:

„Kad es augu pee mamiņas,
 „Es puīseem žēl dariju:
 „Pili pirksti abas rokas
 „Zelta greezti gredzeniņi“ ²³¹).

Дѣвицы становились на холмики и оттуда скатывали кольца: „куда скатится колечко, тамъ мой суженый“, — поютъ онѣ:

„Kalniņā stavedama,
 „Leja laižu gredzeniņu.
 „Ja rit talu gredzeniņš,
 „Eešu talu tautiņās.
 „Teju pat noriteja
 „Tuvejōs kaimiņōs“ ²³²).

¹⁾ Livländische Reimchronik, v. 346—347.

²⁾ Paul Einhorn, Historia Lettica, Dorpat, 1649, въ Ueber die religiösen Vorstellungen der alten Völker in Liv-und Ehstland, Riga 1857, стр. 24 и 32.

³⁾ Hupel, Topogr. Nachrichten, Bd. II, стр. 150, 152, 154, 156, 165 и 190.

⁴⁾ Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ, изд. В. А. Дашковымъ, книга II, Москва, 1873, Табл. I, стр. 237: латыши изъ Люцинскаго уѣзда, Витебск. губ. Одѣяніе его состоитъ изъ слѣдующихъ частей: холщевая рубашка съ отложнымъ воротникомъ завязаннымъ черною лентою, холщевые штаны, на ногахъ лапти съ оборами, холщевой кафтанъ, употребляемый лѣтомъ, кушакъ или поясъ, на головѣ полярковая черная шляпа съ широкими полями. Одѣяніе ея (дѣвицы) состоитъ изъ слѣд. частей: холщевая рубашка съ приточкою, полосатая холщевая юбка, холщевой бѣлый передникъ, на ногахъ лапти съ оборками, шерстяное съ узоромъ покрывало для плечъ—шаль, на шеѣ бѣлыя стеклянныя бусы и бусы черныя, на головѣ два вѣника изъ цвѣтовъ.

⁵⁾ Des veränderten Russlandes Dritter Theil. Die Regierung der Kaiserin Catharina und des Kaisers Petri Sekundi und sonst alle vorgefallene Merkwürdigkeiten in sich haltend. Hannover, Verlegt von seel. Nicolai Försters und Sohns Erben, 1740, стр. 120.

⁶⁾ Введение къ Wannem Imanta, 1802, въ Vaterländisches und Gemeinnütziges von C. Woldemar, 1 H., Mosk., 1871, стр. 93; ср. G. Merkel, Widsemeš šenatne, стр. 45.

⁷⁾ Ср. Des veränd. Russlandes Dritter Theil, Hannover, 1740, стр. 120: „Sie gehen mit blossem Haupte, und ihre mehrentheils weisse Haare schneiden sie rundum bis an die Ohren ab.“

⁸⁾ Hupel, Topogr. Nachr., стр. 150; на рисункѣ Меллина дерево въ листьѣ.

⁹⁾ Hupel, Topogr. Nachr., Bd. II, стр. 165-

¹¹⁾ Приложение къ журналу „Auštrumš“: Tautas argehrbš, pehz M. Skrusišča sihmejuma.

¹²⁾ Прилож. къ № 1 „Austrums, 1904:“ Tautas argehrbu paraugi, sihmejīs J. Maderneekš, Rīg. Latw. Beedr. V. wišpahriго dseedašchanaš šwehtku komišijāš isdewumš.

¹⁰⁾ Austrums, 1904, R. Sariņ, Tautiški argehrbi (приложеніе къ журналу).

¹³⁾ Хр. Баронъ и Г. Виссендорфъ, Латышскія народныя пѣсни, Latwju daiņās, Томъ II, СПБ, 1903, № 5645.

¹⁴⁾ См. рисунокъ графа Меллингъ.

¹⁵⁾ Каталогъ латышской этнографической выставки, Рига, 1896, стр. 86.

¹⁶⁾ Carl Boÿ, Bericht über Ausgrabungen auf dem Kronsgute Zeemalden in Kurland, Mitau, 1896, стр. 10 и 24.

¹⁷⁾ Chr. liv. vet., XVI, 3.

¹⁸⁾ Беверинскія раскопки Ф. В. Баллода лѣтомъ 1909 года.

¹⁹⁾ Люцинскій могильникъ, стр. 16 и 8 (приложенія).

²⁰⁾ Люц. могильн., стр. 21. J. R. Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, V, L'age du fer, Antiquités des Provinces Baltiques, Helsingfors, 1884, стр. 393, № 2160. Katalog der Ausstellung zum X archäol. Kongress in Riga, 1896, Einleitung zur Abtheilung Archäologie v. Rich. Hausmann, стр. XLIX. Verhandl. der gelehrt. Estnischen Gesellschaft zu Dorpat, VIII Band, 3 Heft, 1876, Karl Graf Sievers, Bericht über die im Jahre 1875 am Strante-See ausgef. archäol. Untersuchungen, стр. 25. Sitzungsб. der Ges. für Gesch. u. Altertumsk., Riga, 1897, A. Buchholtz, Ueber die Aufdeckung von Hügelgräbern in Stabben, стр. 116. Katalog, 1896, стр. 90 и 100.

²¹⁾ Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat, 1892, Dorpat, 1893, 588 Sitzung, Seite 91: „der Kopfschmuck—eine den lettischen Gräbern eigentümliche Erscheinung“. Hausmann, Einleitung, стр. XLIX: „der Lette liebte Kopfschmuck“.

²²⁾ Люц. мог., стр. 22.

²³⁾ C, Boÿ, Bericht über Ausgrabungen auf dem Kronsgute Zeemalden in Kurland, Mitau, 1896, стр. 11 и 24.

²⁴⁾ Kruse, Necrolivonica, Dorpat, 1842, Beilage C, стр. 6. Hausmann, Einleitung, стр. XXVII.

²⁵⁾ Sitzungsб. der Ges. für Gesch. u. Alt. a. d. J. 1876, Riga, 1877, Verzeichniss der von Herrn Pastor Vierhuff am 6. XII. 76 übergebenen Altterthümer, стр. 64.

²⁶⁾ Katalog, 1896, Hausmann, Einleitung, стр. XLIX.

²⁷⁾ Hausm., Einl., стр. XLIX. Sitzungsб. der Ges. für Gesch. u. Alt. a. d. J. 1893, Riga, 1894, 575 Versammlung a. 14. IV. 93, стр. 32.

²⁸⁾ Sitzungsб. der. Gel. Estn. Gesellsch. zu Dorpat, 1892, 588 Sitzung, стр. 91 и 92.

²⁹⁾ Kruse, Necrol., Beilage C, стр. 6 и 23.

- 30) Auštrums, 1904, Tautas apgehrba apraksts, стр. 67.
- 31) Auštrums, 1904, стр. 711—714.
- 32) Вѣнки, расшитые стеклярусомъ, назывались „sihlu waiuagi“, стояли весьма много денегъ („братья плачутъ, платя деньги“—говорить народн. пѣсни) и носились на югъ и сѣверъ отъ Двины.
- 33) Каталогъ латышской этнографической выставки, Рига, 1896, стр. 72.
- 34) Auštrums, Muhšu tautas uswalks, стр. 711.
- 35) Баронъ и Виссендорфъ, Лат. нар. пѣсни, № 5506.
- 36) Б. и В., Лат. н. п., № 5532.
- 37) Б. и В., Л. н. п., № 5516.
- 38) Б. и В., Лат. нар. пѣсни, № 5539.
- 38) Каталогъ, стр. 73.
- 39) Люц. мог., стр. 20. Sitzb. der Ges. f. Gesch. u. Altert. a. d. J. 1894, Riga, 1895, Ant. Buchholtz, Ueber eine Skelettgräberstätte in Klauenstein, стр. 125. Aspelin, стр. 391, № 2145.
- 40) Sitzungsber. d. G. f. G. u. A. a. d. J. 1893, Riga, 1894, 575 Versammlung am 14 April 1893, стр. 31. Люц. мог., стр. 23.
- 41) Люц. мог., приложение, стр. 28.
- 42) Люц. мог., стр. 22.
- 43) Люц. мог., стр. 20 и 25.
- 44) Каталогъ этн. выст., стр. 73 и 74.
- 45) Б. и В., Лат. нар. пѣсни, № 5624.
- 46) Б. и В., Лат. нар. п., № 5524.
- 47) Sitzungsberichte der Gesellsch. f. Gesch. und Alterthumsk. der Ostseepr. Russlands a. d. J. 1893, Riga, 1894, 575 Vers., стр. 31.
- 48) Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat, 1892, Dorpat, 1892, 583 Sitzung, стр. 49; 588 Sitzung, стр. 91.
- 50) Aspelin, стр. 395, № 2183.
- 51) Aspelin, стр. 389, № 2124.
- 52) Люц. мог., стр. 16 и 17, и прилож., стр. 20.
- 53) Каталогъ лат. этногр. выставки, стр. 74 и 75. Auštrums, 1904, Muhšu tautas uswalks, стр. 790.
- 54) Hupel, Topogr. Nachr., Bd. II, стр. 193.
- 55) Auštr., 1904, Muhšu tautas uswalks, стр. 790.
- 56) Aspelin, стр. 391, № 2144.
- 57) Aspelin, стр. 395, № 2179. Sitzungsbericht d. Gesellsch. für Gesch. und Altertumskunde d. Ostseepr. Russl. a. d. J. 1896, Riga, 1897, A. Buchholtz, Ueber die Aufdeckung von Hügelgräbern in Stabben am 15. IX. 1896, стр. 113, 114 и 118.
- 58) Люц. мог., стр. 17, 18.
- 59) Люц. мог., стр. 20.

⁶⁰⁾ Anstrums, 1904, стр. 711; см. выше.

⁶¹⁾ На рисункѣ Аспелина № 2179 видно, какъ носили этотъ головной уборъ.

⁶²⁾ Кат. этногр. выст., стр. 75, 76, 77.

⁶³⁾ Anstrums, 1904, стр. 790.

⁶⁴⁾ Chron. liv. vet., XVI, 4.

⁶⁵⁾ Риёмованная хроника (v. 3882 — 3890) о жмуди рассказываетъ, что

„ir tóten, die sie háten,

„die branten sie mit irme zúge,

„vur wár ich nicht enlúge:

„spere, schilde, brunje, pfert,

„helme, keyen und swert

„brante man durch ir willen,

„dar mite solden sie stillen

«den tável in jener werlde dort», — и дальше даетъ опи-

саніе литовскихъ шлемовъ (5018—5019):

„ir helme wáren von golde rich,

ez lúchte alsam ein spígelglas“, т. е. — шлемы язычниковъ

были богаты золотомъ и блистали какъ зеркало.

⁶⁶⁾ Харузинъ, Обзоръ доист. арх., стр. 129 и 166: Найденные въ Добесбергѣ молотъ и наковальня свидѣтельствуютъ о существованіи у мѣстныхъ племенъ собственнаго металлическаго производства (Добесбергъ лежитъ въ Земгалльской области, сосѣдней съ Литвою). Въ Венденскомъ уѣздѣ въ имѣніи Лубанъ при выкорчевываніи пня очень стараго дуба, на глубинѣ 3 футовъ, былъ найденъ необдѣланный кусокъ бронзы 24,6 см. длины, 1,5—ширины и 1 см. толщины. Подобные же куски бронзы были находимы около Фридрихштата, и свидѣтельствуютъ о томъ, что бронзовые украшения изготовлялись и на мѣстѣ.

⁶⁷⁾ Kruse, Necrolivonica, Beilage C, стр. 6; Atlas zu den Necrolivonicis, Tab. 19 и 78.

⁶⁸⁾ Katalog, 1897, Hausmann, Einleitung, стр. XXXVI.

⁶⁹⁾ Hausmann, Einleitung, стр. XLIX.

⁷⁰⁾ Б. и В., Лат. нар. пѣсни, № 7396.

⁷¹⁾ Б. и В., Л. нар. п., № 7403.

⁷²⁾ Б. и В., Лат. нар. п., 7382.

⁷³⁾ Б. и В., Лат. нар. п., № 7378.

⁷⁴⁾ Б. и В., Лат. нар. пѣсн., № 7373.

⁷⁵⁾ Бар. и Вис., Лат. нар. пѣсн., № 7345.

⁷⁶⁾ Б. и В., Лат. нар. п., № 7374.

⁷⁷⁾ Б. и В., Лат. нар. п., № 5628.

⁷⁸⁾ Kruse, Necroliv., Beilage C, стр. 32.

- 79) Люц. мог., стр. 15 и пролож., стр. 22, кост. III, 49; стр. 8, к. II, 7.
- 80) Voÿ, Zeemalden, стр. 19 и 24.
- 81) Kruse, Necrolivonica, Beilage C., стр. 8 и 16.
- 82) Sitzungsber. der Ges. für Gesch. и Alt. a. d. J. 1893, Riga 1894, 575. Versammlung am 14 April 1893, стр. 31 и 32 (Ausgrabung I).
- 83) Каталогъ этн. выст., стр. 78, 79. Auštrums, 1904, стр. 711.
- 84) Каталогъ этногр. выст., стр. 86.
- 85) смотр. выше: прим. 5,—стр. 120 „Des. veränd. Russlandes“.
- 86) Каталогъ этногр. выст., стр. 86.
- 87) Люц. мог., прилож., стр. 3, 10, 5.
- 88) Kruse, Necrol., Beilage C, стр. 14.
- 89) Kruse, Necrol., Beilage C, стр. 33.
- 90) Катал. этногр. выст., стр. 79.
- 91) Auštrums, 1904, Mubšu tautas uswalks, стр. 379 и 380.
- 92) Б. и В., Лат. нар. пѣсни, № 5620.
- 93) Б. и В., Лат. нар. пѣсни, № 5621.
- 94) Люц. мог., стр. 15.
- 95) Voÿ, Zeemalden, стр. 24.
- 96) Согласно микроскопическому анализу люцинскихъ тканей, ихъ шерсть—„тонкая“, что указываетъ на развитіе овцеводства. Микроскопическій анализъ, по моей просьбѣ, былъ сдѣланъ преподавателемъ Коммерческаго Института В. Р. Вильямсъ.
- 97) Kruse, Necrol., Beilage C., стр. 8.
- 98) Kruse, Necrol., Beilage C., стр. 5.
- 99) Chr. liv. vet., I. 11; Heinrichs von Lettland Livländische Chronik, übersetzt von Ed. Pabst, Reval, 1867, стр. 9, пр. 8.
- 100) Auštrums, 1895, Latweeschu tautas apgehrbš šawā wehštūriskā atihštibā un nosihmē, no M. Skrusišcha, стр. 12.
- 101) Livländische Reimchronik, v. 9223—9233.
- 102) Люц. мог., стр. 15. Kruse, Necrol., Beilage C., стр. 8. Voÿ, Zeemalden, стр. 24.
- 103) Katalog 1896, Hausmann, Einleitung, стр. XLVIII. Aspelin, стр. 389, № 2120 и № 2122; стр. 396, № 2187.
- 104) Hausmann, Einleitung, XLVIII.
- 105) Hausmann, Einleitung, стр. XXV.
- 106) Люц. мог., стр. 47.
- 107) Hausmann Einleitung, стр. XLVIII.
- 108) Б. и В., Лат. нар. пѣсн., № 6976.
- 109) Б. и В., Л. н. п., № 6996.
- 110) Б. и В., Лат. н. п., № 7108.
- 111) Б. и В., Л. н. п., № 7131.

¹¹²⁾ Б. и В. Л. н. п., № 7139.

¹¹³⁾ Б. и В., Л. н. п., № 7138.

¹¹⁴⁾ Б. и В., Л. н. п., № 7320.

¹¹⁵⁾ Б. и В., Л. н. п., № 7497.

¹¹⁶⁾ Sitzungsber. der Gelehrten Estn. Gesellsch. zu Dorpat 1893. D-r L. v. Schroeder, die Hügelgräber des Maskat-Gesindes in Planhof, стр. 96.

¹¹⁷⁾ Voy, Zeemalden, стр. 20.

¹¹⁸⁾ Люц. мог., стр. 16; прилож., стр. 9, кост. II, 27.

¹¹⁹⁾ Люц. мог., стр. 5 приложения.

¹²⁰⁾ Люц. мог., прилож. стр. 6.

¹²¹⁾ Люц. мог., прилож. стр. 13.

¹²²⁾ Люц. мог., прилож., стр. 8.

¹²³⁾ Б. и В., Лат. нар. п., № 5593. Цвѣтъ чулковъ и носковъ бѣлый. Зимой обыкновенно надѣвается по нѣсколько паръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, кромѣ чулковъ и носковъ, ноги еще повязываются особыми повязками, а выше носковъ натягивается что-то въ родѣ голенищъ — „uzmauči“. На чулкахъ встрѣчаются пестрые узоры. Чтобы чулки не спадали внизъ, ихъ повязываютъ лентообразными повязками — „preevite“. Повязки эти бываютъ тканья, плетенныя или вязанныя. (Каталогъ лат. этнограф. выставки, Рига, 1896, стр. 83, 84). Излюбленными были бѣлые чулки:

„Ši meitiņa, ta meitiņa

Baltajam zek'item;

Tam bij aitas baltu vilnu,

Baltajam kajiņam“. (Лат. нар. пѣсни, Б. и В.,

№ 5733). Мужчинами носились или чулки или носки:

„Garas zek'es veen adiju,

Medzuleeša gaididama

Vilks nzgruda Leezereeti,

Isu zek'u valkataju“. (Лат. нар. пѣсни, Б. и В.

№ 7274). Бѣлые чулки и носки, безъ сомнѣнія болѣе новое, модное, производство; ихъ прототипомъ являются онучи, пережитки которыхъ мы, очевидно, имѣемъ въ выше упомянутыхъ повязкахъ и голенищахъ.

¹²⁴⁾ См. выше рисунокъ: Topogr. Nachr. v. Lief- und Ehstland, II Band. I Kap., V Absch., Nr II. Kleidung der Letten.

¹²⁵⁾ Б. и В., Лат. нар. п., № 5578, 2.

¹²⁶⁾ Voy, Zeemalden, стр. 26.

¹²⁷⁾ Kruse, Necrol., Beilage C., стр. 14.

¹²⁸⁾ Каталогъ лат. этн. выст., стр. 84.

¹²⁹⁾ Б. и В., Лат. нар. п., № 5664.

¹³⁰⁾ Б. и В., Лат. нар. п., № 7220.

¹³¹⁾ Каталогъ этногр. выставки, стр. 87.

- ¹³²⁾ Kruse, Necrol., стр. 16.
- ¹³³⁾ Б. и В., Лат. нар. п.: „Latwju daiņas“, I, Jelgawā 1894, № 3451.
- ¹³⁴⁾ Latwju daiņas, I, Jelgawā 1894, № 3452.
- ¹³⁵⁾ Люц. мог., стр. 15 и 16; прилож., стр. 7, 10, 19, 22, 25, табл. IX, 10, 11 и II, 3. Kruse, Necrol., Beilage C., стр. 8. Hausmann, Einleitung (Katalog 1896), стр. XLVIII; Sitzungsbericht der Gel. Estn. Ges. 1893. D-r L. v. Schroeder, Die Hügelgräber des Maskat Gesindes in Planhof, стр. 94. Sitzb. der Ges. f. Gesch. und Alt., 1876, 415 Vers., Vierhuff, Ueber die von ihm der Gesellschaft am 6. XII. 76 übergebenen Altertümer, стр. 55.
- ¹³⁶⁾ Люц. мог., стр. 15.
- ¹³⁷⁾ Chr. liv. vet., XXI, 3.
- ¹³⁸⁾ Sitzungsber. der Gel. Estn. Gesellsch. zu Dorpat 1892, 588 Sitzung, стр. 93.
- ¹³⁹⁾ Каталогъ этногр. выст., стр. 87.
- ¹⁴⁰⁾ Кат. этн. выст., стр. 8.
- ¹⁴¹⁾ Auštrumš, 1904, стр. 68.
- ¹⁴²⁾ Boy, Zeemalden, стр. 19 и 24.
- ¹⁴³⁾ Люц. мог., прилож., стр. 13.
- ¹⁴⁴⁾ Катал. этн. выст., стр. 77. Auštrumš 1904, стр. 235 и 310.
- Kruse, Necrol., Beilage C, стр. 16 и 33.
- ¹⁴⁵⁾ Б. и В., Л. н. п., № 5585.
- ¹⁴⁶⁾ Б. и В., Л. н. п., № 5588.
- ¹⁴⁷⁾ Б. и В., Лат. н. п., № 5634.
- ¹⁴⁸⁾ Б. и В., Лат. н. п., № 5576.
- ¹⁴⁹⁾ Б. и В., Лат. н. п., № 5648.
- ¹⁵⁰⁾ Б. и В., Л. н. п., № 7445. Sitzb. d. G. f. G. u. A., a. d. J. 1876, 415 Vers., стр. 55.
- ¹⁵¹⁾ Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat, VIII Bd., 3 Heft, Dorpat 1876, Bericht über die i. J. 1875 am Strante-See. ausgef. arch. Untersuch. v. K. Graf. Sievers, стр. 25.
- ¹⁵²⁾ Sitz. der Ges. f. Gesch. und Alt. a. d. J. 1893, 575 Versamml., стр. 32.
- ¹⁵³⁾ Sitz. d. Ges. f. Gesch. und Alt. a. d. J. 1874, 394 Versamml., стр. 60.
- ¹⁵⁴⁾ Sitz. d. Ges. f. G. u. A. a. d. J. 1876, 415 Versammlung, стр. 57.
- ¹⁵⁵⁾ Sitz. d. Ges. f. G. u. A. a. d. J. 1896, A. Buchholtz, Ueber die Aufdeckung von Hügelgräbern in Stabben, стр. 118.
- ¹⁵⁶⁾ Boy, Zeemalden, стр. 24.
- ¹⁵⁷⁾ Люц. мог., стр. 15—17, прилож., 12 (II, 62), 22 (III, 51) и др.
- ¹⁵⁸⁾ Auštrumš, 1904, Muhsu tautas uswalks, стр. 790.

- 159) Каталогъ этн. выст., стр. 84.
- 160) Б. и В., Лат. нар. п., № 5606.
- 161) Kruse, Necrol., Beilage C, стр. 10.
- 162) Hausm., Einleitung, XXIX, LV.
- 163) Zeemalden, стр. 16, мор. 16., табл. VI, 4.
- 164) Zeemalden, стр. 11, мор. V.
- 165) Zeemalden, стр. 5 и 25.
- 166) Zeemalden, стр. 6.
- 167) Люц. мор., стр. 34—37.
- 168) Люц. мор., прилож., стр. 8.
- 169) Sitzungsberichte der Ges. für Gesch. und Altertumsk. a. d. Jahre 1876, Vierhuff, Ueber die von ihm der Gesellschaft am 6. XII, 76 übergebenen Altertümer, стр. 55.
- 170) Aspelin, 393, № 2162.
- 171) Aspelin, стр. 389, № 2116.
- 172) Sitzungsber. der Ges. f. Gesch. u. Alt. a d. J. 1896. A. Buchholtz, Ueber die Aufdeckung der Hügelgräber in Stabben, стр. 118.
- 173) Hausmann, Einleitung, стр. LV.
- 174) Hausmann, Einleitung, стр. LV.
- 175) Люц. мор., прилож., стр. 5, 6.
- 176) Kruse, Necrol., Beilage C, стр. 31.
- 177) Austrums, 1904, стр. 791.
- 178) Каталогъ этн. выст., стр. 88 и 89. Kruse, Necrol., Beil. C., стр. 30.
- 179) Heing. v. Lettl. Livl. Chronik, übersetzt von Eduard Pabst, Reval, 1867, стр. 177, примѣч. 25.
- 180) Chr. liv. vet., XIX, 3.; 1 эзерингъ (озерингъ)— $\frac{1}{2}$ марки серебра.
- 181) Труды IV Археологическаго съѣзда въ Россіи, т. I. Казань, 1884, J. P. Аспелинъ, О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторическихъ временахъ, стр. 13 и 14.
- 182) Hausmann, Einleitung, LII.
- 183) Люц. мор., стр. 32 и 33. Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga, 1896, Hausmann, Einleitung, стр. XXV, XXVI, LII; Kruse, Necrol., стр. 30.
- 184) Б. и В., Лат. нар. п., № 5631; ср. Kruse, Ncr., Beilage C., стр. 29.
- 185) Харузинъ, Обзоръ доистор. археол., стр. 177. Kruse, B. C., стр. 29.
- 186) Verh. d. g. Est. Gesellsch., VIII Bd., 3 H., Sievers, Bericht, стр. 25.
- 187) Люц. мор., стр. 27.

- 188) Sitzb. d. G. f. G. u. A., a. d. J. 1895, Buchholtz, Ein Gräberfeld in Kaipen und die Kirche zu Sissegal, стр. 91.
- 189) Sitzb. d. G. f. G. u. A., a. d. J. 1893, 575 Versamml., стр. 92.
- 190) Люц. мор., стр. 26.
- 191) Sitzb. d. G. Estn. Ges. 1893. D-r L. v. Schroeder, die Hügelgräber des Maskat-Gesindes in Planhof, стр. 96.
- 192) Katalog 1896, табл. 11, 6; Sitzb. G. f. G. u. A. a. d. J. 1895, A. Buchholtz, Ein Gräberfeld in Kaipen und die Kirche zu Sissegal, стр. 91.
- 193) Люц. мор., стр. 27, табл. VIII, 15 и 16.
- 194) Sitzb. der Ges. f. Gesch. u. Alt. a. d. J. 1899, D-r A. Buchholtz, Ueber Gräber im Kokenhusenschen Kirchspiele, стр. 163
- 195) Sitzb. d. G. f. G. u. A. a. d. J. 1893, 575 Versamml., стр. 31.
- 196) Sitzb. d. G. f. G. u. A. a. d. J. 1894, A. Buchholtz, Ueber eine Skelettgräberstätte in Klauenstein, стр. 125.
- 197) Stb. G. f. G. u. A. a. d. J. 1896, A. Buchholtz, Ueber die Aufdeckung von Hügelgräbern in Stabben am 15. IX 1896, стр. 116.
- 198) Hausmann, Einleitung XXVII, LI, LII; Люц. мор., стр. 23.
- 199) Kruse, Necrol., Beilage C., стр. 7.
- 200) Sitzb. d. G. f. G. u. A. a. d. J. 1874, 394 Versamml., стр. 60.
- 201) Verh. d. gel. Estn. Ges., VIII, 3 H., Sievers, Strante, стр. 25.
- 202) Люц. мор., стр. 23.
- 203) Boy, Zeemalden, стр. 13, мор. 10.
- 204) Sitzb. d. G. f. G. u. A. a. d. J. 1893, 575 Vers., стр. 32.
- 205) Hausm. Einleitung., стр. L.
- 206) Люц. мор., стр. 28.
- 207) Sitzb. d. gel. Estn. Ges. 1893, D-r L. v. Schroeder, Der Lubbenhofsche Begräbnishügel, стр. 83.
- 208) Hausm., Einleitung, стр. L.
- 209) Люц. мор., стр. 29.
- 210) Aspelin, стр. 393, № 2158.
- 211) Verh. d. gel. Estn. Ges., 1876, Sievers, Strante, стр. 25.
- 212) Sitzb. d. G. f. G. u. A., 1893, 575 Vers., стр. 32.
- 213) Sitzb. d. G. f. G. u. A. 1876, 415 Vers., стр. 57.
- 214) Люц. мор., стр. 29.
- 215) Katalog 1896, табл. XI, рис. 13.
- 216) Katalog 1896, табл. XIV, 8.
- 217) Hausmann, Einleitung, стр. LIII и XXVIII, Люц. мор., 38—43 стр.
- 218) Sitzb. d. Gel. Estn. Ges. 1893. D-r L. v. Schroeder. Die Hügelgräber des Maskat-Gesindes in Planhof, стр. 96.
- 219) Sitzb. d. G. f. G. u. A. 1894, Buchholtz. Ueber eine Skelettgräberstätte in Klauenstein, стр. 126.
- 220) Люц. мор., стр. 41.

²²¹) Sitzb. d. G. f. G. u. A. 1896, Buchholtz, Ueber die Aufdeck. d. H. in Stabben, стр. 116.

²²²) Люц. мор., стр. 39; Sitzb. d. G. f. G. u. A. a. d. J. 1894, Anton Buchholtz, Ueber eine Skelettgräberstätte in Klauenstein, стр. 123; Sitzb. d. G. f. G. u. A. a. d. J. 1899, D-r A. Buchholtz, Ueber Gräber im Kokenhusenschen Kirchspiele стр. 171 и 172.

²²³) D-r A. Buchholtz, Ueber Gräber im Kokenhusenschen Kirchspiel, стр. 163.

²²⁴) Л. мор., прилож., стр. 6, кост. I, 31; стр. 26, к. III, 119.

²²⁵) Люц. мор., стр. 40.

²²⁶) Sitzb. d. G. f. G. u. A. 1896, Buchholtz, Ueber die Aufdeckung von Hügelgräbern in Stabben, стр. 117.

²²⁷) Табл. II, рис. 3; табл. IX, рис. 11; (Люц. мор.).

²²⁷) Люц. мор., стр. 45.

²²⁸) Buchholtz, Klauenstein (Sitzb. d. G. f. G. u. A. 94), стр. 123, 125 и 126.

²²⁹) D-r A. Buchholtz, Ueber Gräber im Kokenhusenschen Kirchspiel (Sitzb. G. f. G. u. A. 99), стр. 171 и 172.

²³⁰) Kruse, Necrol, Beilage C., стр. 12.

²³¹) Лат. нар. п., № 6273.

²³²) Лат. нар. п., № 6278.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.

	<i>Стр.</i>
Латышско-литовскія племена	3
А. Литовцы	4
Б. Прусы	6
В. Латыши	7

Глава II.

Владычество русскихъ князей и распространіе христіанства	45
--	----

Глава III.

Антропологическія данныя о латышахъ	57
---	----

Глава IV.

Одежда латышей съ IX по XIII вѣкъ	69
---	----

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
16	14	параллелоппинедовъ	параллелоппипедовъ
40	24	arzerejums	arzerejums
40	39	Konwersazijas	Konwersazijaš
52	29	придѣль	придѣль
56	10	1996	1896
61	8	см.	кб. см.
73	25	конпами	концами
74	21	Гульбернѣ	Гульбернѣ
114	3	украшена	украшена
121	22	Ši	Ši
121	29	uzgruda	uzgruda

Не нужны запятые: стр. 14, строка 6; 15, 3; 60, 30; 120, 13.